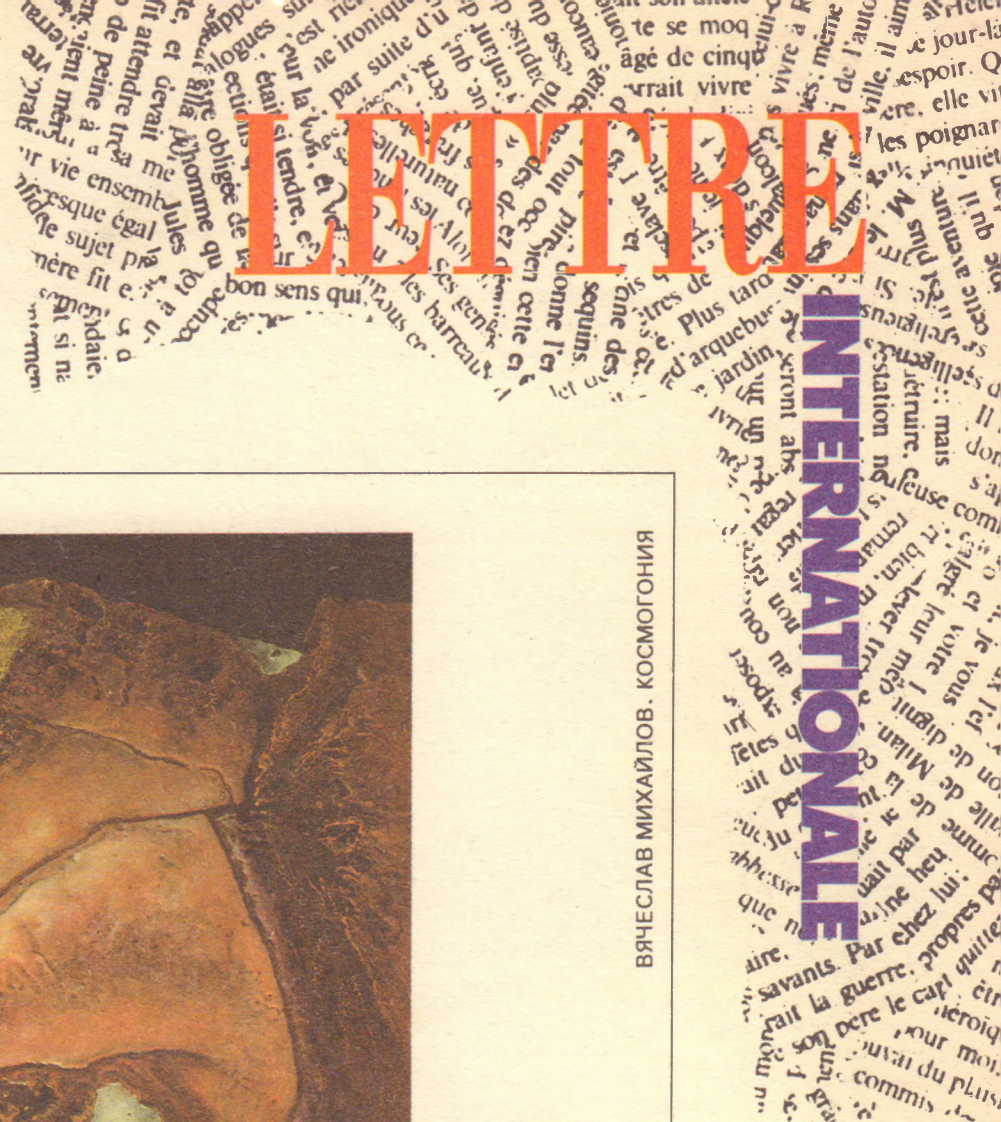


'91

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО



ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ. КОСМОГОНИЯ



Вацлав
ГАВЕЛ

Джордж
ОРУЭЛЛ

Георгий
ФЕДотов

Клод
РУА

Виктор
НЕКРАСОВ

Марион
ДЕНХОФ

Антонин
ЛИМ

Эдуард
ВИЙРАЛЬТ

Валерий
ПОПОВ

Андрей
СИНЯВСКИЙ

О СВОБОДЕ ПЕЧАТИ

Кинопоэма МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Лекция ИОСИФА БРОДСКОГО

ЭСТОНΙΑ: между ВОСТОКОМ и западом

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ

ВСЕМИРНОЕ

СЛОВО



Глубокоуважаемые коллеги,
пишу вам в развитие того разговора, который уже имел место
предварительно, о возможности публикации русского издания ру-
ководимого мною журнала "Lettre internationale". За несколько
лет своего существования "Lettre internationale" стал органом пе-
чати, объединившим лучшие силы литературы и публицистики
Европы. В настоящее время журнал выходит на четырех языках
- французском, немецком, испанском и итальянском; ведутся
переговоры с представителями ряда других стран о публикации
журнала на чешском, венгерском, польском, датском и норвеж-
ском языках.

"Lettre internationale" выходит четыре раза в год объемом более
80 страниц большого (газетного) формата - в три колонки; это
равно 250 страницам нормального книжного формата, то есть
примерно 18-ти листам. Каждая национальная редакция, остав-
ляя нетронутым основной костяк номера, вносит в издание то,
что она считает существенным для своих читателей, - как пра-
вило, от 20 до 30 процентов нового, специфического материала



(впрочем, в этом отношении никаких ограничений нет). Каж-
дый номер журнала широко отражает международную литера-
турную жизнь, политическую, эстетическую и философскую
мысль в разных странах. Например, в номере 22 (осень 1989)
представлены авторы из Польши (Боченски), Чехословакии
(Шимечка), Венгрии (Эстерхазу), Великобритании (Джон Бер-
гер), Франции (Бержере, Мальгуа), Италии (Бонавири, Джорел-
ло), Испании (Камилло Хосе Села). Русская общественная
мысль и литература представлены: статьей Солженицына "Две
революции" (о Великой французской и русской Октябрьской),
очерком Тендрякова "Блаженный остров коммунизма", стихами
Кушнера, Цветаевой, М. Светлова, И. Жданова, исследованием
Лидии Гинзбург "Цветаева и Пугачев", рассказом Виктора Ер-
феева "Попугай", статьей Чингиза Айтматова.

Журнал "Lettre internationale" стремится к тому, чтобы на его
страницах могли беспрепятственно высказываться все те ли-
тераторы, которые стремятся не к идеологическому диктату,
а к диалогу. Человечеконенавистничество бесплодно; оно, разъеди-
няя людей и противопоставляя их друг другу по признакам расы
или класса, умерщвляет культуру. Мы видим свою функцию в
том, чтобы людей соединять - такова главная задача культу-
ры, коллективной памяти человечества.

Сегодня, когда в Советском Союзе провозглашен примат обще-
человеческих ценностей над классовыми,
когда личность человека объявлена мерилем всех ценностей,
когда отбрасываются мертвящие догмы в политике, филосо-
фии, эстетике, этике,

когда лидеры партии и государства настаивают на строитель-
стве общеевропейского дома,

когда ненависть к инакомыслящим уступила место активному
сотрудничеству с ними,

когда религия более не преследуется, как воплощение самой чер-
ной реакции, а становится союзницей в борьбе за новую обще-
человеческую нравственность,

когда командно-административный произвол бюрократической
империи постепенно уступает свои позиции законам, определя-
ющим основы правового государства,
сегодня издание "Lettre internationale" в Советском Союзе пред-
ставляется нам не только желательным, но и необходимым.

Оно будет способствовать формированию интернациональной
культуры. Оно поможет созданию единого "европейского дома" и
в области культуры. Россия всегда принадлежала к Европе, но в
течение десятилетий она была искусственно отрезана от Запа-
да. Задача нашего журнала - вернуть Россию Европе, а Европу -
России.

АНТОНИН ЛИМ
Париж, 8 января 1990

Главные редакторы

АЛЕКСАНДР НИНОВ
АНТОНИН ЛИМ

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
191187, Ленинград, ул. Воинова, 18
телефон 273-78-60

РЕДАКЦИОННАЯ

КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ
ЕВГЕНИЙ АНИСИМОВ
ВАЛЕРИЙ БАБАНОВ - главный художник
ТАМАРА БАЛАШОВА
БОРИС БЕССОНОВ
СВЕТЛАНА БУШУЕВА
ВАСИЛЬ БЫКОВ
ДАНИИЛ ГРАНИН
ПОЭЛЬ КАРП - зам. главного редактора
АЛЕКСАНДР КУШНЕР
БОРИС ПУТИЛОВ
БЕНЕДИКТ САРНОВ
НИНА СНЕТКОВА
ЮРИЙ СУРОВЦЕВ
БОРИС ФИРСОВ

Представители "Всемирного слова":

в Париже - ЕФИМ ЭТКИНД
в Риме - РИТА ДЖУЛИАНИ
в Праге - АЛЕНА МОРАВКОВА
в Варшаве - АНДЖЕЙ ДРАВИЧ
в Будапеште - ЛАСЛО ХАЛЛЕР, ЧАБА ХАЙДУ

Сотрудники:

Елена Баевская - редактор
Ян Викард - ответственный секретарь
Лариса Житкова - зав. редакцией
Елена Сальникова - технический редактор
Елена Шнитникова - корректор

Учредитель - Общество "Всемирное слово"
Издатель - коллектив редакции журнала

© В.Бертельс: обложка, графическая концепция

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО - 1991	1
НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ - "Lettre internationale" 1984	2
Райнер Мария Рильке. "Мы лишь уста..."	2
Вацлав Гавел. СЛОВО О СЛОВЕ	3
Джордж Оруэлл. СВОБОДА ПЕЧАТИ	6
Бернард Крик. Как была написана эта статья	9
Георгий Федотов. СТАЛИНОКРАТИЯ	11
П.К. Послесловие	14
Клод Руа. СЛОВА В ГЛОТКЕ	16
Клод Руа. "Всегда твержу одно и то же..."	20
Зоя Журавлева. "УПОВАЯ НА ЛАВРАХ..."	22
(Кое-что о языке эпохи перестройки)	22
Нонна Слепакова. Стена и площадь	24
Пригородный пейзаж	24
Виктор Некрасов. ДЕСЯТЬ ЛЕТ ВО ФРАНЦИИ	27
Ефим Эткинд. Homo ludens	30
Н.Аль, Т.Голованова. "В ритме души..."	31
Михаил Булгаков. ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА, ИЛИ МЕРТВЫЕ ДУШИ. Кинопоэма по Н.В. Гоголю	35
Е.Кухта. "Мертвые души" в транскрипции М.А.Булгакова	44
Марлон Денхоф. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПО- ЛИТИКЕ	46
Марта Пессарродона. То ли песенка, то ли молитва	47
Антонин Лим. О ПРОВИНЦИАЛИЗМЕ	48
Томаш Лубенский. "Ты, что бежал в похищенном mundire..."	48
Иосиф Бродский. ALTRA EGO	49
Поэль Карп. ОКОНЧИЛАСЬ ЛИ ИСТОРИЯ?	52
Эрнест Брыль. Выписка из энциклопедии ЭСТОНИЯ: МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	57
Татьяна Зажицкая. ФОРУМ НАРОДОВ ЭСТОНИИ	58
Вальмар Адамс. Inferno	61
Юхан Вийдинг. "я стал умней..."	61
Ильмар Лаабан. Жить свободным или умереть	61
Светлан Семеновна. От переводчика.	61
Яак Йыэрюют. ПЕРВЫЕ ВЕСТИ О СМЕРТИ. Рассказ	62
Татьяна Кашнева. НЕВЫДУМАННАЯ ПОВЕСТЬ	64
Эвальд Лааси. Чтобы заполнить некоторые пробелы...	67
Т. З. "Всего одна жизнь..."	68
Май Левин. "СТРАСТИ ПО ВИЙРАЛЬТУ" ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЗИЦИЯ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР	68
Кто мешает возрождению "Ленинграда"?	71
Писателям России	72
Адриан Македонов. Выступление на VII съезде писателей РСФСР	72
Выборы - недействительны!	73
От редакции	74
Валерий Попов. БЕЗГЛАВЫЙ ОРЕЛ. Рассказ	75
Андрей Синявский. ПИСАТЕЛЕЙ НАДО УБИВАТЬ	80

На седьмом году существования европейской семьи французского журнала "Lettre internationale", основанного в Париже известным чешским издателем и публицистом Антонином Лимом и имеющего ныне самостоятельные национальные редакции в Риме, Мадриде, Берлине, Белграде, Загребе, Праге и Будапеште, к этому международному журнальному клубу присоединяется редакция нового журнала, издающегося в Ленинграде на русском языке под названием "Всемирное слово". Редакционная статья "Нашим читателям" перепечатывается из первого французского номера "Lettre internationale" за 1984 год. Но мы считаем необходимым сказать еще несколько слов о целях и задачах русского издания "Всемирное слово".

Первый принцип журналов, принявших общую идею и программу, заключается в международном диалоге культур и языков, в том, что Слово других народов начинает звучать равноправно на нашем родном языке со страниц каждого национального издания. А ведь Слово - это самое долговечное и неугасимое из того, что остается в конце концов на мировом погосте человеческой цивилизации.

*Молчат гробницы, мумии и кости, -
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

Так определил всемирное объединяющее значение Слова великий русский писатель Иван Бунин. Свидетель первой и второй мировых войн, двух вселенских катастроф европейской цивилизации, он завещал нам быть предельно внимательными к Письменам каждого народа, большого и малого... Это, собственно, и проповедует "Lettre internationale" каждым своим журнальным выпуском. Большая часть каждого номера и в нашем издании будет принадлежать переводам с других языков, публикациям зарубежных авторов, которые тем самым войдут в прямой диалог с нами, оказываясь в новом языковом, общественно-политическом и культурном контексте.

Другую часть журнала "Всемирное слово" будут составлять оригинальные произведения, написанные не только на русском, но и в переводах на русский с украинского, литовского, армянского, киргизского, туркменского, азербайджанского, эстонского, татарского и с других языков нашей многонациональной страны.

Как ни остры в наше время разногласия и споры о дальнейшем государственном и политическом устройстве Советского Союза и чем бы эти споры ни обернулись, сложившееся культурное взаимодействие, пусть даже полемическое, по нашему убеждению, не пропадет бесследно, и в меру возможного нам хотелось бы запечатлеть его на своих страницах. Принципы нового мышления необходимо осуществлять прежде всего в своем собственном доме, укрепляя тенденции добровольного единения и свободного развития культур, последовательно отказываясь при этом от высокомерия, силового давления, психологии имперского превосходства, более

всего мешающих строительству равноправных отношений между народами.

Ни Литву, ни Грузию, ни даже Эстонию, коренное население которой на своей земле скоро может оказаться в положении национального меньшинства, нельзя удержать в Союзе силой, вопреки ясно выраженному желанию народов этих государств. Союз равноправных государств может быть только добровольным и никаким иным; в другом качестве он теряет свой настоящий конституционный смысл, да и называться тогда должен уже по-другому, ибо негоже одним и тем же словом прикрывать совершенно разные политические сущности. Унитарное государство лишь по недоразумению может

Позднее, уже в нашем веке, в Европе злоеще преуспели идеи национальной исключительности, ныне пропагандируемые у нас как самобытные. Осознание опыта побуждает не сбиваться на тупиковые пути, испробованные другими, но с новой силой ощутить почву европейской общности, - демократические права человека и права наций на самоопределение, а также ценность идей Просвещения, промышленного переворота и научно-технической революции, не говоря уже об объединяющей роли более ранних правовых, философских и религиозных традиций.

Русская культура, при всех зигзагах ее развития, еще в древнем Киеве и Новгороде была европейской. К проявлению своей евро-

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО

называться Союзом, ибо представляет на деле полуфеодалную иерархическую структуру господства и подчинения, жестко развернутую сверху вниз без эффективной обратной связи.

Подтверждая свою солидарность с интернациональной идеей, принятой нашими друзьями по европейским выпускам "Lettre internationale", мы хотели бы освободить эту идею от искажающих ее интерпретаций, от того превратного смысла, какой она приобрела в условиях тоталитарного общества, под воздействием мессианских претензий одной идеологии. Мы хотели бы сохранить наследственное качество русской литературы, отмеченное Достоевским в его знаменитой речи о Пушкине, - ее всемирную отзывчивость, способность воспринимать и готовность откликаться на лучшее, что создано гением человечества. Поэтому журнал "Всемирное слово" будет открыт для авторов, для идей и сообщений из всех стран мира.

Редакция "Всемирного слова" разделяет мнение французских коллег, обративших внимание на общий недостаток, особенно свойственный большим нациям, способным довольно долго жить иллюзией самодостаточности, ведущей в конечном счете к провинциализму великих культур. Провинциализм этот более всего опасен, когда сходное с другими, общее для всей Европы и мира, почитается своим исключительным свойством и не сопоставляется с чужим опытом. В прошлом веке русская культура делилась на западническую и славянофильскую, и ныне не вспоминают, что русское славянофильство было не менее европейским, чем западничество, и опиралось на философию Шеллинга и немецкий романтизм.

пейской природы звали народ лучшие умы России - и создатели великого европейского города на Неве, и журналы Новикова и Крылова в XVIII веке, и журналы Пушкина и Некрасова в XIX. Этому же направлению, в меру сил, хотели бы способствовать и мы.

Обозначая свою позицию как российское западничество, восходящее прежде всего к Пушкину, мы видим в нем актуальнейшее направление русского национального самосознания, упрочение которого в наши дни жизненно важно для всей страны. Новые явления русской литературы и русской мысли, философской и политической, будут оставаться в центре нашего внимания хотя бы потому, что наш журнал издается на русском языке.

Независимый от партий и политических движений, журнал "Всемирное слово" будет, понятно, демократическим по своей общей ориентации. А это означает широкую свободу суждений на его страницах и возможности развития идей, отнюдь не обязательно совпадающих со взглядами редколлегии и редакции. Даже подписанные статьи наших постоянных сотрудников будут выражать их личные точки зрения, и аргументированная полемика с ними будет доступна желающим. Мы стоим за терпимость ко всему, кроме воинствующей нетерпимости, уничтожающей свободу слова и его достоинство.

*И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный - речь.*

Июнь 1991 г.

Отныне эта страница отводится вам. В нашем первом номере мы займем ее только для того, чтобы рассказать вам, кто мы такие и к чему стремимся. Затем вы будете выносить свои суждения.

Настало время для действий, объединяющих разные страны Европы. Затевав новое издание, мы не просто объявляем его всеевропейским и пишем на нашем знамени слово "Европа": наш журнал будет выходить в разных странах и на разных языках, сохраняя большей частью одно и то же содержание. Мы обращаемся не к читателям отдельных стран, а ко всем читателям Старого

Мы хотим дать читателям возможность другого взгляда на мир и на себя.

Говоря о Европе, мы, разумеется, имеем в виду ту складывавшуюся тысячелетиями культурную общность, на которую, не искажая ее глубинной сути, давят сиюминутные политические раздоры и внешние приметы соотношения сил в современном мире. Мы ведем речь о Европе "от Атлантики до Урала" и, приняв для себя этот принцип, хотим, чтобы голоса малых стран стали слышны всем: мы дадим слово и голландцам, и скандинавам, и венграм, и румынам, и грекам, и словакам, а также и словенцам и многим, многим другим.

Нам хотелось бы, чтобы Центральная и

Мы просто попытаемся предложить вам самое серьезное, самое живое и самое точное описание сегодняшнего мира в том виде, как мы его наблюдаем. Мы, конечно, знаем, что не бывает общества без идеологии, без футурологии, без множества планов на будущее. Заботу обо всем этом мы предоставим другим, а сами будем надеяться, что честные и добросовестные описания помогут им в их предприятиях, как это зачастую бывало в прошлом.

У нас, разумеется, тоже есть свое прошлое, своя траектория, своя история. Если вам поскорей нужно подобрать нам определение, мы скажем, что, при всей своей разносторонности, причисляем себя к течению "де-

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Света. Нам хотелось бы, чтобы наши авторы - французы, англичане, немцы, итальянцы, испанцы, чехи, венгры, русские или поляки - не замыкались в кругу проблем, присущих их странам, не ограничивали себя своими национальными культурами, но чтобы каждый высказывался и о других, и для других.

Мы намерены бросить вызов явлению, ко-

Восточная Европа, в том числе и Россия, были у нас представлены не отзвуками какого-то далекого мира, которые становятся слышны только в моменты кризисов или в связи с диссидентским движением, но чтобы их природные голоса, столь часто заглушаемые, слышались постоянно и чтобы тем самым, вопреки политической и организационной раздробленности, осуществлялся непрерывный диалог, непрерывный обмен идеей.

Первый же наш номер ясно показывает, что быть европейцем и осуществлять европейское издание - вовсе не значит отгораживаться от остального мира. Мы убеждены, что Европа может понять себя только через узы с прочими частями света, что европейская культура, коль скоро она существует на свете, не может сохранить себя без связей с остальными материками и что она все более и более испытывает на себе их влияние.

Кроме того, нам кажется, что жанр, более всего нас интересующий, представлен куда сильнее в англосаксонском мире, чем на континенте, и лучшие образцы этого рода в переводах с английского могут весьма обогатить нас. Вообще мы попытаемся возродить почти забытый жанр, забытый вплоть до названия, которым обозначались авторы, пишущие в этом жанре, а именно публицисты. Речь идет о текстах, во-первых, довольно длинных, которым вечно недостает места в современных газетах, далее, о текстах, хорошо написанных, несущих в себе приметы художественной литературы, эссеистики, репортажа, интервью. Часто говорят, что у современного человека нет ни времени, ни охоты читать. Мы же убеждены, что в эпоху разнообразной, назойливой, заранее пережеванной информации, которую вкладывают потребителю прямо в рот, многие и многие люди еще стремятся к совсем другому чтению.

Сколько их? На это предстоит ответить вам.

Мы не собираемся ни предлагать, ни навязывать вам некую идеологию или футурологию, некие рецепты на сегодня или на завтра. У нас их нет. Мы только думаем, что родившийся более трехсот лет назад мир с его системой идей и ценностей медленно приближается к своему концу, а вместе с ним - множество идеологических, политических, экономических и культурных схем и привычек.

мократического социализма" в европейском смысле или "политического либерализма" в американском его понимании и что ставим вопросы с гораздо большей уверенностью, чем отвечаем на них. Впрочем, по нашим представлениям, это больше подобает интеллектуальному журналу, какой мы намерены издавать.

К кому мы обращаемся? К европейским интеллектуалам, то есть к самым разнообразным представителям интеллектуальной элиты.

Мы ставим перед собой двойную задачу. Прежде всего, сделать журнал таким, чтобы хотелось его читать, чтобы он привлекал к себе стойкий интерес. Но в то же время мы должны дойти до наших потенциальных читателей, заявить им о себе. И тут нам предстоит тяжкий, упорный, долгий труд. (Начнем мы с ежеквартального выпуска, а далее, в зависимости от откликов на наш журнал, перейдем, возможно, и к ежемесячному изданию.)

Журнал, подобный нашему, трудно удержать в продаже на протяжении трех месяцев в киосках, набитых периодикой, и даже в книжных магазинах. В англосаксонском мире издания такого типа расходятся почти исключительно по подписке; мы имеем в виду, в частности, "New York Review of Books" и "London Review of Books" - журналы, с которыми у нас уже установились прекрасные отношения.

Поэтому мы говорим вам сразу: подпишитесь на наш журнал, и поскорей, и чем больше, тем лучше! Более того: ищите нам подписчиков, присылайте адреса своих знакомых, которые могли бы заинтересоваться нашим изданием. А если вы можете и желаете поддержать нас непосредственным образом, наш счет открыт для вас.

Если вы прочли наш журнал с первой страницы до обращения к читателям, значит, вы в состоянии решить, хочется ли вам присоединиться к нашей попытке доказать, что интеллектуальная Европа имеет будущее и что эпоха чтения не минула без следа.

"Lettre internationale", 1984, №1

Райнер Мария Рильке

*Мы лишь уста. Но кто же сердца глас,
Который в глубине вещей сокрыт?
Могучий трепет сердца в нас разбит
На малые толчки. Счастливы час
И скорбный час нам слишком велики.
Мы вырвемся, их власти вопреки.
И снова лишь уста.*

*Но где-нибудь
В себе мы трепет сердца различим
И в крик кричим...*

Тогда мы - облик, претворенье, суть.

Перевел Позль Карп

торое можно было бы назвать провинциализмом великих культур. Малые страны, малые культуры, которые в силу своего языка и распространения обречены на существование в тесных рамках, не могут себе позволить замыкаться на себе самих и питать иллюзию собственной самодостаточности. Они стоят перед необходимостью открыться внешнему миру и питаться его соками: это нужно хотя бы для того, чтобы утвердить в мире свою самобытность. Великие культуры не чувствуют этой потребности или, во всяком случае, не испытывают ее с такой остротой. А потому они в своем уютном существовании впадают в поразительный провинциализм, о чем свидетельствует множество произведений, принадлежащих советским и даже американским авторам, а еще больше - книги, созданные в главных странах Европы.

Премия, которой меня сегодня удостоили, называется "премией Мира", и наградили меня ею книготорговцы, то есть люди, посвятившие себя распространению слова. Очевидно, это дает мне право поразмышлять здесь о таинственной связи между словом и миром и вообще о таинственном могуществе слова в человеческой истории.

"В начале было слово", - сказано на первой странице одной из самых важных книг, какие нам только известны. В той книге это означает, что источник всего сущего - Слово Божье. Но не относится ли это в переносном смысле и ко всей человеческой деятельности? Разве и в нашем случае не слово - наиболее характерный источник того, что мы собой представляем, и даже сама основа такого вида вселенского бытия, который мы называем "человеком"? Дух, человеческая душа, наше самосознание, наша способность обобщать и мыслить в понятиях, воспринимать мир как мир (а не только как свое окружение) и, наконец, наша способность сознавать, что мы умрем, и тем не менее жить, - разве все это опосредствованно или прямо не сотворено словом?

Если Слово Божье - источник всего сотворенного Богом, то и та часть творения, которую представляет род человеческого, сама по себе существует благодаря еще одному Божьему чуду, а именно чуду человеческого слова. И если это чудо - ключ к истории человечества, то оно одновременно и ключ к истории человеческого общества и даже, быть может, выступает в роли первого лишь потому, что выполняет второе свое назначение, - ведь если бы слово не было средством коммуникации между двумя или более человеческими "я", оно, вероятно, вообще бы не существовало.

Все это мы, собственно говоря, каким-то образом испокон веков знаем или хотя бы подозреваем; ощущение особого смысла и веса слова присутствует в сознании человечества с незапамятных времен.

И не только это: благодаря чуду слова мы, вероятно, лучше, чем остальные представители животного мира, знаем, что на самом деле знаем очень мало, то есть что существует таинство. Лицом к лицу с этим таинством и одновременно ощущая эту почти основополагающую силу слова - мы с незапамятных времен пытаемся назвать по имени и подчинить воздействию слова то, что сокрыто от нас таинством. Как верующие мы обращаемся с молитвой к Богу, подобно магам вызываем и заклинаем духов, пытаемся вмешиваться словом в природные и человеческие процессы, как представители современной цивилизации - верующие или неверующие - составляем из слов научные теории и политические идеологии, которыми противимся - порой успешно, порой безуспешно - таинственному ходу мира и посредством которых - порой успешно, порой безуспешно - пытаемся на этот ход воздействовать.

То есть очевидно одно: какие бы тут ни были объяснения, но сознательно или бессознательно мы испокон веков - и в известном смысле вполне оправданно - верим во всемирно-историческое могущество слова.

*
Отчего я говорю "вполне оправданно"? Неужели человеческое слово в самом деле столь могущественно, что может изменять мир и оказывать воздействие на историю? И если некогда оно было столь могущественно, то обладает ли таким могуществом и сейчас?

Вы живете в стране с большой свободой слова. Этой свободой может пользоваться кто угодно и для чего угодно, что остальные необязательно замечают и чему уж тем более не уделяют особого внимания. А стало быть, вам может показаться, будто я переоцениваю значение слова просто оттого, что живу в стране, где за слово все еще сажают в тюрьму.

Да, я живу в стране, где значимость и ра-

Вацлав Гавел Старек был осужден на два с половиной года за то, что выпускал независимый журнал "Окно", посвященный проблемам культуры, - причем отнюдь не в собственной типографии, а на скрипучем допотопном ротаторе! Незадолго до этого мой друг Иван Ироус был осужден на шестнадцать месяцев тюремного заключения всего лишь за то, что выкрикнул на пишущей машинке известное каждому: в нашей стране было много убийств, совершенных органами правосудия, и еще и поныне несправедливо посаженный человек может быть замучен в тюрьме. Мой друг Петр Цибулька содержится в заключении за то, что

СЛОВО

Эта речь была прочитана в отсутствие автора 15 октября 1989 года на книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне при награждении В.Гавела премией немецких книготорговцев. На русском языке полностью публикуется впервые.



диоактивное излучение слова, ежедневно подтверждаются санкциями, которые навлекает на себя свободное слово. Недавно весь мир отмечал двухсотлетие Великой французской революции, в связи с этим пришлось вспомнить и знаменитую Декларацию прав человека и гражданина, декларацию, в которой говорится, что каждый гражданин имеет право владеть типографией. В те же дни, а значит, ровно через двести лет после появления этой декларации, мой друг Франтишек

распространял изданные в самиздате тексты и магнитофонные записи неконформистских певцов и музыкальных групп. Да, все это правда. Я действительно живу в стране,

СЛОВЕ

где съезд писателей или какое-либо выступление на нем способны сотрясти систему. Можете ли вы представить себе нечто подобное в Федеративной Республике Германии? Да, я живу в стране, которую двадцать один год назад сотряс написанный моим другом Людвигом Вацуликом текст, называвшийся как бы в подтверждение моих выводов о могуществе слова - "2000 слов"; этот текст, помимо прочего, послужил одним из поводов для того, чтобы в известную ночь на нашу страну напало пять иностранных армий. И отнюдь не случайно, что в момент, когда я это пишу, наш режим сотрясается от одной странички текста, названного - опять же как бы для иллюстрации сказанного мною - "Несколько фраз". Да, я и правда живу в системе, где слово может сотрясти весь аппарат власти, где слово может иметь большую силу, чем десяток дивизий, где правдивое слово Солженицына было воспринято как нечто столь опасное, что его автора необходимо было насильно посадить в самолет и выдворить из страны. Да, я живу там, где слово "Солидарность" способно сотрясти целый блок государств.

Все это правда, об этом уже было немало написано, об этом уже говорил здесь и мой высокочтимый предшественник Лев Копелев.

Но для меня сейчас важно нечто иное. Я не хочу говорить лишь о невероятной значимости, которую свободное слово обретает в обстановке тоталитаризма, не хочу иллюстрировать таинственное могущество слова лишь тем, что существуют страны, где несколько слов могут весить больше, чем в других местах целый поезд с динамитом.

Я хотел бы поговорить более обобщенно, взглянуть на свою тему в ее более широких и противоречивых взаимосвязях.

Мы живем в мире, где в гражданина Великобритании кто-то обладающий властью в совсем другой стране совершенно публично и беззастенчиво может нацелить смертоносную стрелу лишь за то, что этот человек написал некую книгу. Сей властитель делает это якобы от имени миллиарда своих единоверцев. Более того, мы живем в таком мире, где определенная - надемся, лишь малая - часть упомянутого миллиарда может согласиться со справедливостью вынесенного приговора.

Что это такое? Что это означает? Всего только леденящее дуновение фанатизма, странным образом оживающего в эпоху различных хельсинкских конференций и странным образом оживляемого достаточно сокрушительными последствиями достаточно сокрушительной экспансии европеизма в миры, которые изначально не были заинтересованы в экспорте иноземной цивилизации и которых в конечном счете этот двусмысленный экспорт заставил влезть в стомиллиардные, а порой и вовсе неоплатные долги?

Безусловно, все это так.

Но перед нами и нечто большее: перед нами символ.

Символ загадочной многозначности, которой обладает великое могущество слова.

Да, могущество слова не представляет собой нечто однозначное и ясное. Это не только освобождающая сила слова Валенсы или предупреждающая сила слова Сахарова и не

только сила - по всей видимости бессмысленно истолкованной - книжки Рушди.

Ведь рядом со словом Рушди существует и слово Хомейни. Рядом со словом, электризирующим общество своей свободой и правдивостью, существует слово, действующее как гипноз, обманчивое, фанатизирующее, беснующееся, мошенническое, опасное, смертоносное. Слово - стрела.

Думаю, как раз вы менее всего нуждаетесь в пространном объяснении черной магии некоторых слов, поскольку не так давно вы на собственной шкуре убедились, к каким невыразимым историческим ужасам при определенной политической и социальной констелляции может привести гипнотически одурманивающее и в то же время до нереальности безумное слово какого-то заурядного мещанина. И хотя я не понимаю, чем он мог приворожить часть ваших отцов и матерей, но все же понимаю, что это было слово чрезвычайно впечатляющее и чрезвычайно коварное, если оно оказалось способным, пусть на краткое время, приворожить и тот великий дух, что придал столь новый и проникновенный смысл словам "das Sein", "das Da-Sein" и "die Existenz".¹

Что я хочу сказать: слово - явление таинственное, многозначное, амбивалентное, вероломное. Оно может быть лучом света в темном царстве, как некогда называл Добролюбов героиню "Грозы" Островского, но может быть и смертоносной стрелой. И что хуже всего: оно может быть то тем, то другим, может быть даже и тем и другим одновременно.

Каким, собственно, было слово Фина. Освобождающим или, наоборот, обманчивым, опасным и в конечном счете порабащивающим? Те, кто интересуются историей коммунизма, и поныне ведут об этом страстные споры и, очевидно, долго еще будут спорить. Лично я отметил бы в этом слове одну главную черту: оно всегда было яростным.

Каким, собственно, было слово Маркса? Бросило ли оно свет на целый скрытый пласт общественных механизмов или представляло собой лишь неприметный зародыш всех позднейших страшных Гулагов? Не знаю, скорее всего - оно было и тем и другим одновременно.

А слово Фрейда? Открыло ли оно тайный космос человеческой души, или это был лишь зародыш иллюзии, которой нынче одурманивает себя половина Соединенных Штатов Америки, полагая, будто можно избавиться от мучительных раздумий и угрызений совести, если переложить это бремя на хорошо оплачиваемого специалиста, который займется интерпретацией их психологических состояний?

Но я пошел бы еще дальше и задал бы еще более провокационный вопрос: каким, собственно, было слово Христово? Было ли оно первым шагом на пути к спасению и одним из сильнейших культуротворных импульсов в мировой истории, или это был духовный зародыш крестовых походов, инквизиции, уничтожения американских культур, а затем и всей противоречивой экспансии белой

¹"Бытие", "бытие-в-мире", "существование" (нем.) - терминология немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера (1889-1976) (прим.перев.).

расы, вызвавшей столько трагедий, включая и ту, что ныне большая часть человечества относится к печальной категории мира, который принято называть всего лишь "третьим"? Обычно я склоняюсь к первому предположению, но все же не могу игнорировать горы книг, которые доказывают, что даже в самом чистом раннем христианстве было уже бесспорно закодировано нечто такое, что на фоне взаимодействия тысячи иных обстоятельств, включая и относительное постоянство человеческой природы, могло определенным образом открыть духовный простор и для тех ужасов, о которых я упомянул.

Но слова имеют и свою историю.

Например, слово "социализм" для многих поколений униженных и притесняемых обладало магической силой, будучи синонимом справедливого мира; за идеал, выражаемый этим словом, люди способны были жертвовать долгими годами, а то и самой жизнью. Не знаю, как в вашей стране, но на моей родине это же слово - слово "социализм" - давно уже превратилось в обыкновенную полицейскую дубинку, которой какие-то разбогатевшие и ни во что не верящие бюрократы с утра до вечера дубасят по спинам всех своих свободомыслящих сограждан, называя их "врагами социализма" и "антисоциалистическими силами". Право же: в моей стране это слово давно уже стало бессодержательным заклинанием, которого лучше всего избегать, если не хотите стать подозрительной личностью. Недавно я присутствовал на одной совершенно спонтанной, возникшей без какого бы то ни было участия диссидентов манифестации протеста против продажи красивейших частей Праги каким-то австралийским миллионером. Когда один из ораторов, бурно отвергавший этот проект, захотел подкрепить свое обращение к правительству ссылкой на то, что борется за спасение родного города во имя социализма, все рассмеялись. Не потому, что были против социально справедливого общественного порядка. Но просто потому, что услышали слово, которым долгие годы по любому подходящему и неподходящему поводу пользуется, как заклинанием, режим, умеющий лишь манипулировать людьми и унижать их.

Удивительные судьбы могут иметь слова! Одних и тех же свободомыслящих и мужественных людей сначала сажают в тюрьму за то, что какое-то слово для них значит, а потом - за то, что то же самое слово для них уже ничего не значит, ибо из символа лучшего устройства мира превратилось в словесное клише глуповатого диктатора.

Ни одно слово - хотя бы в том несколько метафорическом смысле, в каком я тут употребляю само понятие "слово", - не ограничено значением, которое приписывает ему этимологический словарь. Каждое содержит в себе и человека, который его произносит, и ситуацию, в которой оно произносится, и причину, по которой оно произнесено. Одно и то же слово порой может распространять свет великой надежды, порой - лишь испускать смертоносные лучи. Одно и то же слово может быть то правдивым, то лживым, то ослепительным, то обманчивым, может то открывать великолепные перспективы, то укладывать на земле рельсы, ведущие в цс-

лые архипелаги концентрационных лагерей. Одно и то же слово при каких-то обстоятельствах может быть строительным камнем мира, при других - каждый его звук может отзываться эхом пулеметов.

Горбачев хочет спасти социализм введением рынка и свободы слова. Ли Пэн защищает социализм массовым убийством студентов, а Чаушеску - давая свой народ бульдозерами. Что, собственно, означает это слово в устах одного и в устах двух других? Что это за таинственная вещь, которую защищают столь различными способами?

Я упомянул о французской революции и о той прекрасной декларации, которая ее сопровождала. Эту декларацию подписал господин, ставший одним из первых, кто во имя того великолепного гуманного текста был казнен. И вслед за ним - сотни, а возможно, и тысячи других. Свобода, равенство, братство - какие великолепные слова! И как ужасно может быть то, что они означают: свобода шей под расстегнутой перед казнь рубашкой, равенство быстроты, с которой падает на шею нож гильотины, братство на каком-то подозрительном небе, где правит Высшее Существо!

По всему миру сегодня звучит великолепное и обнадеживающее слово "перестройка". Все мы верим, что за этим словом скрывается надежда для Европы и мира.

И тем не менее - признаюсь - временами я дрожу от страха, чтобы это слово опять не стало лишь новым заклинанием, чтобы опять не превратилось в полицейскую дубинку, которой нас кто-то будет дубасить. Сейчас я думаю не о своей родине, где это слово в устах ее правителей имеет примерно такое же значение, как слово "наш государь император" в устах Йозефа Швейка. Я имею в виду иное: а именно, что и тот мужественный человек, который сегодня сидит в Кремле, порой обращается - возможно, лишь в приступе отчаяния - к бастующим рабочим, к непокорным народам и национальным меньшинствам или к слишком уж непривычным идеологическим меньшинствам с обвинением, будто они ставят под угрозу перестройку. Я его понимаю, выполнить такую гигантскую задачу, которую он взвалил на свои плечи, невероятно трудно, все висит на волоске, и, пожалуй, чуть ли не самая малость действительно может оборвать этот волосок и тогда все мы полетим в пропасть. И все же я говорю себе: нет ли и в "новом мышлении" сомнительных реликтов мышления старого? Не звучит ли и здесь эхо давних идеологических стереотипов и великодержавных языковых ритуалов? Не начинает ли кое-где слово "перестройка" немного походить на слово "социализм", особенно когда им временами исподтишка бьют по голове того же человека, который так долго и так несправедливо был бит словом "социализм"?

Ваша страна внесла большой вклад в современную европейскую историю: первую волну *detente*², свою знаменитую *Ostpolitik*³.

Но и это слово порой оказывалось в неmaßой мере двусмысленным. Разумеется, оно означало первый проблеск надежды на Евро-

пу без холодной войны и железного занавеса; но одновременно - увы - не раз означало и отказ от свободы, а тем самым от основной предпосылки всякого подлинного мира: я все еще не могу забыть, как в начале семидесятых годов некоторые мои западнонемецкие коллеги и друзья сторонились меня из опасения, что какой бы то ни было контакт с человеком, которого здешние власти не слишком жалуют, вызовет ненужное раздражение этих властей и тем самым поставит под удар хрупкий фундамент нарождающейся *detente*. Разумеется, я говорю об этом не ради себя как такового и уж вовсе не для того, чтобы пожалеть себя. Ведь и тогда я жалел больше их, чем себя, потому что не я, а они добровольно отказывались от своей свободы. Я упоминаю об этом лишь с целью еще с одной стороны показать, что любой благой умысел легко может обернуться предательством собственных добрых намерений, причем опять же посредством слова, к смыслу которого явно не отнеслись с достаточной бережностью. Такое может случиться очень легко, почти непроизвольно, незаметно, тихо, украдкой, а когда в конце концов это обнаруживается, единственное, что нам остается, - запоздалое удивление.

Однако это и есть именно тот дьявольский способ, каким слова умеют нас предавать, если при пользовании ими мы не проявляем постоянной осмотрительности. А часто - увы - и совсем малая, всего минутная утрата осмотрительности может иметь трагические и непоправимые последствия. Последствия далеко идущие, выходящие за пределы нематериального мира слов и вступающие в мир чертовски материальный.

Наконец-то я дошел до прекрасного слова "мир".

Сорок лет читаю его в нашей стране на каждой крыше и в каждой витрине. Сорок лет во мне, как и во всех моих согражданах, воспитывали аллергию к этому прекрасному слову, потому что я знаю, что оно означало все эти сорок лет: мощные и постоянно усиливающие свою мощь армии в качестве так называемой защиты мира.

Вопреки такому длительному процессу, в результате которого слово "мир" систематически лишалось своего содержания, даже более чем лишалось, поскольку оно наполнялось прямо противоположным смыслом, по сравнению с обозначенным в словаре; вопреки всему этому нескольким донкихотам из "Хартти-77" и нескольким их младшим коллегам из Независимого содружества во имя мира удалось реабилитировать это слово и вернуть ему первоначальный смысл. Однако за такую семантическую "перестройку" - за то, что они перевернули слово "мир" с головы на ноги, - им пришлось кое-чем поплатиться. Почти все молодые лидеры Независимого содружества во имя мира по несколько месяцев отсидели в тюрьме. Но игра стоила свеч: одно важное слово было спасено от тотального обесценения. И это, как я все время стараюсь здесь объяснить, отнюдь не просто спасение слова. Это спасение чего-то куда более важного.

Дело в том, что все важные события реального мира - прекрасные и чудовищные - всегда имеют прелюдию в сфере слов.

Как я уже сказал, я не собираюсь сегодня делиться с вами опытом человека, познавшего, что слово все еще что-то весит, поскольку за него порой нужно платить и тюрьмой. Я собирался исповедаться перед вами относительно другого опыта, приобретенного нами в этом уголке света и касающегося веса слов, опыта, который - как я абсолютно убежден - обладает универсальным значением; этот опыт говорит нам, что всегда стоит воспринимать слова с подозрительностью и настороженностью и что тут никакая осторожность не может быть излишней.

Подозрительностью к словам можно испортить явно меньше, чем преувеличенным доверием к ним.

Впрочем, разве подозрительность к словам и способность уличать эти слова в ужасах, которые незаметно могут дремать в них, - не есть истинное назначение интеллигента? Вспоминаю, что Андре Глюксман, мой милый предшественник на ораторской трибуне, когда-то в Праге говорил о том, что интеллигент должен быть подобен Кассандре, потому что его задача - внимательно вслушиваться в слова сильных мира сего, бдительно следить за этими словами, предостерегать от них и предсказывать, какие беды они могут предвещать или причинить.

Обратим внимание на одну вещь: столетия и мы, и вы, то есть и немцы и чехи, испытывали различные затруднения, связанные с нашим сосуществованием в центре Европы. За вас я говорить не берусь, но от нашего имени, полагаю, со всей ответственностью могу сказать, что давние национальные антипатии, предрассудки и страсти, на которых веками удавалось спекулировать, в последние десятилетия из нас, чехов, улетучились. И отнюдь не случайно это произошло в период, когда мы страдали от тоталитарного режима. Ибо он взрастил в нас такое глубокое недоверие ко всем обобщениям, идеологическим штампам, фразам, лозунгам, стереотипам, призывам, угоднически приспособленным к различным уровням наших эмоций - от самых низких до самых высоких, что ныне мы в большинстве своем обладаем иммунитетом к любой гипнотизирующей приманке, даже если она выступает в столь впечатляющей оболочке, какую традиционно обеспечивают национальные или националистические призывы. Удушающий покров тысяч пустозвонных слов, под которыми мы вынуждены так долго жить, развил в нас столь сильное недоверие к миру обманчивых слов, что ныне мы способны лучше, чем прежде, видеть мир людей таким, каков он в действительности, то есть как сложный конгломерат тысяч и миллионов неповторимо своеобразных человеческих существ, обладающих наряду с сотнями прекрасных качеств еще и сотнями недостатков и дурных наклонностей, которые, однако, никогда не удастся сгладить утюгом пустопорожных фраз и девальвированных слов, превратить в одну гомогенную массу - например, в классы, нации или политические направления, чтобы затем *en bloc*⁴ хвалить или осуждать, лю-

²разрядки (фр.)

³Восточную политику (нем.)

⁴огульно, оптом (фр.)

бить или ненавидеть, поносить или прославлять.

Это лишь частный пример пользы недоверия к слову. Пример, выбранный в связи с конкретными обстоятельствами, в которых он был использован, то есть с моментом, когда чех имеет честь обратиться к публике, по преимуществу немецкой.

*

В начале было слово.

Это чудо, благодаря которому мы стали людьми.

Но одновременно это приманка и проверка, капкан и обман.

Быть может, в большей степени, чем это кажется вам, живущим в условиях неограниченной свободы слова, то есть в обстановке, когда представляется, будто от слов не так уж многое зависит.

Зависит.

От них повсюду многое зависит.

Одно и то же слово может быть то смиренным, то заносчивым. Необычайно легко и совершенно незаметно смиренное слово может превратиться в слово заносчивое, между тем как заносчивое слово с большим трудом и очень медленно превращается в слово смиренное. Я попытался показать это на судьбах слова "мир" в моей стране.

Весь наш свет - и в первую очередь Европа - в конце второго тысячелетия от Рождества Христова находится на своеобразном перекрестке: давно не было столько поводов для надежды, что все обернется к лучшему, но никогда не было и столько поводов для опасений, что если все обернется к худшему, то катастрофа будет окончательной.

Нетрудно доказать, что все главные угрозы, которым должен противостоять внешний свет, - от атомной войны до экологической катастрофы и катастрофы социальной (я имею в виду углубляющуюся пропасть между богатыми и бедными людьми и народами), - таят в своих утробах общую скрытую причину: незаметное превращение слова первоначально смиренного в слово заносчивое.

Человек заносчиво начал думать, что, будучи вершиной и господином творения, он полностью познал природу и может делать с ней что ему заблагорассудится.

Заносчиво начал думать, будто, обладая разумом, он способен полностью разобраться в собственной истории и спланировать счастливую жизнь для всех и будто это даже дает ему право каждого, кому этот план не по душе, смести с пути якобы во имя всеобщего лучшего будущего, к которому он нашел единственно верный ключ.

Заносчиво начал думать, что если он умеет расщепить атомное ядро, то уже достиг такого совершенства, при котором ему не угрожает опасность конкуренции атомных вооружений и тем более - атомной войны.

Во всех этих случаях он совершил роковую ошибку. И это плохо. Но во всех этих случаях он уже начинает осознавать свою ошибку. И это хорошо.

Наученные горьким опытом, все мы должны бороться с заносчивыми словами и внимательно выискивать кукушкины яйца спеси в словах, кажущихся смиренными.

Очевидно, это задача отнюдь не чисто лингвистическая. Призыв отвечать за каждое

свое слово и быть бережным к нему - задача в высшей степени нравственная.

Однако как таковая она не ограничена горизонтом видимого нами мира, а уходит корнями куда-то туда, где пребывает то Слово, которое было в начале всего сущего и не принадлежит человеку.

Не стану объяснять, почему это так. Ибо гораздо лучше, чем на то способен я, уже объяснил это ваш великий предок Иммануил Кант.

Благодарю вас за внимание.

Градецек, 25.7.1989

Перевели В.Каменская и О.Малевиц

ВСЕМИРНОЕ СЛОВО-

92

Объявлена подписка на новый международный иллюстрированный журнал "Всемирное слово", издающийся в Ленинграде.

Журнал знакомит читателей с лучшими публикациями международного журнала "Lettre internationale", издающегося на восьми европейских языках в Париже, Берлине, Мадриде, Риме, Белграде, Загребе, Праге и Будапеште.

"Всемирное слово" печатает в переводах на русский язык авторов со всех континентов, а также помещает на своих страницах оригинальные произведения литературы, публицистики и художественной критики, созданные в нашей многонациональной стране.

Журнал выходит раз в три месяца, четыре раза в год - зимой, весной, летом и осенью.

Цена одного номера "Всемирного слова" - 8 руб.

Стоимость одного номера по подписке - 7 руб; годового комплекта из четырех номеров - 28 руб.

Цена одного номера журнала "Lettre internationale" в Париже - 60 франков; в Берлине - 13 марок; в Риме - 10000 лир; в Мадриде - 450 песет. Журнал распространяется в США по цене 6 долларов за номер (плюс 2,5 доллара за почтовую доставку).

Если вы хотите получить концентрированное и разностороннее представление о культуре и искусстве, философии и политике, исторической и общественной мысли современного мира, а также о сложнейших общественно-политических, художественных и культурных процессах, совершающихся в СССР, подписывайтесь на журнал "Всемирное слово"!

Индекс нашего журнала по Всесоюзному каталогу периодических изданий на 1992 год - 78550.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях связи СССР, а также по заказам из-за рубежа.

Редакция журнала
"ВСЕМИРНОЕ СЛОВО"

Э

та книга - если говорить об основной ее идее - была задумана в 1937 году, а написана лишь к концу 1943-го. К тому времени, когда она была написана, стало очевидно, что напечатать ее будет очень трудно - даже несмотря на нынешний дефицит книг, обеспечивающий "спрос" на все, что только можно назвать книгой, - и действительно, ее отвергли четыре издателя подряд. Лишь один из них сделал это по идеологическим мотивам. Двое других уже много лет печатали книги, направленные против России, а у четвертого вообще не было никакой политической позиции.

Один издатели, вроде бы готовый ее опубликовать, начал было этим заниматься, но решил проконсультиться в Министерстве информации, которое, по всей видимости, предостерегло его от издания или, по крайней мере, решительно не рекомендовало ему это делать. Вот отрывок из его письма:

"Я писал Вам об ответе, который я получил от высокопоставленного чиновника Министерства информации по поводу "Скотского хозяйства". Должен признаться, что его мнение заставило меня серьезно призадуматься. Я и сам теперь вижу, что публикация книги в данный момент может быть сочтена крайне опрометчивой. Если бы притча касалась диктаторов и диктатур вообще, тогда опубликовать ее было бы вполне уместно, но в ней - и я сам теперь это вижу - так подробно описывается развитие событий в Советской России и тамошние два диктатора, что ни к каким другим диктатурам, кроме России, она относиться не может. И еще одно: притча, пожалуй, была бы менее оскорбительна, если бы господствующим классом в ней были бы не свиньи*. Я думаю, что изображение правящего слоя в виде свиней, вне всякого сомнения, очень многим людям покажется оскорбительным, особенно если они столь чувствительны, как русские".

Такое рассуждение - очень дурной симптом. Разумеется, нет ничего хорошего в том, чтобы какое-нибудь правительственное учреждение имело власть подвергать цензуре официально не финансируемые книги - за исключением, естественно, цензуры в целях безопасности, против которой в военное время никто не возражает. Но сегодня главную опасность для свободы мысли и слова пред-

* Не совсем понятно, является ли это соображение собственной идеей мистера X, или оно зародилось в Министерстве информации - во всяком случае, привкус официальной рекомендации в нем есть. (прим. автора).



ставляет вовсе не прямое вмешательство Министерства информации или какого-нибудь другого органа. И если издатели и редакторы так стараются не допустить в печать некоторые темы, то отнюдь не потому, что опасаются преследования, а потому, что боятся общественного мнения. Самый худший враг, с которым у нас в стране сталкивается писатель или журналист, это интеллектуальная трусость - факт, на мой взгляд, заслуживающий того, чтобы о нем поговорить особо.

Любой беспристрастный человек, имеющий журналистский опыт, согласится с тем, что во время этой войны официальная цензура никому особенно не досаждала. Да и вряд ли имело смысл этого опасаться, поскольку в отличие от тоталитарных режимов от нас не требовали и не требуют "согласованности". У прессы были некоторые основания жаловаться, но в целом правительство вело себя прилично и даже было на удивление терпимо к мнению меньшинства. Самое страшное в английской литературной цензуре заключается в том, что она, по большей части, существует на добровольных началах. Непопулярные идеи заглушаются, неудобные факты замалчиваются безо всякого официального распоряжения. Любой, кто долго жил за границей, припомнит случаи, когда совершенно сенсационные новости - новости, явно заслуживающие того, чтобы печатать их большими буквами на первых страницах, - вообще не

попадали в английскую печать, и вовсе не из-за вмешательства правительства, а из-за всеобщей молчаливой договоренности, что упоминать тот или иной факт "нехорошо". Это еще можно понять, когда речь идет о ежедневных газетах. Британская пресса чрезвычайно централизована, и большая ее часть находится в руках богатых людей, имеющих свои причины быть нечестными по ряду важных вопросов. Но той же самой цензуре подвергаются книги и журналы, а также театр, кино и радио. В каждый данный момент существует господствующая точка зрения, совокупность взглядов, про которую предполагается, что все здравомыслящие люди принимают ее, не рассуждая. И не то что то или иное мнение высказывать запрещается, но высказывать его просто "не принято", точно так же, как в середине викторианского периода "не принято" было в присутствии дамы упоминать в разговоре брюки. Любой, кто посмеет усомниться в этой господствующей точке зрения, немедленно обнаружит, что его без особого труда заставят замолчать. По-настоящему непопулярное мнение практически не имеет шансов быть беспристрастно выслушанным ни в ежедневной прессе, ни в интеллектуальных журналах.

Сейчас господствующая точка зрения требует безоговорочного восхищения Советской Россией. Это всем известно, и почти все этому подчиняются. Любая серьезная критика советского режима, любое разоблачение фактов, которые Советское правительство предпочло бы скрыть, - практически не имеют выхода в печать. И, как ни странно, этот охвативший всю страну заговор, цель которого льстить нашему союзнику, существует

на фоне подлинной интеллектуальной терпимости. Критиковать Советское правительство нельзя, но наше собственное - в общем, можно. Вряд ли кто-нибудь напечатает нападки на Сталина, но нападать на Черчилля разрешается совершенно свободно, во всяком случае в книгах и журналах. А в течение пяти лет войны, из которых два, а может, и три года мы сражались за то, чтобы страна не погибла, безо всяких помех печатались бесчисленные книги, памфлеты и статьи, призывающие к миру на основе компромисса. Более того, они печатались, даже не вызывая большого неодобрения. Принцип свободы слова соблюдается довольно неплохо до тех пор, пока речь не заходит о престиже Совет-

СВОБОДА ПЕЧАТИ

В 1945 году Джордж Оруэлл написал предисловие к "Скотскому хозяйству".

Напечатано оно не было, и оставалось неизвестным до 1972 года, когда его опубликовал "Нью-Йорк Таймс Мэгазин" под названием, данным Оруэллом.

ского Союза. Есть и другие запретные темы, о которых я еще скажу, но господствующее отношение к СССР, наверняка, самый тревожный симптом, - ведь формируется оно как бы непосредственно, без какого бы то ни было нажима со стороны влиятельных кругов.

Раболепство, с которым большая часть английской интеллигенции проглатывает и повторяет советскую пропаганду начиная с 1941 года, было бы совершенно поразительно, если бы и прежде, в некоторых других случаях, она не вела себя точно так же. По целому ряду спорных вопросов позиция русских слепо принималась, а затем и распространялась с полным пренебрежением к исторической правде или интеллектуальной порядочности. Взять хотя бы то, как Би-Би-Си отмечала 25-летие Красной Армии, не упомянув имени Троцкого. По точности это примерно то же самое, что, отмечая годовщину Трафальгарской битвы, не упомянуть имени Нельсона, но у английской интеллигенции это не вызвало никакого протеста. Во внутренних конфликтах в различных оккупированных странах британская пресса почти во всех случаях становилась на сторону сил, которым покровительствовали русские, клеймя силы их противников даже тогда, когда ради этого приходилось замалчивать факты. Один из особенно вопиющих случаев - это история с полковником Михайловичем², руководителем четников. Русские, у которых в Югославии был свой протееж в лице маршала Тито, обвинили Михайловича в сотрудничестве с немцами. Британская пресса немедленно подхватила это обвинение, сторонникам Михайловича не дали возможности на него ответить, а факты, ему противоречащие, просто не попали в печать.

Джордж Оруэлл

В июле 1943 года немцы предложили вознаграждение в 100 000 золотых крон за выдачу Тито и столько же за выдачу Михайловича. Британская пресса "вопила" по поводу вознаграждения за выдачу Тито, а вознаграждение за выдачу Михайловича было упомянуто только в одной газете мелким шрифтом, и обвинения в сотрудничестве с немцами продолжались. Очень похожие вещи происходили во время гражданской войны в Испании. Тогда тоже английская левая пресса ничтоже сумняшеся закликала те силы на стороне республиканцев, которые

русские хотели уничтожить, и никакого заявления в их защиту, даже в форме письма, опубликовать было невозможно. Сейчас не только предосудительна какая-либо серьезная критика Советского Союза, но и самый факт наличия такой критики во многих случаях держится в секрете. Троцкий, например, незадолго перед смертью написал биографию Сталина. Можно предположить, что книга эта не была абсолютно беспристрастной, но спросом она бы, разумеется, пользовалась.



Американский издатель собирался ее опубликовать, и книга была сдана в набор - по-моему, уже даже начали рассылать сигнальные экземпляры, - но тут Советский Союз вступил в войну. Печатание книги немедленно прекратилось. В британской прессе по этому поводу не было сказано ни слова, хотя, бесспорно, существование такой книги и ее запрещение представляли собой информацию, которой можно было бы посвятить несколько абзацев.

Цензуру, которой английская интеллигенция подвергает себя добровольно, следует отличать от цензуры, которая навязывается влиятельными кругами. Всем известно, что некоторые темы нельзя обсуждать, поскольку они связаны с "интересами монополий". Самый знаменитый из этих случаев - скандал с патентованными лекарствами. Опять же католическая церковь имеет в прессе довольно значительное влияние и способна до некоторой степени заглушить направленную против себя критику. Скандал, в котором замешан католический священник, почти никогда не становится достоянием гласности, однако случись что со священником англиканской церкви - об этом аршинными буквами сообщат все газеты. Произведения с антикатолическим уклоном лишь крайне редко появляются на сцене и на экране. Любопытен вам скажет, что спектакль или фильм, который атакует католическую церковь или издается над ней, скорей всего, подвергнется бойкоту в прессе и почти наверняка обречен на провал. Но это все достаточно невинно или, по крайней мере, объяснимо. Любая большая организация защищает свои интересы как может, и против открытой пропаганды возражать не приходится.

Ждать, что "Дейли Уоркер"³ будет предавать огласке факты, рисующие Советский Союз в неприглядном виде, это то же самое, что ждать от "Католик Геральд" осуждения папы. Но ведь всякому мыслящему человеку ясно, что такое "Дейли Уоркер" и "Католик Геральд".

Тревожно другое - то, что там, где дело касается Советского Союза и его политики, уже нет места разумной критике или хотя бы обыкновенной честности со стороны либеральных писателей и журналистов, от которых никто впрямую не требует, чтобы они изменяли свои мнения. Сталин священен и неприкосновенен, и определенные аспекты его политики серьезно обсуждать нельзя. Это правило соблюдается почти всеми с 1941 года, но сегодня не всегда понимают, что возникло оно еще за десять лет перед тем. Все эти годы критикующим советский режим слева лишь с большим трудом удавалось добиться, чтобы их выслушали. Антисоветские книги выпускались в огромных количествах, но практически все они были написаны с консервативных позиций, явно бесчестны, полны устаревших сведений и вызваны к жизни низменными побуждениями. С другой стороны шел поток, столь же мощный и почти столь же бесчестный, просоветской пропаганды, который сводился к бойкоту любого, кто пытался зрело обсудить вопросы чрезвычайной важности.

То есть публиковать антисоветские книги было можно, но, делая это, вы наверняка обрекали себя либо на полное игнорирование, либо на непонимание со стороны всей высокоинтеллектуальной прессы. И публично, и в частной беседе вам объясняли, что это "не принято". Может быть, то, что вы сказали, и верно, однако "несвоевременно" или "на руку" тем или иным реакционным силам. В оправдание этого отношения обычно говорились, что того требует международная ситуация или срочная необходимость англо-русского союза, но ясно было, что это всего лишь попытка рассудочного обоснования происходящего. У английских интеллигентов, по крайней мере у очень и очень многих, появилась националистическая верность Советскому Союзу, и в глубине души им казалось, что бросить малейшую тень на сталинскую мудрость уже в некотором роде святотатство. События в России и события в других странах следовало оценивать по разным меркам. Люди, которые всю жизнь были противниками смертной казни, с восторгом встречали приговоры во время чисток тридцать шестого - тридцать восьмого годов, и когда о голоде в Индии говорили все газеты, а о голоде на Украине не было сказано ни слова - и то, и другое казалось им в порядке вещей. И если все это было так до войны, то трудно ожидать, чтобы интеллектуальная атмосфера улучшилась сейчас.

Но вернемся к моей книжечке. Реакция на нее большинства английских интеллигентов будет предельно простой: "Не надо было печатать". Разумеется, рецензенты, которым знакомо искусство поношения, станут бранить ее не за политические несовершенства, а исключительно за литературные. Скажут, что это скучная, дурацкая книжонка и не стоило тратить на нее бумагу. Может быть, все так и есть, но это лишь часть дела. Только из-за того, что книга плохая, никто не станет говорить, что ее не надо было изда-

вать. Из печати каждый день выходят груды всякого вздора, и это никого не беспокоит. Английская интеллигенция или большинство ее представителей будут возражать против этой книги, потому что она очерняет их Вожда и (по их мнению) вредит делу прогресса. Если бы ее направленность была иной, они бы слова против нее не сказали, хотя бы ее литературные недостатки были в десять раз более вопиющими, чем теперь. Успех, например, Книжного клуба левых⁴ за последние четыре-пять лет показывает, с какой готовностью его члены мирятся с грубыми искажениями истины и с небрежным стилем, если книга говорит им то, что они хотели бы услышать.

Проблема здесь простая: имеет ли право всякое мнение - каким бы непопулярным, каким бы даже дурацким оно ни было - имеет ли оно право быть выслушанным? Задайте вопрос в такой форме, и, наверное, любой английский интеллигент почувствует, что следует сказать "да". Но придайте вопросу конкретную форму, спросите: "А как насчет критики Сталина. Она имеет право быть выслушанной?" И ответ почти наверняка будет "нет". В тот момент, когда ставится под сомнение господствующая точка зрения, принцип свободы слова дает сбой. Дело, однако, в том, что, требуя свободы слова и свободы прессы, никто не требует абсолютной свободы. Покуда существуют организованные общества, должна существовать, или во всяком случае будет существовать, некоторая степень цензуры. Но свобода, как сказала Роза Люксембург, значит "свобода для другого". Этот же принцип содержится в знаменитых словах Вольтера: "Мне отвратительно то, что вы говорите, но я буду стоять насмерть за то, чтобы вы имели право это говорить". Если понятие интеллектуальной свободы, которое, вне всякого сомнения, всегда было отличительной чертой западной цивилизации, имеет какой-нибудь смысл, то означает оно, что у всякого должно быть право говорить и печатать вещи, считающиеся им за истину, при одном только условии, что это не наносит бесспорного вреда остальной части общества. И буржуазная демократия и западные варианты социализма до недавних пор считали этот принцип само собой разумеющимся. Правительство наше, как я уже писал, и сегодня делает вид, что его уважает. Простые люди с улицы - возможно, отчасти потому, что идеи не занимают их настолько, чтобы быть к ним нетерпимыми, - все же смутно ощущают: "Что ж, каждый может иметь свое мнение". И только, или, во всяком случае, главным образом, литературная и научная интеллигенция, те самые люди, которые должны бы быть защитниками свободы, начинают пренебрегать ею как в теории, так и на практике.

Одним из удивительных явлений нашего времени является либерал-перебежчик. Вдобавок к известному марксистскому заявлению, что "буржуазная свобода" - это иллюзия, сейчас появилась еще точка зрения, согласно которой защищать демократию можно только тоталитарными методами. Если любимишь демократию, гласит это рассуждение, то следует любыми средствами истреблять ее врагов. А кто ее враги? И тут всегда выясняется, что это не только те, кто нападает на нее открыто и сознательно, но и те, кто "объективно" ставит ее под угрозу, распространяя неверные теории. Другими

словами, защита демократии предполагает уничтожение всякой независимой мысли. Этот довод использовался, в частности, для оправдания чисток в России. Вряд ли даже самые страстные русофилы верили, что все жертвы были виновны во всех тех вещах, которые им инкриминировались, но, придерживаясь еретических взглядов, они "объективно" вредили режиму, и, следовательно, правильно было не только зверски убить их, но и обесчестить ложными обвинениями. Тот же самый довод использовался, чтобы оправдать вполне сознательную ложь, которая распространялась в левой прессе о троцкистах и других республиканских меньшинствах во время гражданской войны в Испании. И он же использовался еще раз, чтобы объяснить скандал, поднявшийся против закона Хабас Корпус⁵, о передаче арестованного в суд, когда в 1943 году был освобожден Мосли.⁶ (Сэр Освальд Мосли - лидер британских фашистов.)

Эти люди не понимают, что если поддерживаешь тоталитарные методы, то настанет момент, когда они будут использованы не за тебя, а против тебя. Стоит сделать заключение фашистов в тюрьму без суда привычным, и очень вероятно, что дело не ограничится фашистами. Вскоре после того, как запрещенный "Дейли Уоркер" был восстановлен, я читал лекцию в рабочем колледже на юге Лондона. Аудитория состояла из рабочих и разночинной интеллигенции - примерно такого рода публика приходила прежде на заседания Книжного клуба левых. Лекция коснулась свободы печати, и, когда я кончил, к моему удивлению, несколько человек, поднявшись, чтобы задать мне вопрос, спросили меня: не думаю ли я, что снятие запрета с "Дейли Уоркера" было большой ошибкой. На вопрос, почему, они отвечали, что это газета сомнительной надежности и ее не следует разрешать в военное время. Я обнаружил, что вынужден защищать "Дейли Уоркер", который столько раз лез вон из кожи, чтобы меня заклеить. Но откуда же у этих людей взялось их тоталитарное по сути мировоззрение? Вне всякого сомнения, этому их научили сами коммунисты!

Терпимость и порядочность имеют в Англии глубокие корни, но это не значит, что они несокрушимы, и, чтобы они оставались в живых, иногда требуется сознательное усилие. В результате пропаганды тоталитарных доктрин утрачивается инстинкт, с помощью которого свободные люди различают, в чем кроется опасность, а в чем нет. Это ясно видно на примере дела Мосли. В сороковом году было совершенно правильно изолировать Мосли вне зависимости от того, совершил ли он юридически какое-нибудь преступление. Мы сражались за спасение жизни и не могли позволить возможному Квислингу⁷ разгуливать на свободе. Но продолжать держать его в тюрьме без суда в 1943 году было возмутительно. То, что никто этого не понимал, уже само по себе было дурным симптомом, хотя следует признать, что протесты против освобождения Мосли отчасти возбуждались искусственно, а отчасти в них нашли выход другие недовольства. Но какая доля сегодняшнего соскальзывания к фашистскому образу мышления уходит корнями в "антифашизм" последнего десятилетия и той неразборчивости в средствах, которую он за собой повлек?

Важно сознавать, что нынешняя советомания лишь симптом общего упадка либеральной традиции Запада. Если бы Министерство информации вмешалось и категорически запретило публикацию этой книги, большая часть английской интеллигенции не увидела бы в этом никаких оснований для беспоконства. Раз безоговорочная преданность Советскому Союзу является сейчас господствующей точкой зрения, то, стало быть, там, где речь идет о возможных интересах Советского Союза, все готовы примириться не только с цензурой, но и с намеренным искажением истории. Приведу один пример. Когда умер Джон Рид, автор "Десяти дней, которые потрясли мир" - личных впечатлений о первых днях русской революции, авторское право на его книгу перешло в руки Британской коммунистической партии, которой, по-моему, Рид его завещал. Несколько лет спустя британские коммунисты, испортив первоначальный вариант книги насколько это было возможно, выпустили в свет искореженное издание, из которого они исключили упоминания о Троцком, а также предисловие, написанное Лениным. Если бы в Великобритании в этот момент существовала радикальная интеллигенция, фальсификацию бы осудили и разоблачили во всех литературных изданиях страны. На самом деле, протестов было мало, почти что и вовсе не было. Многим английским интеллигентам происходящее казалось вполне естественным. И эта терпимость к очевидной нечестности значит даже больше, чем модное сегодня восхищение Россией. Вполне возможно, что эта мода долго не продлится. Почему знать, может, когда моя книга будет напечатана, мое мнение о Советском режиме станет общепринятым. Ну и что толку в этом самом по себе? Заменить одну господствующую точку зрения на другую - это еще не обязательно прогресс. Врагом является сознание, действующее по принципу трамфона, и не суть важно, нравится нам пластинка, сейчас на него поставленная, или нет.

Мне хорошо известны все доводы против свободы мысли и слова, - доводы, утверждающие, что ее не может быть, и доводы, утверждающие, что ее быть не должно. Я отвечаю просто, что эти доводы не кажутся мне убедительными и что наша цивилизация последние 400 лет основывалась на противоположных принципах. Уже около десяти лет я живу с мыслью, что режим, существующий в России, это режим глубоко порочный, и я требую права говорить это, невзирая на то, что мы с СССР являемся союзниками в войне, которую мне хотелось бы, чтобы мы выиграли. Если бы мне понадобилось выбирать в свое оправдание цитату, я выбрал бы строчку Милтона: "По известным законам старинной свободы".

Слово "старинный" подчеркивает тот факт, что интеллектуальная свобода - это традиция, уходящая корнями в глубокое прошлое, без которой наша особая западная культура вряд ли могла бы существовать. От этой традиции на глазах отворачиваются многие наши интеллигенты. Они придерживаются принципа, что книгу следует публиковать или запрещать, хвалить или хулить не по ее достоинствам, а по ее политической целесообразности в данный момент.

Другие же, не разделяющие этих взглядов, подчиняются им из чистой трусости. Примером тому является неспособность мно-

гочисленных и шумных английских пацифистов поднять голос против распространенного преклонения перед советским милитаризмом. По мнению этих пацифистов, всякое насилие есть зло, и на каждом этапе войны они призывали нас сдаться или, по крайней мере, заключить мир на компромиссных началах. Но кто из них хоть раз сказал, что война является злом и тогда, когда ее ведет Красная Армия? Русские, очевидно, имеют право защищаться, тогда как для нас это смертный грех. Это противоречие можно объяснить только одним - трусливым желанием быть вместе с основной массой интеллигенции, патриотизм которой скорей относится к СССР, чем к Великобритании.

Я знаю, что у английской интеллигенции есть масса причин, которыми она объясняет свою трусость и нечестность, более того, я знаю все доводы, приводимые ею в свое оправдание, наизусть. Но давайте тогда не будем говорить, что мы защищаем свободу от фашизма. Если свобода что-нибудь да значит, она значит право говорить людям то, что они не хотят услышать. Простые люди до сих пор неосознанно придерживаются этого принципа и следуют ему. Но у нас в стране, - в других странах это не так: по-иному было в республиканской Франции, по-иному сегодня в Соединенных Штатах, - как раз свободомыслящие боятся свободы и интеллектуалы совершают подлость по отношению к интеллекту. И именно для того, чтобы привлечь внимание к этому факту, я и написал свое предисловие.

Перевела Мария Карп

¹ Министерство информации - существовало в годы первой и второй мировых войн. В 1946 году было преобразовано в Центральное управление информации.

² Драголюб Михайлович (1893-1946) - сербский генерал, возглавлявший формирование четников в 1941-1945 годах. (Название "четники" происходит от партизанских отрядов - чет, - в 19 веке боровшихся на Балканском полуострове против турецкого гнета. В годы второй мировой войны великосербское движение в Югославии.) Д. Михайлович в 1942 году был назначен военным министром югославского эмигрантского правительства в Лондоне, а в 1946 году приговорен судом ФНРЮ к смертной казни.

³ "Дейли Уоркер" - ежедневная газета, выходившая с 1930 по 1966 год, орган Коммунистической партии Великобритании.

⁴ Книжный клуб левых - основан в 1935 году издателем Дж. Оруэллом Виктором Голланцем в целях публикации дешевых книг, освещающих вопросы социал-демократизма и лейбористского движения.

⁵ Закон Хабеас Корпус - закон о неприкосновенности личности, согласно которому арестованный должен предстать перед судом в течение установленного срока для надлежащего судебного разбирательства и установления законности ареста, наряду с другими актами составляет статутарную основу английской конституционной практики. Принят в 1679 году.

⁶ Освальд Мосли - лидер английских фашистов, организовавших в 1934 году ряд погромов и кровавое избиение "врагов фюрера Мосли". В начале войны с гитлеровской Германией Мосли был интернирован, а в ноябре 1943 года выпущен на свободу по инициативе министра лейбориста Г. Моррисона.

⁷ Видкун Квислинг (1887-1945) - лидер норвежских фашистов, премьер-министр коллаборационистского правительства Норвегии. Расстрелян в 1945 году.

Джордж Оруэлл 16 февраля 1945 года писал в колонке "Как мне заблагорассудится", которую он вел в левой газете "Трибьюн": "Говорят, гестапо содержит отряды литературных критиков, в чью задачу входит определять авторство анонимных памфлетов посредством сличения стилей. Мне всегда казалось, что, будь цель такой деятельности побородней, это была бы работа для меня".

Нет никаких причин сомневаться - на основании сличения стилей, а также других фактов, подробно изложенных мной в Литературном приложении к лондонской "Таймс", - что эта, прежде неизвестная, статья написана Оруэллом. Обнаружена она была в прошлом году и сейчас находится в архиве Оруэлла в Университетском колледже в Лондоне. Госпожа Соня Оруэлл, поддержавшая мое намерение написать большую работу об Оруэлле и его политических взглядах, позволила мне ее опубликовать.

Однако по-настоящему оценить эту статью можно только разобравшись в необыкновенных обстоятельствах, вызвавших ее к жизни.

Прежде всего следует помнить, что Оруэлл никогда не был коммунистом. Более того, в своей книге "В честь Каталонии", написанной в 1936 году, он резко и недвусмысленно осуждал коммунистов, стремившихся возглавить борьбу республиканцев в Испании, за то, что они вносят раскол в общее дело и особенно за то, что ими движет сектантская ненависть к испанским анархистам, которых Оруэлл очень любил и почитал, поскольку сражался вместе с ними в окопах и с риском для жизни пытался помочь им во время коммунистических чисток в Барселоне.

Он писал "Скотское хозяйство" в 1943-1944 годах, когда альянс союзников с Советской Россией горячо поддерживался и одновременно постоянно висел на волоске. Но антисталинские взгляды Оруэлла уже были хорошо известны в Англии.

Обвинения в самоцензуре и чрезмерной русофилии, которые Оруэлл в этой статье выдвигает в адрес многих английских интеллектуалов, содержатся почти в столь же развернутом виде в его "Лондонских письмах", опубликованных в журнале "Партизанский ревью" летом 1944 года (Collected Essays, v. III, p. 123-128), где он развивает мысль о

"раболопстве так называемых интеллектуалов" перед Россией, а кроме того, к страшному раздражению большей части его читателей, еще и в его колонке "Как мне заблагорассудится" в газете "Трибьюн", особенно в номере, вышедшем 1 сентября 1944 года (Collected Essays, v. III, p. 224-228), где прорвался его гнев по поводу повсеместного преуменьшения роли Варшавского восстания:

"Прежде всего я обращаюсь к английским левым журналистам и вообще к интеллигенции: по-

рует в начале статьи, - это отрывок из письма Кейпа с отказом напечатать книгу.

Знаменитое замечание Оруэлла, обращенное к Т.-С. Элиоту, об "идиотском предложении сделать так, чтобы большевиков изображали не свиньи, а какие-нибудь другие животные" (Collected Essays, v. III, p. 176), имеет под собой вполне реальные основания, и, кроме того, из письма Кейпа ясно, что он в самом деле показывал рукопись "высокопоставленному чиновнику" в существовавшем во время

В то самое время, когда английское издание находилось в типографии, книгу отвергли по меньшей мере три американских издателя, и тут наконец Фрэнк Морли отнес ее в издательство "Харкурт Брейс" и началось триумфальное печатание, которое не остановилось и по сей день.

Может показаться, что в этом предисловии Оруэлл в своей полемике хватает через край: "Как раз свободомыслящие боятся свободы и интеллектуалы совершают подлость по отношению к интеллекту". Я, впрочем, не вижу

Бернард Крик

сти мог бы показаться отражением скандала в английских литературных кругах.

Однако "Свобода печати" - это нечто большее, чем неизлившаяся и устаревшая полемика, в ней сводятся воедино размышления Оруэлла на постоянную тему его публицистики - публицистики, содержащей политические раздумья, принадлежащие к самым оригинальным и ярким из когда-либо написанных по-английски - на тему о том, что трусость является не меньшей угрозой, чем официальная цензура. В конечном счете, оказалось, что Оруэлл мог и не спорить с теми, кто пы-

КАК БЫЛА НАПИСАНА

ЭТА СТАТЬЯ

КАДР ИЗ ФИЛЬМА "МИССИЯ В МОСКВУ", 1943

мните, что за нечестность и трусость всегда приходится расплачиваться. Не воображайте, что можно годами лизать сапоги, пропагандируя советский режим или какой-нибудь иной режим, а потом вдруг вернуться к умственной порядочности. Однажды шляха - навсегда шляха.

Во-вторых, более общее соображение. Сегодня в мире нет ничего важнее англо-русской дружбы и сотрудничества, а этого никак не достичь без настоящей прямоты".

Сказано сильно, и не удивительно, что находились люди, которые хоть и не были "попутчиками" коммунистов, - а к "попутчикам" в этот период Оруэлл относил своего издателя Виктора Голланца, - но все же сомневались в том, осмотрительна ли подобная прямота или даже прямота в виде аллегории, как в "Скотском хозяйстве".

Голланц, с которым Оруэлл был в то время по-прежнему связан контрактом, первым отверг книгу, может быть, даже к облегчению Оруэлла, который, очевидно, и не рассчитывал, что тот ее напечатает, и не слишком этого хотел, потому что не забыл о его отказе издать "В честь Каталонии". Он говорил друзьям, что отправка рукописи к Голланцу наверняка пустая трата времени и что Голланц вообще отказывался считать "Скотское хозяйство" романом, поскольку книжка невелика по объему.

Потом рукопись была отправлена в чрезвычайно почтенное издательство Джонатана Кейпа, и тут-то и началась потеха, которая, собственно, и привела к публикуемой здесь блистательной, однако недипломатичной вспышке. То, что Оруэлл цити-

рует в Министерстве информации.

Здесь следует вспомнить, что даже в военное время в Великобритании не было закона, обязывающего посылать книги в цензуру. Тут Оруэлл совершенно прав. Издатели все делали сами, никто их ничего делать не заставлял.

Элиот - в то время директор издательства "Фабер энд Фабер" - книгу, разумеется, тоже отверг. Собственно, он высказал то же соображение, что и Кейп, хотя в целом его письмо ощутимо почтительнее к Оруэллу как к писателю. "Мы единодушно считаем, что ваша книга великолепно написана, что притча построена очень искусно, а повествование само, ничуть не ослабевая, держит читательский интерес, - а это после автора "Гулливера" не удавалось почти никому". Однако вслед за этим панегириком шло известное, сложным образом выраженное сомнение в том, является ли "данная точка зрения именно той, с которой в настоящий момент следует рассматривать политическую ситуацию".

В конце концов Фредерик Уорбург мужественно решился опубликовать книгу, и в этом намерении его поддержал горячий читательский отзыв Т.-Р. Файвела. Сегодня ни тот, ни другой ничего о предполагавшемся предисловии вспомнить не могут, однако и Файвел, и другие говорили мне, что Оруэлл не любил обсуждать то, что он в данный момент пишет, даже с ближайшими друзьями.

Для предисловия оставили место в корректуре, но напечатано оно так и не было.



здесь ничего чрезмерного, особенно если принять во внимание тогдашние обстоятельства. Сейчас мы, быть может, стали терпимее к неортодоксальным мнениям - порой, быть может, как это ни печально, равнодушнее. Нам уже трудно представить себе обстоятельства военного альянса, которые побуждали таких разных людей, как Элиот и Голланц, добровольно подвергать самих себя цензуре, угодной Советскому Союзу. В статье Оруэлла чувствуется несдержанность - но иной она и не могла быть, учитывая то, как вели себя сдержанные, цивилизованные и почтенные люди. И тем не менее он, безусловно, был прав, когда раздумал предварять этой статьей "Скотское хозяйство", ведь тогда притча как раз и потеряла бы свое более широкое звучание и воспринималась бы исключительно как произведение о Сталине, а универсальный характер содержащихся в ней мыслей о разлагающем воздействии вла-

тался помешать изданию этой книги или не сумел оценить ее genialность. Немедленный успех книги и перевод ее по крайней мере на шестнадцать языков еще при жизни Оруэлла раскрыл несостоятельность его врагов, а сам он, хотя жить ему оставалось совсем немного, раскрылся как величайший английский сатирик после Свифта и один из самых блистательных журналистов после Хэзлитта. И уже перед самой смертью ему суждено было соединить эти два таланта в романе "1984", который значит для двадцатого века не меньше, чем "Левиафан" Томаса Гоббса для семнадцатого.

Перевела Мария Карп

Бернард Крик - биограф Оруэлла, автор книги: G. Orwell. A Life. L., 1980.

Вот уже истекает второй год со времени XVII съезда Коммунистической партии, начавшего новую полосу русской революции. У нее еще нет имени, у этой полосы, четвертой по счету: военный коммунизм, НЭП, пятилетка... но ее черты уже отчетливо прорисовались, даже сквозь туман, окутывающий для нас Россию. За два года много накопилось фактов, наблюдений, рассказов иностранцев и беглецов, газетных вырезок. Не пора ли подвести итоги? Пусть голоса, идущие из России, противоречивы. Нельзя ли разрешить в некоторую гармонию эти диссонансы?

стиля. В настоящей статье мы ограничиваем свою задачу сферой политики. Революция есть прежде всего политический факт, и ее развитие обнаруживает политическую закономерность.

* * *

"Великих" революций не так много в новой истории. В сущности, Русская революция стоит третьей в ряду - после Англии и Франции. Опыт нового времени можно дополнить историей классовой борьбы античных и средневековых республик. Если можно вывести из этого опыта прошлого какой-либо "закон"

Георгий Федотов

зом от международно-революционных задач, он становится неотличимым от фашизма, особенно германского. Но нет, в своем попятном движении он давно уже оставил за собой фашизм. Для фашизма необходим три элемента: вождь, правящий активный отбор и революционная взволнованность масс. В России не только давно уже массы вернулись в состояние политической пассивности. В России, теперь уже можно сказать, нет и партии как организации активного меньшинства, имеющей свою волю, свои традиции. Муссолини и Гитлер (как и Ленин)

СТАЛИНОКРАТИЯ

Конечно, новая жизнь в России еще не отстоялась. Каждый день приносит новые изменения ее лица. Но можно попытаться угадать общее направление движения. Или, иначе, найти схему, в которой противоречивые явления уложились бы без слишком большого насилия над фактами. Большего *отсюда* сделать мы не можем. Но не сделать этого не можем тоже. Чтобы жить, и жить Россией, мы должны ставить ориентирующие вехи, с полной готовностью сменить их, как только жизнь изменит свое русло. А в России история особенно любит зигзаги... Но, со всеми этими оговорками, нужно решиться - на новый моментальный снимок России - к 1 января 1936 года.

Общее впечатление: лед тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию семнадцать лет своею тяжестью, подтаили и рушатся одна за другой. Это настоящая контрреволюция, проводимая сверху. Так как она не затрагивает основ ни политического, ни социального строя, то ее можно назвать бытовой контрреволюцией. Бытовой и вместе с тем духовной, идеологической. Не будем думать, что это ограничение лишает сталинскую контрреволюцию ее значительности. Весь ужас коммунистического рабства заключался в его "тоталитарности". Насилие над душой и бытом человека, творившееся в его семье, в его углу, - было мучительнее всякой нищеты и политического бесправия. Право беспартийного дышать и говорить, не клянясь Марксом, право юношей на любовь и девушек на семью, право родителей на детей и на приличную школу, право всех на "веселую жизнь", на елку и на какой-то минимум обряда - старого обряда, украшавшего жизнь, - означает для России восстание из мертвых.

Но это лишь одна сторона картины. Другая, обратная, сторона: не прекращающиеся казни, каторжные лагеря, поезда со ссыльными в далекую Сибирь на бесчеловечные работы, на смерть. И по-прежнему густая непроницаемая пелена лжи, окутывающая страну, подхалимство и предательство, униженное ползание у ног самодержца. Молодому человеку из эмиграции, собирающемуся ехать в Россию, следует ясно представить себе и эту обратную сторону. А нам - попытаться найти некоторое подобие единства

или закономерность, то это следующее наблюдение: всякая "великая", т.е. отличающаяся жестокостью классовой борьбы, революция заканчивается личной тиранией. Иногда этот "цезаризм" оказывается переходящим (Англия, Афины), иногда переходит в вековую монархию. Итальянские тираны Ренессанса существовали до Гарибальди. Наследство Гракхов и Цезаря досталось Византийскому самодержавию, жившему более тысячелетия и вдохнувшему новую жизнь в самодержавие московское. Что русская революция завершилась своим Сталиным, это кажется историку в порядке вещей. "Эволюция революции" в сторону политической демократии была бы настоящим чудом. Но как же слепы и те антиэволюционисты, которые не хотят видеть в России монархического перерождения республики!

Революция в России умерла. Троцкий наделал много ошибок, но в одном он был прав. Он понял, что его личное падение было русским "термидором". Режим, который сейчас установился в России, это уже не термидорианский режим. Это режим Бонапарта. Термидорианский, т.е. контрреволюционный характер завоевания власти Сталиным, был затушеван в эпоху пятилетки. Убрав своих левых врагов, Сталин принялся вдруг осуществлять их программу. Так получился "зигзаг", или излучина в течении русской революции, между НЭП'ом и теперешней контрреволюцией, - излучина, которая имеет громадное значение для всего русского будущего. Пятилетка сделала невозможной буржуазную реставрацию и предопределила государственно-капиталистический характер будущей России. Но, втягиваясь в нее, вопреки своим старым идеям, Сталин едва ли повинился "левому" революционному чутью. Вернее всего, военно-индустриальные задачи, в связи с укреплением лично-деспотического режима, и тогда уже господствовали в его сознании. Но термидор совершился в тот момент, когда к власти пришел человек, глубоко равнодушный к мистике марксизма и ценящий в революции превыше всего личную власть.

Еще год тому назад, характеризуя сталинский режим, можно было называть его национал-социалистическим. Казалось, с отка-

должны постоянно дрессировать, воспитывать и вдохновлять ряды своих бойцов. Эта обязанность принадлежит к нелегкому политическому искусству фашистского вождя. Сталину давно уже удалось убить всякую политическую активность своей партией. Годами, исподволь, на посту Генерального секретаря, он развращал ее, приучая к рабству и безыдейной службе. Теперь эта задача окончена. Организация ВКП уже не партия, т.е. не группа политических активистов. Ее программа, ее прошлое уже не весят ничего на политических весах.

Еще большинство эмиграции повторяет: в России царствуют коммунисты, или большевики; еще мечтают об избавлении России от этих большевиков, не замечая того, что большевиков уже нет, что не "они" правят Россией. Не *они*, а *он*. А если "они", возглавляемые "им", то совершенно не коммунисты, а новые люди, к которым нужно приглядеться.

Это утверждение, вероятно, покажется весьма спорным. Происходящая в России ликвидация коммунизма окутана защитным покровом лжи. Марксистская символика революции еще не упразднена, и это мешает правильно видеть факты.

А факты вот они. Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.), в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов Коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов, зиновьевцев и других групп левой оппозиции. Но вряд ли кого-нибудь обманут эти официально "пришиваемые" ярлыки. Доказательства "троцкизма" обыкновенно шиты белыми нитками. Вглядываясь в них, видим, что под троцкизмом понимается вообще революционный, классовый или интернациональный социализм. То есть марксизм как таковой; если угодно, ленинизм классического русского типа. В существование "зиновьевской" оппозиции в России трудно поверить. Если бы антикоммунистический террор был лишь выражением торжества правых тенденций в партии, то мы видели бы возвращение к власти правых уклонистов. Но ни Рыков, ни Бухарин, ни Томский влиянием не пользуются. У власти остаются личные приверженцы Сталина, проделавшие с ним не одну смену вех: справа налево и обратно.

Казалось бы, в обществе "Старых большевиков" нет места троцкистам, по самому определению. Троцкий - старый меньшевик, лишь в Октябрьскую революцию вошедший в партию Ленина: роспуск этой безвластной, но влиятельной организации показывает, что удар наносит Сталин именно традиции Ленина: тем косным революционерам, которые не хотят понять знамений нового времени.

Борьба с марксизмом ведется не только по организационно-политической линии. Она сказывается во всей культурной политике. В школах отменяется или сводится на нет политграмота. Взамен марксистского обществоведения восстанавливается история. В трактовке истории или литературы объявлена борьба экономическим схемам, сводившим на нет культурное своеобразие явлений. Споры нет, советские популяризаторы довели марксистский "метод" до геркулесовых столбов глупости. Но ведь за ним стоят авторитеты Ленина, Плеханова, Каутского. По таким же трафаретам учились старые марксисты, - доводившие Маркса до абсурда. Издевательство над марксистским методом сделалось прямо признаком хорошего тона в советской прессе. А послушайте самого вождя, когда он разговаривает с представителями народа. Вот он спрашивает образцового колхозника о причинах его успехов. С неудовольствием обрывает набившие оскомину рассуждения о контрреволюционной природе отсталых колхозов. "Бывшие помещики, кулаки? - Это неважно". Какова производительность? Вот что важно. Низовые работники еще не приспособились к новому языку: давно ли они зубрили классовые шпаргалки. Но теперь ими никому уже не удастся блеснуть перед "самим". Даешь производительность! Все прочее - чепуха.

Такова, конечно, одна из возможных интерпретаций. Но нам она представляется самой вероятной. Сталин и вся его группа никогда, быть может, не были настоящими марксистами. Читал ли Сталин Маркса, в высшей степени сомнительно. Вообще же он учился социализму по Ленину; в Ленине ценил, конечно, прежде всего гибкого политика и стратега, а не метафизического оракула. Сам он никогда не раскрывал рта в доктринальных дискуссиях, раздиравших партию. Практическое дело одно его интересовало в революции. Такова и вся его группа. За немногими исключениями, полуинтеллигенты, люди, выбившиеся из самых низов, не ломавшие себе голов над книгой, но умелые экспроприаторы, убийцы, техники революции - впоследствии чекисты, офицеры гражданской войны и секретари, подобранные Сталиным. Конечно, они не могли не верить марксистской догме: хотя бы по тупости мысли и по необходимости иметь какой-то отчетливый фон сознания - для концентрации действия. Но годы, десятилетия борьбы, знакомство с самыми сложными вопросами жизни должны были воспитать в этих практиках по природе изрядную долю презрения ко всякого рода теориям. Если бы теории были столь важны для действия, то, конечно, им никогда бы не сидеть в Кремле; первое место принадлежало бы пророкам подполья: всем этим Троцким, Каменевым, Бухариним. В порядке теории любой профессор Коммунистической академии забьет Сталина. Но Сталин платит ему презрением и рад, что может наконец открыто высказать это презрение.

Ведь он тридцать лет дождался этого случая.

Как бы низко ни оценивать культурный уровень Сталина, за годы власти - за 10 лет - он должен был многому научиться. И научился он тому, что в самых разнообразных областях жизни: в хозяйстве, в международной политике - прямолинейное следование марксистским схемам всегда приводило к поражениям: в Китае, в Германии, в строительстве пятилетки... Все победы Ленина достигались отступлением от этих схем. Сталин не мог не сделать из этого соответствующих выводов.

Те, кто хотят видеть в сталинских отступлениях от марксизма тактический маневр и признают, вопреки очевидности, неистребимость марксистской веры в большевистской партии, постулируют некоторое чудо. Они рисуют не людей, а сверхчеловеков, героев или демонов, абсолютно чуждых человеческим слабостям и страстям, не поддающихся никаким влияниям жизни и представляющих собой чистый ступок неразлагающейся доктрины. Словом, они легковерно принимают за действительность созданный большевиками миф о самих себе. На самом деле, сохранение большевистской партии и ее доктрины хотя бы в течение пятнадцати лет после победы, - и то представляет явление, небывалое в истории: якобинцы разложились в три-четыре года. Но, отдавая должное организаторским способностям Ленина, следует признать, что пятнадцать-семнадцать лет для ее разложения - срок более чем достаточный. Сталин с 1925 года работает над размягчением ленинского гранита. К 1935 году он может считать свою задачу оконченной.

Было бы чрезвычайно интересно установить, что от старой социалистической веры сохранилось в сознании Сталина и его сподвижников. К сожалению, русский диктатор принадлежит к числу молчаливых и лукавых. Когда он берет слово, то, конечно, не для откровенных излияний. Думается все же, что представлять его абсолютным циником нет оснований. Да и в современной России, танцующей под дудку, повторяющей на тысячу ладов его директивы, остается некоторый устойчивый комплекс, неприкосновенный для критики. Этот комплекс чаще всего называется социализмом, или социалистической культурой. Но что теперь в России понимают под социализмом?

Когда-то Ленин дал свое знаменитое определение: "Социализм - это советская власть плюс электрификация". Ленин не претендовал, конечно, на точность и полноту. Но в своем парадоксе он нечаянно выразил нечто очень существенное для духа большевизма и его эволюции. В этом определении замечательнее всего полное отсутствие социальных и этических моментов, т.е. того, что составляет самую природу социализма. Не равенство, не уничтожение классов, не рабочее или пролетарское общество... Но власть и техника. Власть советов уже была для Ленина псевдонимом диктатуры его партии. Пока власть принадлежит компартии, социализм строится - если еще не построен. Для окончательного построения достаточно "электрификации", т.е. индустриализации страны. Сталин целиком воспринял эту формулу - с тем различием от Ленина, что за ней для него нет ничего подразумеваемого (социального), что, конечно, связывало Ленина с основоположниками социализма. Эгалитарные тен-

денции социализма под кличкой "уравниловки" разрушались им сознательно. С политической частью формулы произошло дальнейшее сужение, в порядке последовательных уравниваний, типичных для диктатуры: пролетариат=компартия=Политбюро=Генеральный секретарь. Сталин может сказать совершенно спокойно: социализм - это я. Пока я у власти, страна идет к социализму. Индустриализация России остается единственным напоминанием о марксистской идее развития производительных сил.

Слияние абсолютной власти с индустриализацией означает государственное хозяйство. Чем выше хозяйственная мощь государства, тем больше в стране социализма. Так смотрят на дело в России, и, вероятно, там были бы очень удивлены, если бы мы потребовали для социализма других определений. От классово-пролетарского или коммунистически-эгалитарного характера социализма в сталинской России не остается ничего.

Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы? Но всякая власть нуждается в известной идеологии. Власть деспотическая, тоталитарная больше всякой иной. Но создать заново идеологию, соответствующую новому строю, задача, очевидно, непосильная для нынешних правителей России. Марксизм для них вещь слишком мудреная, в сущности почти неизвестная. Но открытая критика его представляется вредной, ибо она подрывала бы авторитет Ленина и партии, с именем которого неразрывно связана Октябрьская революция. Отрекаться от своей собственной революционной генеалогии - было бы безрассудно. Французская республика 150 лет пишет на стенах: "Свобода, равенство и братство", несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самым основам ее существования. Сталин не первый из марксистов, предпочитающий "ревизию" Маркса прямой борьбе с ним.

Сложнее вопрос о партии: почему не ликвидирована партия вместе с ликвидацией основ ее мирозерцания? Каков смысл коммунистической партии, очищенной от коммунизма? Но эта тема ставит перед нами вопрос о характере единодержавия Сталина.

Парадокс личного режима Сталина заключается в полной безличности диктатора. Сталин, объявленный "великим и гениальным" вождем революции, не оказал ей никаких существенных услуг. Второстепенная фигура исполнителя, он исчезал в сиянии настоящих вождей - в период борьбы и побед. К власти он пришел через партийную демократию, как *servus servorum*, секретарь секретарей. Его власть - власть партийного аппарата диктатуры. Ни идеи, ни личные дарования здесь ни при чем. Но тогда как может Сталин подрубать опору партии, с которой он пришел к власти?

Разгадка заключается, вероятно, в том, что Сталин почувствовал узость и шаткость партийного помоста для своего трона - в эпоху убыли революционной волны. Вероятно, он видит, что партия далеко не пользуется популярностью в стране. Если беспартийные массы ненавидят коммунистов, то Сталин хочет отвести от себя эту ненависть. Он хочет быть не вождем партии (каким был Ленин), а вождем страны. Для этого он изобретает

психологически очень удачную категорию: "беспартийные большевики". Сюда относятся все советские активисты, все лояльные и усердствующие граждане. Сталин хочет быть их вождем. Вождь - это, вероятно, слишком малоподходящее слово для контрреволюционной эпохи. Сталин не ведет, а властвует. Он единственное воплощение политической воли в стране. Его отношение к народу более напоминает самодержавного деспота, играющего в патриархальность, чем политического вождя. Иные жесты его кажутся прямо скопированными с Николая I. Сталин, беседующий с девочкой во время демонстрации на Красной площади, поразительно напоминает Николая Павловича в кадетском корпусе; колхозницы, плачущие от восторга после посещения самого Сталина в Кремле, повторяют мотив крестьянского обожания царя. Сталин и есть "красный царь", каким не был Ленин. Его режим вполне заслуживает название монархии, хотя бы эта монархия не была наследственной и не нашла еще себе подходящего титула.

Отсутствие титулов возмещается личной лестью, возведенной в государственную систему. Нет эпитетов слишком торжественных и величественных для Сталина, одного из самых серых и ординарных людей, выдвинутых ленинской партией. Что этот фимиам воскуряется по прямому требованию диктатора, в этом не может быть сомнения. Вопрос лишь в том, какая доля государственных соображений руководит этим новым культом и что следует отнести на долю личного опьянения или одурения властью. Когда Сталин допускает - а в России это значит требует, - чтобы писатели называли его первым стилистом, а ученые величайшим философом мира, - делается страшно за его бедную голову. Кажется, что человек ходит на грани безумия. Но здравый смысл, проявляемый им во многих жизненных вопросах, подсказывает другое объяснение: это не безумие, а поразительно низкий уровень культуры, который делает этого дикаря совершенно беззащитным перед винными парами своего всемогущества. Сталин лишен чувства смешного. Но он понимает, что, сворачивая с ленинской дороги, его власть нуждается в новой, личной санкции. Сталин должен быть величайшим гением, чтобы иметь право не считаться с догматами Маркса и заветами Ленина.

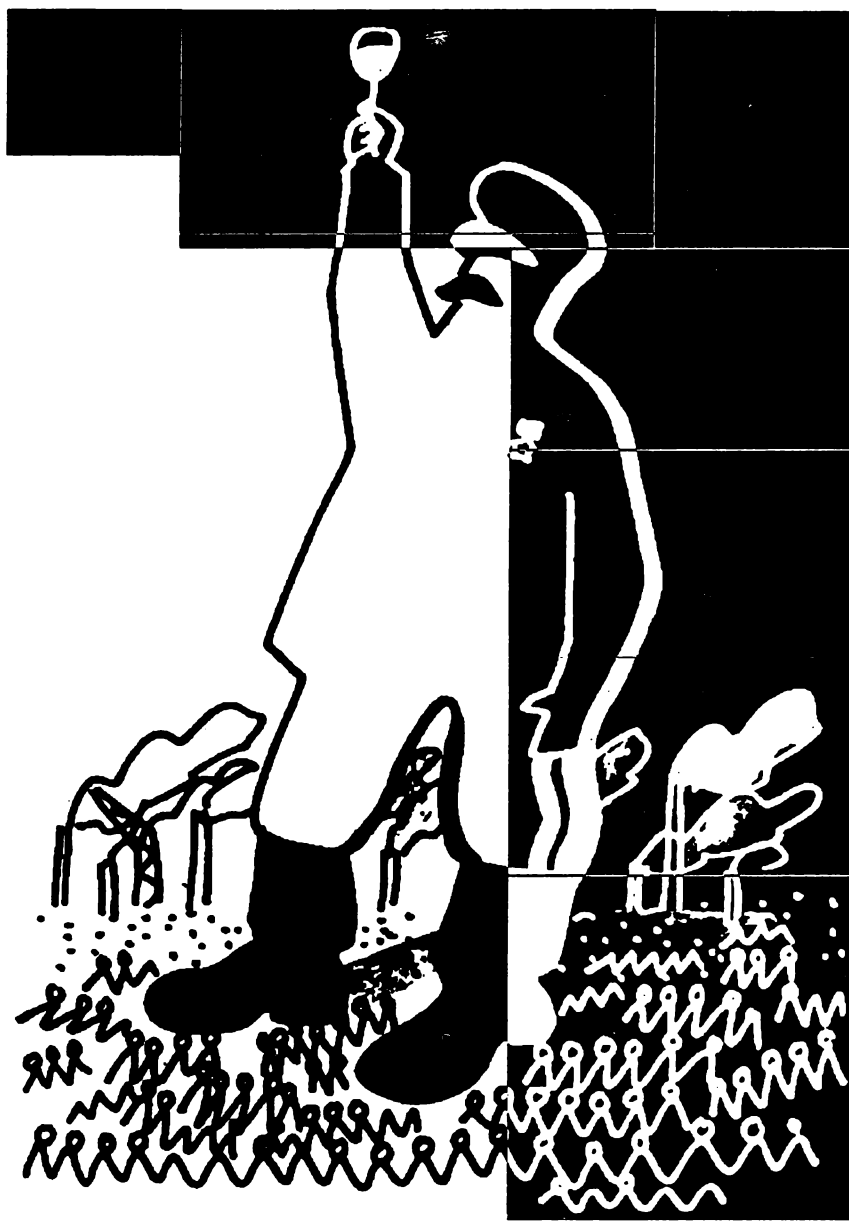
От власти - к управлению. Каков тот аппарат, с помощью которого Сталин правит Россией? Этот аппарат чрезвычайно тяжел и громоздок, лишен единства и представляет собой нагромождение органов диктатуры. С тех пор как партия утратила свое независимое идейное содержание, можно говорить об утроении государственного аппарата: советское управление, партийные органы, его дублирующие, бывшее ГПУ. Несмотря на фор-

мальное включение ГПУ, под именем Ком.Вн.Дел, в общую систему советского управления, этот орган по-прежнему пользуется полной самостоятельностью. Самостоятельность политического сыска характерна для всякой деспотической власти. Но двойственность партийного и советского аппарата является странным пережитком. Вероятно, практически почти все коммунисты втянуты на службу в советских учреждениях. Но так как их партийная иерархия не совпадает с советской и партийный билет дает или давал до сих пор огромный перевес рядовому коммунисту над беспартийным его начальником, то эта двойственность должна дезорганизовать всю систему управления. У дикта-

это обстоятельство говорит за то, что у власти нет достаточно широкой социальной опоры. И это предположение оправдывается анализом социальных слоев, составляющих новое общество в России эпохи сталинизма. Никогда еще, за все время революции, власть не была так оторвана от широких масс, так мало "народна", несмотря на видимость (искусственную) обожания ее носителя. На кого опирается Сталин? На рабочих? Но как раз за последний год их и без того тяжелое положение еще ухудшилось. Отмена хлебных карточек означает понижение реальной заработной платы. Главная цель стахановского движения - увеличить трудовую нагрузку полуголодного пролетариата. Недаром рабочие отвечают уже убийством пионеров нового тэйлоризма.

Крестьяне? Могли ли они забыть столь недавно, всего пять лет тому назад, произведенную Сталиным грандиозную революцию - или контрреволюцию - против крестьянства, гибель своей свободы, восстановление, под именем колхозов, крепостного строя? Есть ли в деревне семья, которая не имела бы среди своих близких сосланных, расстрелянных, умерших от голода? Миллионы голодных смертей всего два года назад отметили успехи сталинского социализма по всему югу России. С тех пор диктатура даровала крестьянам дворные участки, на которых они, неся крепостную и не ограниченную временем барщину в пользу государства-помещика, могли бы с грехом пополам кормиться. Огород, корова, свинья - могли ли примирить крестьянина с колхозным рабством? Сомневаюсь. Может быть, этой подачкой Сталин предотвратил взрыв и непосредственную угрозу мужицкого восстания. Но едва ли приобрел популярность. Скорее следует предполагать глухую ненависть к нему со стороны как раз трудящихся классов, - тех, что сделали Октябрьскую революцию. В этом, социальном, смысле Октябрьская революция проделала полный круг. Начавшись с восстания рабоче-крестьянской России, она закончилась ее полным порабощением. Народ в сталинской России является не субъектом, а объектом власти, фундаментом новой государственной пирамиды.

На кого же, в социальном смысле, опирается власть? В годы пятилетки на это можно было ответить так: на молодежь, на все, что было в России юного, наивно-жизнерадостного, героического, сохранившего веру в социальное знамя. Именно молодежь, отрываемая беспощадно от "учебы", перебрасываемая тысячами на "узкие" места строительства на заводах и в деревню, чтобы грудью перерезать колючую проволоку, заполнять своими трупами рвы - и в то же время подгонять отсталых, пассивных, выполнять роль добровольных палачей своего народа. Эта молодежь мечтала построить на земле социалистический рай. Глубоко было ее раз-



тора должны быть веские основания для этой растраты административных сил. Таким основанием является личная ему верность партийных секретарей. Коммунисты в России сейчас суть граждане первого класса, сверхлояльные, принесшие двойную присягу: общеполитическую - государству, и лично-вассальную - вождю. Ими диктатор распоряжается с большей свободой и уверенностью: может перебрасывать их как угодно и употреблять для надзора и контроля чисто государственных учреждений. Но эти функции партии снова пересекаются с ГПУ. Административная путаница, очевидно, терпит потому, что власть дорожит всякой лишней надстройкой диктатуры. В связи с непрекращающимся правительственным террором,

очарование к исходу пятилетки, несмотря на цифры технических достижений. В результате стройки Россия оказалась обнищавшей и разоренной. А непосредственные результаты были так далеки от фантастических идеалов. Отсюда разрыв социалистического актива со Сталиным, - разрыв, сигналом которого был выстрел Николаева. С тех пор Сталин не переставая ведет борьбу с этой молодежью, еще вчера ему преданной. Троцкисты, зиновьевцы, леваки, добываемые им, - это все та же молодежь. Увидев для себя опасность социалистической школы, воспитавшей утопистов, Сталин хочет заставить молодежь учиться по старинке, вводит дисциплину, экзамены, издевается над неграмотностью и некультурностью людей, которые вчера считались авангардом коммунизма. Но, выбрасывая из школы и из жизни мечтателей-утопистов, Сталин широко распахнул двери в жизнь - практикам-профессионалам. Все, кто мечтают о личной карьере или увлечены своим специальным делом, легко примиряются с новой фазой диктатуры. Более того, для них она означает подлинное освобождение и от принудительной жертвенности и от принудительного доктринерства.

Но эта группа выводит нас из возрастной и моральной категории молодежи. Специалисты дороже в работе, в жизни, чем в школе. Подлинная опора Сталина - это тот класс, который он сам назвал "знатными" людьми. Это те, кто сделали карьеру, кто своим талантом, энергией или бессовестностью поднялись на гребень революционной войны. Партийный билет и прошлые заслуги значат теперь немного; личная годность в соединении с политической благонадежностью - все. В этот новый правящий слой входят сливки партийцев, испытанных своей беспринципностью, чекисты, командиры Красной Армии, лучшие инженеры, техники, ученые и художники страны. Стахановское движение ставит своей целью вовлечь в эту новую аристократию верхи рабочей и крестьянской массы, расслоить ее, соблазнить наиболее энергичных и сильных высокими окладами и поставить их на недостижимую высоту над их товарищами. Сталин ощупью, инстинктивно повторяет ставку Столыпина на сильных. Но так как не частное, а государственное хозяйство является ареной новой конкуренции, то Сталин создает новый служилый класс, или классы, над тяглым народом, повторяя еще более отдаленный опыт Московского государства. Жизненный урок показал ему слабую сторону крепостного социализма, - отсутствие личных, эгоистических стимулов к труду. Сталин ищет социалистических стимулов конкуренции, соответствующих буржуазной прибыли. Она находит их в чудовищно-дифференцированной шкале вознаграждения, в бытовом неравенстве, в личном честолюбии, в орденах и знаках отличия, - наконец, в элементах новой сословности. Слово "знатные люди" само по себе уже целая сословная программа. Но создание "знатного" сословия не только экономическая необходимость. В еще большей степени, быть может, это необходимость политическая. Править огромной, сведенной к ничтожеству человеческой массой - и притом ненавидящей власть, - невозможно, не внося классового разделения в эту массу. Извлекая непрерывно все активные и даровитые элементы народа для создания новой аристократии, режим обеспечивает себе добровольную и креп-

кую опору. Деспотическая монархия, даже демократическая по своим истокам, неизбежно становится классовообразующим фактором.

Так, в эволюции сталинизма подтверждается опыт всех "великих" революций: главный смысл их состоит в смене правящего слоя, и образование новой аристократии означает объективное завершение революции.

В этой новой аристократии есть один элемент, заслуживающий нашего пристального внимания. Это верхи интеллигенции, старой и новой, прикормленной и прирученной диктатором. Не одни "технократы", организаторы производства введены в состав знати. Сюда относятся и лояльные ученые, и верные власти писатели. Литература и искусство в России признаны за политическую силу первой величины. Они проводят непосредственные директивы Сталина не только в хозяйственных и политических вопросах, но и в создании "нового" сталинского человека. Высокие гонорары, целая система государственного обеспечения создают в литературной среде бодрое чувство своей привилегированности, своего значения для страны. Диктатор и сам любит появляться в литературных кружках. Он держит себя меценатом и разрешает обращаться к себе за управой и милостью в случае цензурных притеснений. Максим Горький, пользующийся большим личным влиянием на Сталина, играет роль посредника в сближении диктатора с литературным миром. Результаты налицо. Сталин получил в литературе блестящую рекламу для Запада самое убедительное оправдание своего режима. Он может досыта упиться неслыханной лестью. И, как ни невероятны по грубости многие формы этой лести, мы не считаем возможным объяснить их целиком страхом и подкупом. Вполне допустимо, что Сталин приобрел популярность в этой среде, для которой художественное ремесло - это все, нравственные основы жизни - ничто. Представляя себе новую интеллигенцию по типу старой, народнической и жертвенной, мы ничего не поймем в новой России, созданной революцией. Для новых людей смешны такие чувства, как жалость, сочувствие народу, чистота убеждений. Но достижения, но трудовой или художественный рекорд - это то, что заменяет нравственные основы жизни. Поскольку Сталин облегчает им творчество, они готовы считать его своим вождем. Для них - формалистов и бытописателей - самая постановка государственных тем не мешает, до поры до времени. Не все ли равно, о чем писать? Важно не "что", а "как". И вот Сталину удастся собрать вокруг своего шаткого трона верхи русской интеллигенции. Интеллигенция с государством, интеллигенция с властью: такова ситуация, в России не повторявшаяся с начала XIX века. Действительно, новый режим в России многими чертами переносит нас прямо в XVIII век. Та же массивная тяжесть государственной пирамиды; то же строительство культуры на костях народа. Государство как организатор культуры. Революционно-рационалистический характер этой, проводимой сверху, культуры. Энтузиазм и лесть, окружающие трон. "Оды на восшествие на престол". Но в то же время и огромная техническая и научная работа в полудикой стране: географические экспедиции, Академия наук... Конечно, Сталин напоминает скорее правителей эпохи бироновщины - палачей из Тайной канцелярии, жи-

вущих традицией Великого Петра... Но он уже чувствует потребность расцветить эту палаческую государственную работу блеском Елизаветинского или Екатерининского двора.

* * *

Неясным и неоднозначным представляется образ России на исходе девятнадцатого года ее революции. Она все еще не нашла своего равновесия; все в ней неустойчиво, текуче, больше обещает, чем дает. Ее социальный строй сейчас почти столь же шаток, как старый режим на исходе его жизни. Новое дворянство живет военным лагерем, окруженное ненавистью подавленного народа. Найдется ли оно в себе понимание и силу совершить его раскрепощение, которое ведь принципиально совместимо с социалистической основой государственного хозяйства?

В России не может установиться надолго власть, которая не была бы признана и принята крестьянством, составляющим сейчас огромное большинство в стране. Если освобождение крестьянства, слишком робко намеченное Сталиным, не завершится ранее военного нападения на Россию, она не выдержит новой войны.

Столь же туманно духовное будущее России на ее сегодняшнем распутье. Куда идет она? К социалистическому мешанству, которое пророчил Герцен для Европы, к Пошехонью в 1/6 части света, или к новому гуманизму, к новому расцвету русской культуры и осуществлению пророческих обетований XIX века?

О, если бы в этот роковой час ее жизни до России могли донестись наши мысли о ней, наши усилия, наши молитвы, а не только вопли ненависти, готовой, в союзе с ее врагами, нанести ей предательский - может быть, смертельный - удар!

1936

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Георгий Петрович Федотов (1886-1951) - безусловно один из самых замечательных русских мыслителей XX века. Увлеченный социал-демократическими идеями, он поступил в 1904 году в Петербургский Технологический институт, чтобы, став инженером, быть ближе к рабочему классу. В конце 1905 года его арестовывают и приговаривают к ссылке, замененной высылкой за границу. По окончании срока высылки он поступает в 1908 году на историко-филологический факультет Петербургского университета, где занимается историей европейского средневековья. Сохраняя хоть и ослабевшие связи с революционным подпольем, Федотов опять вынужден эмигрировать, жить в Петербурге по чужому паспорту,

подвергнуться ссылке в Ригу, по окончании которой, сдав государственные экзамены, он вскоре начинает работать в Публичной библиотеке.

Со времени поступления в университет совершается постепенный переход Федотова от марксизма к христианству, к обновлению православной мысли, начатому Владимиром Соловьевым. Выехав в 1925 году из СССР для продолжения занятий европейским средневековьем, он вскоре стал преподавать в Богословском институте в Париже. В Париже развернулась и его научная и публицистическая деятельность в журналах "Новый град", "Современные записки" и др. После поражения Франции Федотов в 1941 году с большим трудом перебирается в США, где до конца дней преподает в русской православной семинарии в Нью-Йорке, продолжая научную и публицистическую работу.

На всех этапах своего сложного пути Георгий Петрович сохранял свежесть и самобытность собственного ума, подымавшегося над догмами и догматами. Это сделало его во многом одинокой фигурой, ненавистной как правым кругам эмиграции, так и отечественным идеологам. Это предопределило и его меньшую, чем у других, даже не столь замечательных, деятелей серебряного века, известность в наши дни. Но этим же объясняется смелость и глубина его понимания современных исторических процессов и редкостная, часто пророческая, точность его анализов, примером которой служит статья "Сталинокрапия", опубликованная в "Современных записках" №60 в 1936 году и впервые публикуемая в нашей стране. Сегодня, когда кругом пытаются то отстоять, то радикально пересмотреть канонизированные оценки Октябрьской революции и последующего развития страны, статья Федотова должна наконец вступить в круг чтения русского читателя.

Читатель сам увидит, почему эта встреча происходит с таким опозданием, сам поймет, что в ее ускорении, в привлечении к статье, пусть даже с самой резкой, но публичной, критикой, общественного внимания не было заинтересовано ни одно из пользующихся у нас реальными возможностями свободного выхода к публике умственных течений.

Преемники и последователи Сталина не могут и ныне, даже в качестве "спорных", допустить утверждения Федотова, что деятельность Сталина, в отличие от деятельности Ленина и Троцкого,

"это настоящая контрреволюция, проводимая сверху", а "новый режим в России" многими чертами переносит нас прямо в XVIII век".

Но и искренним сторонникам Ленина или Троцкого эта концепция враждебна, поскольку показывает неизбежную "эволюцию революции" и тщету их усилий достичь обещанных революцией целей. Федотов пишет: "Сталин с 1925 года работает над размылением ленинского гранита. К 1935 году он может считать свою задачу оконченной". Даже Троцкий до конца дней думал, что в сталинском государстве первоначальные намерения лишь извращены, хоть и очень значительно, но основа продолжает оставаться пролетарской, как казалось после революции и Ленину и ему самому.

Не устроит концепция Федотова и открытых противников коммунизма, тогда высказывавшихся преимущественно в эмиграции, а ныне и на родине. Федотов пишет: "Еще большинство эмиграции повторяет: в России царствуют коммунисты, или большевики; еще мечтают об избавлении России от этих большевиков, не замечая того, что большевиков уже нет, что не "они" правят Россией", и говорит о пришедших к власти, что это "совершенно не коммунисты, а новые люди, к которым нужно приглядеться". Между тем у нас и сегодня либо в сталинских традициях обожествляют, либо разоблачают большевиков, но совершенно не стремятся выяснить, кто же эти "новые люди", пришедшие при Сталине им на смену и поныне занимающие те же места, и

чем, собственно, отличаются от них те, кто ныне, уже откровенно проповедуя монархизм или авторитаризм, претендуют на сталинское наследство и его незываемость.

Серьезная критика российско-го коммунизма, равно как и сложившихся в стране порядков, требует, вслед за Федотовым, обозначить различие между Лениным и Сталиным, но не для идеализации того или другого, а для прояснения реальных итогов Октября и, стало быть, смысла нынешних проблем. А ведь сегодняшняя антикоммунизм часто держится на отождествлении Ленина и Сталина, поскольку, игнорируя суть начавшейся вслед за революцией трагедии, стремится лишь к смене одежд любезного ему в своей сущности сталинского порядка. Федотов, пятьдесят пять лет назад разглядевший эту суть под иными одеждами, тут, понятно, помеха.

Нелишне напомнить, что даже и в самых точных предсказаниях исследователя неизбежны упущения, вызванные неведением деталей. Федотов не мог предполагать, что убийца Кирова Николаев добился успеха не только по своему вдохновению, но и благодаря незримой сталинской поддержке, масштабы и характер которой известны все еще лишь приблизительно. Говоря, что Россия "не выдержит новой войны", Федотов, опять же, не мог в 1936 году предполагать, что тогдашнюю расстановку сил изменит агрессивное движение нацизма, по сговору со Сталиным, на запад, в результате чего при нападении Гитлера на СССР Англия и США станут не противни-

ками, а союзниками нашей страны. Но ход первых лет войны, даже при их материальной поддержке, не позволяет просто отбросить как неверное предположение Федотова о том, что было бы, окажись наша страна перед лицом агрессора одинокой, а агрессор, напротив, обрел поддержку сильнейших мировых держав.

Можно бы оговорить и другие частности, но и они не меняют значимости анализа, проделанного Георгием Петровичем Федотовым. Желающему знать, что на самом деле произошло и происходит с нашей страной, прочесть "Сталинокрапию" необходимо, тем более что и сегодня сходные мысли у нас высказывают лишь редчайшие единицы. Согласится читатель с Федотовым полностью, или частично, или даже отвергнет его доводы, сочтя для себя, однако, обязательным как-то иначе ответить на прямо поставленные им вопросы, вовлеченные статьи в круг современных раздумий пойдет на пользу национальному самопознанию.

П.К.



Александр
ОРЛОВ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.

Книгоиздательство "Всемирное слово". - Л., 1991. - 320 стр. Цена - 15 руб.

Книга Александра Орлова, опубликованная вскоре после смерти Сталина в США на английском языке, а затем в переводах на многие другие языки в разных странах мира, впервые, наконец, напечатана в СССР в полном объеме по оригиналу на русском языке. Перед нами одно из самых захватывающих свидетельских показаний по тайной истории сталинских преступлений, организованных и совершенных по указаниям из Кремля органами ОГПУ - НКВД во времена Ягоды, Ежова и Берии.

Автор книги Александр Орлов до июля 1938 года сам принадлежал к верхушке чудовищного репрессивного

аппарата, сформировавшегося в условиях сталинизма. На протяжении 1920-х годов он был одной из ключевых фигур Экономического управления ОГПУ, а затем был назначен уполномоченным госконтроля по внешней торговле. В чине генерала НКВД А.Орлов был направлен в 1936 году резидентом в Испанию для организации контрразведки и партизанской войны в тылу франкистских войск. После кровавых расправ 1937 года, затронувших почти всех его ближайших сотрудников, вызванный на верную смерть в Москву, А.Орлов порвал со сталинским режимом и скрылся в США. Оттуда он переправил Сталину беспримерное по своей дерзости письмо, пригрозив в случае собственной физической гибели от рук сталинских агентов полным разоблачением в печати самых тяжелых злодеяний "вождя", о которых он многое знал. Угроза подействовала, А.Орлов остался в живых (умер своей смертью в США в 1973 году) и, рискуя на каждом шагу, написал наиболее досто-

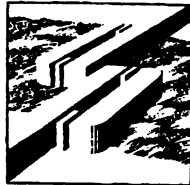
верную по информации и глубине анализа книгу об убийстве Кирова, подготовке московских политических процессов тридцатых годов, системе допросов и истязаний, которым подвергались узники НКВД, и других преступлений сталинизма против собственного народа и человечности.

Советские официальные органы, в течение нескольких десятилетий хранившие полное молчание по поводу разоблачений А.Орлова, только в конце 1990 года признали публично основательность мотивов, руководивших действиями бывшего советского резидента в Испании. Как общается в одной из недавних публикаций "из архива КГБ СССР", еще в декабре 1955 года на запрос Первого главного управления (разведки) - есть ли основания возбуждать против А.Орлова уголовное дело как против перебежчика и изменника, Следственное управление КГБ при Совете Министров СССР ответило, что для возбуждения такого дела "нет оснований" (См.: "Труд", 1990, 21 декабря).

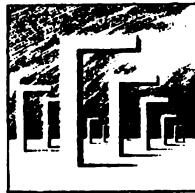
Тем самым, по логике вещей, есть достаточно много оснований возбудить дело по обвинению, выдвинутому в книге А.Орлова, ибо политические и уголовные злодеяния, им подробно описанные, не имеют и не могут иметь оправдания по срокам давности. На таком суде истории книга А.Орлова "Тайная история сталинских преступлений" могла бы стать одним из важнейших документов обвинения целой системы. Она подтверждает известное изречение, что в мире нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Заказы на книгу принимаются до конца 1991 года по адресу:

198216, Ленинград,
Ленинский проспект, 127,
Магазин №63 "Родина",
Отдел - "Книга - почтой"
Справки по телефону:
255-94-25

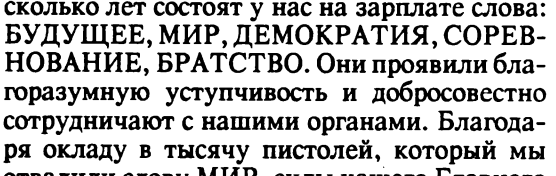
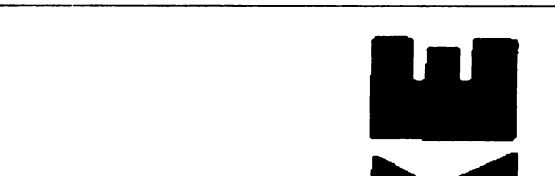
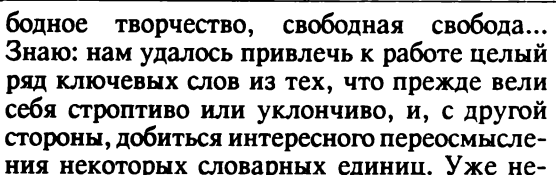
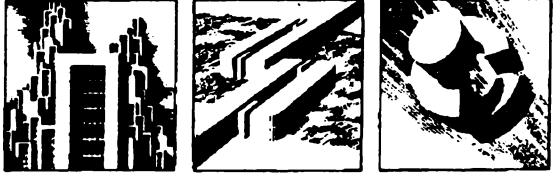


адио "Голос Освобожденного Народа" в утренней сводке новостей сообщило, что ночью интернировано несколько тысяч слов подрывного характера, а также внушающих сомнения; в столице их разместили на Народном Стадионе, а в провинции - в Центрах Перевоспитания. Операция проводится по всей стране. Границы Республики Освобожденного Народа закрыты, воздушное сообщение прервано. По сообщениям зарубежных радиостанций, горстка слов успела все же пересечь границу. Департамент Проблем соседней Федеративной Республики Процветания рассматривает просьбу о предоставлении политического убежища, поданную словами ОДИНОЧЕСТВО, ДЕРЗОСТЬ, ИРОНИЯ, ЗАДУМЧИВОСТЬ и МЯТЕЖ. Слова-перебежчики препровождены в Транзитный Центр, где оста-



оспода, - объявил Генеральный Секретарь, он же Премьер-министр, открывая заседание Совета министров, - я получил доказательства, что ваши доклады об умонастроениях в Освобожденном Народе - чушь и ахинея. Ваши службы меня за дурака принимают. Вас послушать, так, не считая горстки отсталых элементов, которые плетут заговоры в надежде прорваться к власти, весь Освобожденный Народ только и твердит такие слова, как ВОСХИЩЕНИЕ, ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ, ГЛУБОКОЕ УВАЖЕНИЕ, ЛЮБОВЬ, ЗАСЛУГИ, ЭНТУЗИАЗМ.

Между тем я пришел к выводу, что на самом деле у Освобожденного Народа совсем другие слова на уме. Стоит ему вообразить, будто можно говорить что хочешь, и сразу начинается: свободная мысль, свободное волеизъявление, свободные профсоюзы, свободное перемещение, свободный труд, свободное время, сво-



ДАВИД ПЛАКСИН. АЗБУКА

нуты до принятия решения Советом Процветанской Федерации.

- Этого следовало ожидать, - говорят люди. - Были уже чистки: ликвидировали Жирных, Отсталых, Низкопоклонников, Двурушников, Патлатых, Ухмыльщиков и Не таких, как все. Но куда явлению можно подобрать название, - хоть ты борись с ним, хоть искренней его, оно будет плодиться снова и снова, что твой сорняк. И ОНИ это поняли.

Дети приуныли. Не играют в кошки-мышки, в салки-догонялки, таращат глаза да спорят, сбившись в стайки.

- Нам нечем заняться, мы не можем посчитаться!

Дело-то в том, что дети привыкли считаться: кому быть кошкой, кому водить, кому салить и догонять. И считалка у них всегда одна и та же:

*Под окном растут цветы,
Роза - я, ромашка - ты,
Вот пион, а вот жасмин,
И сирень, и георгин.
Надо маки посадить.
Алый мак - тебе водить!*

Но теперь детям не посчитаться: слово МАК задержано.

- МАК за решеткой? Что он такого натворил?

- Никто не знает.

Взрослые рассуждают:

- Ну ладно, с ОДИНОЧЕСТВОМ, МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬЮ, МЯТЕЖОМ еще можно понять. Но МАК? При чем тут МАК?

**СЛОВА
В
ГЛОТКЕ**

бодное творчество, свободная свобода... Знаю: нам удалось привлечь к работе целый ряд ключевых слов из тех, что прежде вели себя строптиво или уклончиво, и, с другой стороны, добиться интересного переосмысления некоторых словарных единиц. Уже несколько лет состоят у нас на зарплате слова: БУДУЩЕЕ, МИР, ДЕМОКРАТИЯ, СОРЕВНОВАНИЕ, БРАТСТВО. Они проявили благоразумную уступчивость и добросовестно сотрудничают с нашими органами. Благодаря окладу в тысячу пистолей, который мы отвалили слову МИР, силы нашего Главного Генерального Штаба сумели пересечь границу и совершить бросок против предателей из Народной Республики Чевенгария под девизом "Армия Освобожденного Народа служит Освобождению и Миру Народов". Как только мы оккупировали столицу Чевенгарии, мы расцвелили город плакатами: "За Братство Народов - всегда готовы!" - а все потому, что БРАТСТВО уже несколько лет работает на нас.

- С позволения вашего превосходительства, - вступил министр Нравственной и Идеологической Безопасности, - я внесу некоторые уточнения.

- Вам предоставляется слово, - объявил Генеральный Секретарь, он же Премьер-министр.

- В настоящее время такие слова, как ДИСЦИПЛИНА, БДИТЕЛЬНОСТЬ, ТРУД, СТРОИТЕЛЬСТВО, СОЗИДАНИЕ, всецело нам преданы. Но, надо признать, это не самые полезные для нас слова. Народ хорошо их знает, даже слишком хорошо. Лучшие результаты дают нам слова, лишённые столь явной стилистической окраски, искусные смысловые сдвиги, новые значения, со знанием дела присвоенные известным лексическим единицам. Однако тут мы столкнулись с тем, что слова неожиданно быстро выходят из строя. Так, например, лозунг "Нерушимая верность Великому Соседу, всей планете Примеру" полинял, и нам пришлось заменить его на "Нерушимую дружбу с Великим Соседом, всей планете Примером". Но и

эта формулировка очень скоро обветшала. Теперь мы провозгласили "Любовь навеки к Великому Соседу, всей планете Примеру". Академия языка разрабатывает сейчас формулировки на замену, чтобы пустить их в дело, когда и этот последний лозунг тоже устареет. Академик Ясинин предложил "Бесконечный экстаз перед совершенством нашего Великого Соседа, всей планете Примера", но Комитет по формулировкам опасается, что такая редакция не свободна от религиозно-мистического налета. Ну, как бы то ни было, ВЕРНОСТЬ и ДРУЖБА работают на нас, получая из бюджета неограниченные средства, так что все в порядке.

- А ЛЮБОВЬ, ЭКСТАЗ и БЕСКОНЕЧНЫЙ - разве это наши слова? - осведомился Генеральный Секретарь, он же Премьер-министр.

- С ЭКСТАЗОМ и БЕСКОНЕЧНЫМ мы еще не беседовали. А ЛЮБОВЬ неоднократно изъявляла готовность с нами сотрудничать. Станный характер, между прочим. Не поручусь, что она вполне надежна и что на нее можно положиться. Вы позволите мне, ваше превосходительство, признаться откровенно... тем более что это касается вашего превосходительства?

- Слушаю вас.

- Когда праздновалось ваше шестидесятилетие, мы связались с ЛЮБОВЬЮ и предложили ей временный контракт. Речь шла о совсем простеньком поручении: участвовать в отбывании нескольких трудовых повинностей вроде "Всеобщей любви Освобожденного Народа к своему Вождю, Другу, Отцу и Учителю". Народ кричит: "Любовь!" - вождь отзывается: "Любовь!".

- Замечательная идея! - одобрил Премьер.

- Увы, ЛЮБОВЬ отказалась, как мы ее ни уламывали... отказалась под весьма вздорным предлогом.

- Вот как? Любопытно!

- Она заявила, что после чистки, направленной против Однополовиков и Извращенцев, а также после учреждения Голубых Лагерьей упоминание о ЛЮБВИ в связи с Главой Государства прозвучит странно... И что переизбыток ЛЮБВИ может подействовать на народ изнеживающим, размягчающим образом... Одним словом, болтовня!

- За такую болтовню упечь бы ее ненадолго за решетку, чтобы призадумалась, - нахмурился Президент, он же Премьер.

- Я пригрозил. А она с неслыханной дерзостью возразила: я, мол, дитя богемы и что мне ваши законы!

- Полагаю, что нам лучше обойтись без услуг этой особы. Таких пройдох опасно вовлекать в важные дела. Ни идеи Дедов-Основоположников, ни Генеральный План, ни Авангард, ни Государство Освобожденного Народа, ни я лично не просим никакой ЛЮБВИ. В ЛЮБВИ есть некий религиозный привкус, от нее за версту несет добрым боженькой, чувствительностью, слащавостью...

- Ваше превосходительство, с точки зрения Авангарда, Государства и всех нас, вы правы... Но, к сожалению, наши специалисты утверждают, что массы не в силах удержаться от уплаты эмоционального налога, если пользоваться терминологией доклада, представленного Центральной Лабораторией по исследованию Народа... Это можно рассматривать как слабость, но у них существует потребность нас любить. Статистика

свидетельствует, что в ходе таких крупных кампаний, как "Движение за Идеологическую Профилактику" или "Продуктивность на службе у Благополучия", производительность труда подсказывала на десять-семнадцать процентов, как только в агитпропаганду вводились эмоциональные темы, как, например: "Любить нашего Вождя, Друга, Учителя и Отца значит поднимать уровень производства" - или: "Кто любит Вождя, Отца, Друга и Учителя, тот любовно выпалывает идеологические сорняки". Стоило нам ввести слово ЛЮБИТЬ в программу Движения за Идеологическую Профилактику, как добровольная сдача книг и иных изданий возросла на девятнадцать процентов... Таким образом нам удалось изъять из обращения более двух тысяч экземпляров сочинений Платона, Монтескье, Маркса и предыдущего Генерального Секретаря предателя Финкельштейна.

- Как, и Маркса?

- Полного, без научно обоснованных купюр, ваше превосходительство. Сами по себе труды Маркса, конечно, не подпадают под мероприятия Идеологической Профилактики.

- Вы меня успокоили, - признался Премьер. - А скажите-ка, какие еще слова негласно работают на нас?

- Вы о "невидимках"? Их около двух сотен... ДРУЖБА, БРАТСТВО, ВЕРНОСТЬ и ЧЕСТЬ - все они, как выражаются злопыхатели, наши двойные агенты. В своем вражьем обличье они служат тем, кто клеветает на нас и утверждает, будто служба Авангарду и послушание Государству ведут к попранию ЧЕСТИ, ВЕРНОСТИ, ДРУЖБЫ. Но и нам они тоже оказывают определенные услуги. "Верность Авангарду - честь гражданина", - напечатано на членских билетах участников Движения. Весьма полезна также формула "Дружба народов". Когда наша армия принесла помощь на землю братской Азии, именно ДРУЖБА придала нашему внезапному удару неотразимую силу... Мы провели операцию во имя "БРАТСТВА и ДРУЖБЫ с азиатским народом"...

- Помню, помню, - Премьер продолжал расспросы. - Вот вы упомянули об умело проводимых смысловых сдвигах. Что вы под этим понимаете?

- Приведу для вашего превосходительства пример. Субботники и воскресники назывались у нас "днями добровольного труда", но не пользовались популярностью. Некоторые трудящиеся договаривались до того, что мы злоупотребляем их доверием, поскольку их добровольный труд по сути своей принудителен. Мы заткнули рты клеветникам, присвоив этим повинностям наименование "дней солидарности трудящихся". Теперь никто пикнуть не смеет, иначе его обвинят в том, что он уклоняется от солидарности со своим же братом трудящимся.

- Замечательно, - помолчав, изрек Премьер. - Я всегда был сторонником мягких и постепенных мер там, где это возможно. Но при всей успешности наших методов и при всех заслугах "невидимок" сложившееся положение требует более действенных мер! Широкомасштабных мер!

- Широкомасштабных мер, ваше превосходительство? - вежливо переспросил начальник Службы Внутреннего Надзора.

Премьер увлек начальника на балкон Овального кабинета, подальше от микрофо-

нов, которые могли быть вмонтированы где угодно, и вполголоса изложил ему свой план.

- Узнаю решительность и творческий метод нашего Вождя и Отца, - отозвался начальник Внутреннего Надзора.

- Удар должен быть неожиданным, - сказал Премьер.

- Неожиданным и мощным!

- Рассчитываю на вас, а также на все прочие службы, - заключил Премьер.



тром тридцатого ноября руководство Генштаба Отечественной Армии, руководство бригады Сил Умиротворения, комиссары отрядов Умственной Безопасности и кадры Принудительного Добровольного Ополчения узнали, что в полдень им надлежит явиться за инструкциями в штаб-квартиру операции.

Едва стемнело, Отечественная Армия, Силы Умиротворения, штурмовики из Умственной Безопасности и Добровольно-Принудительное Ополчение окружили книжные базы, агентства новостей, редакции газет и типографии. Редакции толстых словарей блокированы: там засели люди из отрядов Умственной Безопасности.

В отряды Идеологического Контроля были заранее стянуты по заготовленным спискам лексикографы-консультанты. За несколько дней до начала операции Пограничные Силы отчизны и Бдительный Таможенный Контроль были усилены бригадами Семантической Экспертизы. Сотрудники этих бригад прослушали ускоренный курс лексикологии в свете учения Дедов-Основоположников, а также Решающих и Определяющих идей Генерального Секретаря, он же Премьер-министр, он же Вождь, Отец, Друг и Учитель, он же и проч.

Задача всех этих контролеров состоит в том, чтобы перекрыть доступ через границу в обе стороны словам, фигурирующим в списках, составленных тридцатью тремя подкомиссиями Центрального Бюро согласно личным указаниям Генерального Секретаря, он же Премьер-министр, он же Президент, он же наш великий и проч. Каждой подкомиссии поручили одну букву алфавита. Подкомиссиям, в ведении которых оказались наиболее употребительные буквы, пришлось дать подкрепление. Напротив, для букв Ы, Ш, и Х хватило трех-четырех экспертов. Работу подкомиссий проверяет, направляет, а если нужно, то и поправляет Координационная Комиссия. Ее деятельность в свою очередь подлежит проверке, руководству, а при необходимости и исправлению лично Генеральным Секретарем - он же Премьер-министр, Президент, Вождь, Друг, Учитель и Отец - провозгласившим лозунг "Выше уровень семантической бдительности в свете учения Дедов-Основоположников, а также Решающих и Определяющих идей нашего Обожаемого Генерального Премьер-Президента, Учителя и Отца, Вождя и Друга".



иректива №1 по операции "Verba". Инструкция по организации труда подкомиссий. Подразделение слов на четыре категории на примере первой буквы алфавита.

К 1-й категории относятся слова, приносящие государству пользу,

как-то: АВАНГАРД, АКТИВИСТ, АППАРАТ (государственный), АДМИНИСТРАЦИЯ, АРМИЯ, АВАНПОСТ, АНКЕТА и т.д.

2-я, самая многочисленная, категория нейтральной лексики включает в себя словарные единицы со стабильным значением. Не представляют опасности для Авангарда и Государства такие слова, как АБАЖУР, АРФА, АБРИКОС, АНАНАС, АРКА, АЛГЕБРА.

В 3-ю категорию (слова, подлежащие пересмотру) входят лексемы, значение которых следует уточнить, исправить или сузить. Так, пора избавиться от некоторых определенных слова АБСОЛЮТНЫЙ. Скажем, от такого: "Ничем не связанный, неограниченный, обладающий всей полнотой власти. Пример: абсолютный монарх". Подобное определение может вызвать в незрелых умах ассоциацию с Главой Народного Государства. Необходимо также изъять метафизическое определение термина АБСОЛЮТНЫЙ, такое, как "существующий независимо от любых условий". Что до слова АВТОРИТЕТ, донные определявшегося как "признание за данную личностью такой компетентности, что ее мнения признаются за истинные без предъявления доказательств и без критики", то отныне мы толкуем его как "признанное значение какого-либо лица, например, Главы Государства, основанное на доверии и уважении широких масс трудящихся".

В отношении слов последней, 4-й категории, таких, как АНГЕЛ, АЛКОГОЛЬ, АРТИСТИЗМ, инструкция предусматривает предварительное помещение на Народный Стадион (в столице) и в Пересыльные Лагерь (в провинции) с дальнейшим преданием суду-тройке, а затем, исходя из каждого конкретного случая, заключение и передачу соответствующим органам, обозначаемым в донесениях как Центры Переосмысления, или же освобождение.

Запрос
сержанта, возглавляющего
139-ю бригаду сил
Умственной Безопасности.



рошу разъяснений относительно слова ЖИВУЧКА (семейство губоцветных): подлежит ли оно переосмыслению, учитывая, что слово БОГОРОДИЦА отнесено к 4-й категории?

Ответ:

В сомнительных случаях следует переосмыслить каждую малопонятную лексическую единицу. Растению из семейства губоцветных, продолжающему произрастать в северных регионах страны, отныне присвоено имя министра Умственной Безопасности (хотя некоторые садовники по-прежнему именуют означенный полкустарник с бледно-красными цветами запрещенным названием БОГОРОДИЦЫНЫ СЛЕЗКИ).

Из почты.

Я, нижеподписавшийся, ходатайствую перед руководством Народной Безопасности об освобождении моей сотрудницы КРЫНКИ, в настоящее время помещенной на Народный Стадион по подозрению в спекуляции на чер-

ном рынке. КРЫНКА никогда не занималась подрывной деятельностью против Авангарда или Государства Освобожденного Народа, а всегда проявляла безграничную преданность нашему Отцу, Вождю, Другу и Учителю. Без КРЫНКИ я лишен возможности исполнять возложенные на меня обязанности кувшина и удовлетворять потребности населения в молочных продуктах.

КУВШИН

В ответ на призыв Авангарда и нашего Вождя, Друга, Учителя и Отца, в рамках кампании по искоренению подрывных слов и идеологическому очищению хочу привлечь внимание ответственных лиц к подозрительному поведению слов НАЛИВКА и НАСТОЙКА, которые ухитряются уклоняться от справедливых мер по пресечению, проводимых правительством.

Вдова Кликко

Обращаю внимание властей на махинации сионистского подголоска КУЛЬМАНА, который разгуливает на свободе по явной ошибке. Не мешало бы также прочувствовать словечко ПАСПОРТ, не скрывающее своих симпатий к израильским плутократам. На виду у всех честных людей оно нагло способствует выезду на все четыре стороны сионистских агентов, имеющих целью уклониться от справедливого возмездия. И напрасно оно и ему подобные скрывают свое истинное лицо: обмануть можно лишь того, кто хочет быть обманутым. Прошу разобраться. С народным приветом.

Бдительный активист

Господин Министр!

Романист Максим М. Максималье, заслуженный деятель литературы, лауреат Государственной Литературной Премии, делегат и вице-председатель Государственного Народного Совета, кавалер Ордена Народной Безопасности, обратился в наши органы с ходатайством. Для работы над книгой, которую он сейчас пишет, он просит у Администрации Центра Трудового Перевоспитания предоставить на двадцать четыре часа в его распоряжение слова БЕСПЕЧНОСТЬ, ПРИХОТЬ, НЕБРЕЖНОСТЬ, ВООБРАЖЕНИЕ и БЕЗДЕЛЬЕ, осужденные к пяти годам перевоспитательных работ. В своем произведении, вдохновленном принципами образцово-показательного реализма, намеченными нашим Вождем, Другом, Отцом и Учителем в речи "Литература в Государстве Освобожденного Народа", Максим М. Максималье намерен использовать эти слова, чтобы показать, какую огромную опасность представляет для нас ослабление государственной дисциплины и возврат к растленному легкомыслию, царившему в прошлом. Максим М. Максималье обязуется вернуть вышеупомянутые слова в распоряжение Органов Перевоспитания по истечении срока, на который ему будут вверены заключенные.

Убедительно прошу указать, каким образом следует реагировать на это ходатайство.

И. О. командира 120-го Гвардейского Полка Умственной Безопасности.

(Подпись неразборчива)

Долго еще нам мириться с этим позорным явлением? Бесстыдные слова ЛАСКА, ШАЛОСТЬ и ОБАЯНИЕ как ни в чем не бывало

ведут паразитический образ жизни, в то время как честные граждане участвуют в строительстве Государства Освобожденного Народа! Куда смотрят власти? Почему не положить конец этому безобразию во имя повышения производительности труда и укрепления Семьи? Да здравствует Авангард! Да здравствует Государство Освобожденного Народа! Да здравствует наш Друг, Вождь, Отец и Учитель!

Возмущенная мать семейства

Органам правопорядка, разыскивающим слова ЖАЛОСТЬ, СОЧУВСТВИЕ и ПОНИМАНИЕ, не мешало бы заглянуть с обыском к некоей Розе Сэяви, Мощная улица, 16. Возможно, их там ждет приятный сюрприз. Люди слышали, как вышеупомянутая гражданка говорила на базаре, что не понимает нашего Вождя: он, дескать, в молодости защищал права угнетенных, а теперь возглавляет угнетателей. Она же говорила еще, что сама она не перекрасилась ни снаружи, ни внутри, и если гонимое слово ищет пристанища, то пускай стучится к ней.

*Секретарь комитета по Контролю
Мощной улицы.*

Обращение

В нынешних условиях усиления идеологической борьбы против подрывных и разложившихся слов объединенный профсоюз типографских корректоров заверяет руководство Авангарда, правительство Государства Освобожденного Народа и лично нашего Вождя и Друга, Учителя и Отца в своей полной поддержке. Корректоры обязуются на 110% выполнить план по очистке и исправлению национального словаря, а также проявлять неуклонную бдительность перед лицом любых попыток поддержать или протасовать антиавангардную, антинародную и антигосударственную лексику. Смерть словам - врагам народа! Да здравствуют Освобожденные слова!

Генеральному Секретарю,
Премьер-министру и Президенту

от президиума Союза Писателей
Освобожденного Народа.

Обуреваемые пылкой любовью к Освобожденной Отчизне, мы, Народные Писатели, тесно сплотившись вокруг Председателя и членов Президиума Союза Писателей, заверяем Авангард Освобожденного Народа и лично нашего Вождя, Друга, Учителя и Отца в своей безраздельной поддержке и одобрении борьбы за истребление - вплоть до последнего корня, до последней основы и окончания - всех проявлений антиавангардной и антигосударственной идеологии, которую поддерживают внешние и внутренние враги нации. Мы, члены Союза Писателей Освобожденного Народа, и впредь будем вести непримиримую борьбу со словами - бешеными псами и агентами заграничными вплоть до их полного подавления и окончательного искоренения. На фронтах словарей и грамматик мы гордо водрузим знамя принципов, провозглашенных Дедами-Основателями и Генеральным Планом. Мы, солдаты идей

нашего Вождя и Друга, Учителя и Отца, не сложим оружия, пока не сгинет последний враг нашего Государства.

В то же время мы, члены Союза Писателей Освобожденного Народа, хотели бы, так сказать, обратить внимание Центрального руководства Авангарда и нашего дорогого Вождя и Друга, Учителя и Отца на то, что писателям необходимо располагать некоторым запасом слов. Нежелательно, чтобы необходимая борьба против словесных паразитов, шпионов и врагов народа давала пищу заграничным клеветникам для утверждений, будто в Государстве Освобожденного Народа якобы обедняется словарь и люди говорят на "деревянном" языке. Необходимо железной рукой Авангарда и нашего Вождя и Отца, Учителя и Друга согнуть в бараний рог словесных диверсантов, но в то же время сберечь бесценный капитал национального словаря, инструмент и богатство нашей образцово-показательной реалистической народной литературы. Мы уверены, что руководство сумеет совместить оздоровление языка с его обогащением.

Из газеты

"Известия Освобожденного Народа"
(центральный орган Авангарда
Освобожденного Народа)

Писатели единодушно поддерживают нашего Вождя и Учителя в борьбе против словесных врагов народа.

В обращении к Вождю, Другу, Учителю и Отцу Президиум Союза Писателей Освобожденного Народа заверяет Авангард, а также лично Генерального Секретаря и Президента в своей полной и безраздельной поддержке. "Писатели Освобожденного Народа будут вести непримиримую борьбу со словами - бешеными псами и агентами заграницы, - говорится в Обращении, - вплоть до их полного подавления и окончательного искоренения".

Великий народный писатель Варта Малаа, в свою очередь, направил нашему Вождю и Другу, Учителю и Отцу письмо, в котором просит "не ведая сомнений и жалости, истреблять словесных шакалов и разговорных гиен, которые своим зловонием отравляют воздух нашей великой нации и Государства Освобожденного Народа".

Из протоколов заседаний судов-троек

Заседание №219. Дело о задней мысли.

Всенародный прокурор: Трудно вообразить, что у граждан самого передового Государства в мире могут быть иные мысли, кроме передних.

Председатель: Мы не потерпим ни задних мыслей, ни передних, а только мысли, одобренные Государством и нашим Отцом и Вождем.

Адвокат (по назначению): Мой подзащитный признает свои ошибки, стремится к исправлению и наперед отказывается вообще от всего заднего, в том числе и от мыслей.

Приговор: тотальное порицание (эта формулировка означает смертную казнь, которая приводится в исполнение бригадой дежурных истребителей).

Рапорт

инспектора семантической полиции
Каазиноо,
поданный по запросу
судебного следователя по так называемому
"делу нитки с иголкой",
внесенному в список дел,
подлежащих слушанию
в Лексическом суде-тройке №723.



уличный Совет поступило патриотическое донесение, в котором сообщается, что некто неизвестный публично произносил речи подрывного характера. Он неоднократно высказывал следующее: "Вся эта революционная бдительность и борьба с саботажем только сбивает нас с толку. Главный саботажник - наше правительство: морит нас голодом и ждет, что мы будем вкалывать как лошади". Кроме того, он явственно бормотал: "Разыграли как по нотам довели страну до того, что на полях хлеб не родится, убирать нечего, зато они на нас отыграются, пойдут головы рубить".

Путем ряда проверок активисты квартального Совета установили автора этих высказываний; в настоящее время он, вернее, она заключена на Народном Стадионе. На допросе она назвалась Аполитичностью и предъявила документы на это имя. При внимательном изучении оказалось, что документы фальшивые, а настоящее имя этой опасной личности - Измена. При ней была обнаружена записная книжка с адресами, которая позволила выявить ее тесные связи с РАВНОДУШИЕМ, ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕМ и РАЗОРУЖЕНИЕМ.

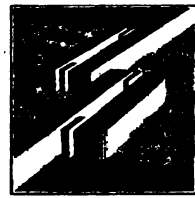
Дальнейшее расследование показало, что нити тянутся еще дальше и речь идет о самом настоящем заговоре против Безопасности Государства Освобожденного Народа и об опаснейшей преступной контрреволюционной организации. Удалось выявить постоянные связи между ИЗМЕНОЙ и ее пособниками, а также другими группами. Показания опрошенных и документы, обнаруженные при обысках, свидетельствуют о том, что с самого начала ИЗМЕНЕ оказывали поддержку РАВНОДУШИЕ, ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ и СОЧУВСТВИЕ. А те, в свою очередь, пользовались советами, инструкциями и ободрением подрывного центра, который нам наконец удалось разоблачить после долгой слежки. Речь идет о небезызвестных ВНИМАНИИ, ПОНИМАНИИ и СИМПАТИИ.

Все вышеуказанные слова даже и не думали записывать и сделали самые недвусмысленные признания. Они словно гордятся преступлениями, в которых сознались.

(К этому рапорту, подшитому к делу, хранящемуся в Архиве Государственной Безопасности, приложена справка, указывающая, что ИЗМЕНА осуждена к тотальному порицанию, ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ и РАЗОРУЖЕНИЕ получили по тридцать лет Внутренней перестройки с привлечением к Наружным работам в Центре сурового режима, а прочие виновные слова приговорены к различным срокам от шести до двенадцати лет Внутренней перестройки с привлечением к Наружным работам в Центрах нештучного режима.

Само собой разумеется, все вышеуказанные слова лишены словарного гражданства.)

Из секретного рапорта
Комиссии по надзору за работой
суда-тройки по процессу
над антиавангардными,
шпионскими и подрывными словами.



уководствуясь указаниями нашего Вождя и Друга, Учителя и Отца и следуя инструкциям Указательного центра Авангарда и Совета министров Государства Освобожденного Народа, личный состав и председатель суда-тройки № 112 подготовили открытый процесс над группой антиавангардных, шпионских и подрывных слов. Процесс должен получить педагогическое, воспитательное и устрашающее звучание.

Требованиям лиц, ответственных за проведение судебных заседаний, полностью подчинились все обвиняемые, числом сто восемьдесят три слова, за исключением слов ПРОЛЕТАРИАТ и РАБОЧИЙ КЛАСС. Последние во время следствия продолжали настаивать, что так называемый ПРОЛЕТАРИАТ и так называемый РАБОЧИЙ КЛАСС существуют даже в Государстве Освобожденного Народа. Их упорство не удалось преодолеть различными методами убеждения, как моральными и интеллектуальными, так и физическими, а потому допустить их к публичным судебным заседаниям оказалось невозможным.

Все вдохновители группы - слова РЕВОЛЮЦИЯ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, РАВЕНСТВО, СВОБОДА, ПРОТЕСТ, ЗАБАСТОВКА, ДЕМОНСТРАЦИЯ и БОРЬБА - предстали перед судом. Почти все участники подрывной, диверсионной и антиавангардной деятельности во всем признались, как во время следствия, так и на публичных допросах в ходе открытых заседаний.

В подавляющем большинстве они сознались в том, что вербовали (главным образом среди студентов и молодых рабочих) преступников и бандитов, которые по их примеру начинали готовить провокации и плести заговоры, направленные на подрыв Авангарда и разрушение Государства Освобожденного Народа, руководимого нашим Отцом, Другом, Вождем и Учителем. Тактика этих предателей, достойных вечного презрения всех сознательных Освобожденных Граждан, заключалась в том, что они притворялись, будто ни в грош не ставят и вообще отрицают или по крайней мере недооценивают исторические завоевания, достигнутые благодаря победе Авангарда и основанию Государства Освобожденного Народа под руководством нашего Вождя и Друга, Учителя и Отца. Требуя больше СПРАВЕДЛИВОСТИ и больше РАВЕНСТВА, затеяв ЗАБАСТОВКИ и ДЕМОНСТРАЦИИ, эти оголтелые псы и заговорщики пытались захватить власть, чтобы внушить Народу мысль о неизбежной РЕВОЛЮЦИИ и снова поработить его. Ядро, состоящее из закоренелых преступников, которые спекулировали на своем значении и злоупотребляли памятью о своих мнимых революционных заслугах, и объединившее вокруг себя словесных подонков-заговорщиков, террористов и шпионов, было разоблачено и обезврежено благодаря бдительности Народа и его органов.

Во время судебного разбирательства по всей стране прошли одобрительные митинги,

на которых были приняты резолюции, требующие истребления этих бешеных псов и ползучих шакалов.

За несколько часов до вынесения приговора охрана центральной тюрьмы Государства Освобожденного Народа обнаружила, что СПРАВЕДЛИВОСТИ, РАВЕНСТВУ и СВОБОДЕ удалось бежать. Судя по всему, эти опасные диверсанты, шпионы и враги Государства имели сообщников внутри страны и вне ее. Ведется следствие.

Обвиняемые приговорены к тотальному порицанию. По отношению ко всем осужденным, оставшимся в тюрьме, приговор приведен в исполнение дежурными истребителями Центра государственного порицания.

Рапорт

министру внутренних дел
из штаба пограничных войск
Процветанской Федеративной Республики.



Во время облавы на слова, объявленные в соседнем с нами Государстве Освобожденного Народа подрывными, некоторому числу слов, к началу операции находившихся вне дома, удалось бежать. Кое-кто сумел преодолеть электрифицированные проволочные заграждения на границе, убежать от службных собак Пограничных войск Освобожденного Народа и проникнуть на нашу территорию.

Вчера утром на пограничный пост *Анемоновый лес* явились три слова-беглеца, которые провели ночь в лесу, скрываясь от погоны. Они были в состоянии сильного истощения, поскольку их травил собаками, и, чтобы достигнуть нашей территории, им пришлось всю ночь ползти через проволочные заграждения. На нашем пограничном посту им был предложен легкий завтрак, а затем, после душа и нескольких часов сна, они показали, что их зовут ОДИНОЧЕСТВО, НОСТАЛЬГИЯ и МЕЛАНХОЛИЯ. Они сделали заявление, что просят политического убежища. В ожидании инструкций мы препроводили их на Приемную Базу ближайшего городка.

Телекс

Министерства внутренних дел
Процветанской Федеративной Республики
начальнику пограничного поста
Анемоновый лес.

Решение о предоставлении лицам, именуемым ОДИНОЧЕСТВО, НОСТАЛЬГИЯ и МЕЛАНХОЛИЯ, политического убежища может быть принято только на самом высоком уровне в Совете министров. До определения судьбы троих беженцев содержать их под строгим надзором.

Из протокола
Совета министров
Федеративной Республики Процветания:
касательно просьбы трех слов-беженцев
о политическом убежище на территории
Процветания.

После того как министр внутренних дел огласил досье ОДИНОЧЕСТВА, НОСТАЛЬГИИ и МЕЛАНХОЛИИ, оставляющие членам совета возможность самостоятельного решения, дискуссию объявили открытой.

Министр иностранных дел готов всей душой приветствовать предоставление беглецам политического убежища по гуманитарным соображениям, но считает своим долгом обратить внимание членов совета на то, что со стороны властей Республики Освобожденного Народа скорей всего последуют ответные меры. В настоящее время в столице Республики Освобожденного Народа находится процветанская торговая делегация с целью заключения важных контрактов. У правительства наших соседей может возникнуть соблазн связать между собой оба факта и сорвать экономические переговоры под предлогом нашего вмешательства в их внутренние дела.

Министр связи тоже не против выдачи трем просителям вида на жительство. Но в этом случае можно опасаться ужесточения режима в Республике Освобожденного Народа. Такое ужесточение вдвойне ударит по гражданам этого Государства. В плане внутренней жизни усугубятся репрессии. В плане внешнеполитическом пострадают беженцы, ранее поселившиеся на нашей территории. Общество "Народный топор" и движение "Общественная программа", действующие в Процветании и симпатизирующие Республике Освобожденного Народа и ее политической системе, начнут преследовать их прямыми угрозами. Они уже объявили, что беглые слова на самом деле агенты Республики Федеральных Штатов, шпионы и пособники реакции, и требуют их немедленного выдворения.

Министр образования ничуть не возражает против того, чтобы трем беженцам, находящимся ныне на попечении одной из наших приемных баз, было оказано гостеприимство. Но он опасается, что в тот момент, когда вверенное ему министерство сообщит с министерствами культуры, окружающей среды и труда начинает совместную кампанию "Улыбнись будущему!", предоставление убежища трем элементам, не способным поднять и поддержать моральный тонус нации, будет выглядеть несколько непоследовательно.

Председатель Совета министров ставит вопрос на голосование. В результате единогласного голосования ОДИНОЧЕСТВУ, НОСТАЛЬГИИ и МЕЛАНХОЛИИ отказано в предоставлении политического убежища. Они будут препровожжены по своему выбору к одной из границ.

Шапка из газеты "Ивнинг ньюс",
выходящей в Республике Федеральных
Штатов:

ПРЕЗИДЕНТ ВЫРАЖАЕТ СИМПАТИЮ СЛОВАМ, БЕЖАВШИМ ОТ ТИРАНИИ.

Департамент проблем Процветания сожалеет о том, что вынужден отказать беженцам в предоставлении политического убежища во избежание моральной заразы. Принять ОДИНОЧЕСТВО, НОСТАЛЬГИЮ и МЕЛАНХОЛИЮ согласилась Мольдивская Караибская республика.



резидент и министр Безопасности дали судам-тройкам указание выносить решения в самые сжатые сроки. Сосредоточение большого числа подрывных слов, а также слов, склон-

ных к подрывной деятельности, может вызвать нежелательные последствия, облегчить контакты между мятежниками, дезорганизовать речевые структуры Государства и возбудить брожение умов. По сообщениям, после Великой ночной облавы на Слова участвовали умственные расстройства в среде тех, кто ходит к психиатрам и невропатологам. Возвратный симптом, характерный для таких больных, выражается, как правило, одной и той же жалобой: "Доктор, у меня

Клод Руа

Всегда твержу одно и то же...

*Все о тебе - вздох, до дрожи.
Мой стих незыблем, словно твердь.
Всегда твержу одно и то же:
любовь и время, жизнь и смерть.*

*Я все слова с изнанки знаю,
всей тьмою истин овладею.
Не ангел и не тварь земная -
я голос, эхо, перепев.*

*Все о тебе - и все о счастье,
о соучастье, о судьбе.
Все о тебе - и о напасти
быть лишь собой и лишь в себе.*

*Мои слова - слова провидца.
Мой стих стократно пережит.
Как ниточке не алфавититься -
букварь мой белой ниткой шит.*

*Я начинаю вновь - со слога,
с любого звука повторять
мою бездумность и тревогу,
мои сомненья... И опять*

*о том же самом говорю я,
о чем твержу я с давних пор,
повторной фразой маскируя
души и разума повтор.*

*Сосредоточен - и разнежен,
и нет меня - и вроде есть...
Кто норовит меня ко мне же
вернуть так истоиво? Бог весть!*

*Я думал, истоивость, как пламя,
ветрами сбита навсегда,
но Слово вспыхнуло над нами
как путеводная звезда.*

*Пусть в новой жизни понаслышке
расскажет кто-нибудь о том,
как мы играли в кошки-мышки
с моим безвестным двойником.*

*Он говорит одно и то же,
и боль, и радость повторив,
все о тебе - вздох, до дрожи,
под мой напев, на мой мотив.*

*Готова плодоносить завязь,
налившись соком букваря.
Я с каждой фразой обновляюсь,
одно и то же говорю!*

Перевел Михаил Яснов

что-то с памятью: забываю, что хотел сказать". Суды-тройки заседают непрерывно; в помощь им выделены семантические контролеры, но, к сожалению, их не хватает.

Судам-тройкам разослана информация о бесчестном поведении ПРАВДЫ-МАТКИ: полицейские рапорты и донесения квартальных Советов сообщают о ее беспардонных речах. Так, например, она заявила, что Главу Государства не следует называть Отцом: это якобы напоминает об устаревшем религиозном понятии бога-отца. Кроме того, она утверждала, что в выражении «добровольно-принудительный труд» заложено противоречие и что дополнительные отработки лучше называть просто «днями добровольного труда», а уж Народные Авангардорганы сумеют придать им принудительный характер. Трудящиеся массы приветствуют осуждение ПРАВДЫ-МАТКИ; она приговорена к двадцати годам Внутреннего переубеждения с привлечением к Наружным работам в Центре более или менее строгого режима.



Вскоре после осуждения ПРАВДЫ-МАТКИ перед судом предстала особа по имени МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬ.

- Ваша трудовая книжка свидетельствует, что вы систематически отлыниваете и не думаете о производственном плане, - говорит председатель.

- Лани? Лани... - отвечает МЕЧТАТЕЛЬНОСТЬ. - Как плачут они на рассвете, как грациозно топчут копытцами, когда быстрее ветра летят по лесной тропе!

- Из вашей трудовой книжки следует также, что вы беспрестанно меняете место работы и питаете склонность к бродяжничеству.

- О да, в душе я бродяга... Путь из Багдада в Смирну, верблюды, караваны... Кафтаны, капитаны, паруса, ямайский ром, острова в океане... Беспечные цыгане, шатры да ковры, конокрады и номады, кочующий табор, гитарные струны...

Непростую проблему являют собой слова с двойным гражданством. В самом деле, ряд лексических единиц имеет один смысл в Республике Освобожденного Народа, а другой за границей, например, в Процветанской Федеративной республике. ПРОФСОЮЗ в их смысле наказуем заключением от двадцати до тридцати лет Внутренней перестройки с привлечением к Наружным работам: как-никак, речь идет о диверсионной группе, которая берется защищать труженика от нанимателя и при необходимости бороться с этим последним. Если наниматель - Государство, такая крамольная деятельность оборачивается преступлением. Ведь борьба ведется против своих, поскольку наше Государство есть Государство Освобожденного Народа и Народ - его полновластный хозяин, осуществляющий свое господство через Авангард и лично через нашего Вождя и Друга. Но ПРОФСОЮЗ в НАШЕМ понимании означает организацию, призванную стимулировать производительность труда и прирост выпуска продукции.

Слов с двойным гражданством очень много. ДОНОС обладает у НИХ уничижительным оттенком, а у НАС это дело чести и до-

блести. У НИХ ВОЕННЫЙ ПАРАД - так себе, чепуха, а у НАС это демонстрация государственной мощи. Иногда одно и то же слово у НАС обесценено и звучит подозрительно, а у НИХ раздуто и поднято на щит, иногда наоборот - в обоих случаях слова с двойным гражданством представляют для судов-троек настоящую головоломку.

Так или иначе, двойное гражданство карается двадцатью годами нешуточного режима.



оспода, как поживает операция "Verba"? - спросил Президент, открывая расширенный рабочий Совет.

Министры, руководители и начальники служб по очереди отчитались в проделанной работе. Министр Гармонии с помощью нескольких цифр дал общее представление о ходе кампании:

Задержано для проверки	21703 слова
Освобождено после расследования	7240 слов
Осуждено к тотальному порицанию	4430 слов
Осуждено к заключению сроком от десяти до двадцати лет с отбыванием в Центрах Внутренней переработки с выводом на Наружные работы	5002 слова
Осуждено к срокам ниже десяти лет	5111 слов

- Как можно проверить эффективность вашей работы по корректировке словаря? - осведомился Президент.

- С позволения вашего превосходительства, могу предложить абсолютно надежный тест, - предложил министр Умственной Безопасности.

- Что вы имеете в виду? - удивился Президент.

Министр встал, подошел к книжному шкафу, снял с полки том Полного собрания сочинений Президента и протянул автору.

- Прошу ваше превосходительство раскрыть на любой странице.

Президент открыл книгу: разворот пестрел пробелами.

Министр Умственной Безопасности пояснил изумленному Вождю:

- Всем нам, и даже вашему превосходительству, доводилось употреблять слова, которые в дальнейшем перебежали во вражий стан. Возьмем одну фразу из вашей выдающейся речи "О повышении уровня производства бритвенного крема и лезвий". Позвольте, я прочту вам цитату в том виде, как она звучала до операции "Verba".

- Читайте.

Министр прочел вслух:

- "Справедливо оценивая потребности населения в бритвах и креме..." Как видите, в ходе операции "Verba" изъяты слова СПРАВЕДЛИВОСТЬ и производные от него как имеющие подрывной характер, а также слово ПОТРЕБНОСТЬ как ненужное, поскольку установлено, что в Государстве Освобожденного Народа все потребности давным-давно удовлетворены и, следовательно, сами собой исцелят.

- В самом деле, это очевидно, - согласился Премьер-министр, захлопывая восемнадцатый том своего Полного собрания сочинений. - Понятие СПРАВЕДЛИВОСТЬ нам подбрасывают, чтобы сорвать наш труд, а наглецы, осмеливающиеся утверждать, что у Осво-

божденного Народа якобы еще имеются ПОТРЕБНОСТИ, состоят на службе у заграницы и нашего внешнего врага.

Далее Совет перешел к выработке Обращения, где говорилось о стопроцентном успехе мероприятия, которое планировалось под кодовым названием "Verba".

Президент поздравил всех участников этой доблестной политической и гуманной акции и подчеркнул необходимость сообщить Освобожденному Народу об успехе операции.

Наутро в газете "Известия Освобожденного Народа" появилось официальное коммюнике, а над ним - большой портрет Вождя, Друга, Отца и Учителя. Передовица была выдержана в ликующем тоне. "Последняя цитадель двуличных шакалов антиавангардной вражьей группировки наконец-то пала под мощными диалектическими ударами руководства Республики Освобожденного Народа, который вдохновляет и ведет за собой наш Вождь и Учитель, Создатель и Отец".

Из секретного рапорта Руководства Службы Семантического Надзора при министерстве Умственной Безопасности.



Из наблюдений наших агентов явствует, что после операции население все чаще прибегает к так называемым обинякам. Профессор Клинокотрус, возглавляющий кафедру диалектической семантики в Университете Освобожденного Народа, констатирует, что в фонограммах публичных речей, частных разговоров и снов, записанных на онирограф, заметно возросло употребление стилистических тропов и фигур, таких, как парафраз, литота, метафора простая и развернутая и т.д. Профессор утверждает, что ответственность за распространение обиняков отчасти ложится и на Авангард, и на Государство. Внедренная в массы привычка обозначать карточную систему как плановое снабжение продовольствием, репрессии как веские аргументы, а работу из-под палки как добровольно-принудительный труд вызывает у людей определенные лингвистические отклонения. Изъяв из обращения некоторую часть подрывной и сомнительной лексики, операция "Verba" еще сильнее подстегнула тягу к иносказаниям и обинякам. За последнее время было замечено, что СВОБОДУ теперь называют ЗАГНИВАНИЕ, ЧЕГО МЫ ВСЕ ХОТИМ, КОГДА РАК СВИСТНЕТ и ДО ВОЙНЫ. РАВЕНСТВО в разговорной речи заменяют на СКОРЕЕ-МЕНЬШЕ-ЧЕМ-БОЛЬШЕ, СКОРЕЕ-ДЛЯ-НЕМНОГИХ-ЧЕМ-ДЛЯ-ВСЕХ и ВЕЧНОЕ ДЕЛО. Упразднение нескольких тысяч слов привело к расцвету неологизмов и образных выражений, причем прибавилось вдесятеро больше слов, чем изъято, - и это не говоря о бурном росте арго, жаргонов, тайных и условных метазыков.

Равным образом наши эксперты информируют, что пагубная изобретательность огромного числа наших сограждан обходит запреты и изъятия с легкостью, наводящей на мысль о помощи вражеских секретных служб. Так, о нашем Генеральном Секретаре и Президенте, Премьер-Министре и Вожде, Учи-

теле и Отце теперь нередко упоминают в таких выражениях и с такими интонациями, которые сами по себе содержат подрывной смысл: он и Величайший, и Неотразимый, и Обожаемый, и Отец-наш-земной, и Лучший друг детей и взрослых.

Профессор Клинокотрус предложил образовать две комиссии по расследованию: первая наметит меры против обиняков, вторая выработает точные методы оценки подрывного смысла, вкладываемого в интонацию, чтобы обезвредить врагов Государства и языковых саботажников.



Информация всем пограничным постам, комиссариатам по контролю Умственной Безопасности, бригадам Внутреннего Надзора и Центрам Лексической Чистки.

Премия в миллион пистолетов назначена за помощь в поимке слова МАК, сбежавшего из Лагеря Внутреннего перевоспитания нештучного режима с привлечением к Наружным работам. По поступившим сообщениям, МАК появляется в различных точках страны, по пути следования собирает вокруг себя мятежные толпы и ведет речи, направленные на семантический подрыв. Некоторое число сомнительных лиц, виновных в предоставлении преступнику укрытия и в пособничестве его бегству, проявили антиавангардные и антиправительственные настроения, явившиеся результатом пагубных идеологических установок: они утверждают, что МАК якобы не представляет угрозы для общества: он, дескать, внешне привлекателен, ярко окрашен, абсолютно ни на что не годен и придает полям веселый вид. Лица, виновные в этих возмутительных высказываниях, получили по заслугам, но чтобы окончательно пресечь контрреволюционную подрывную кампанию, необходимо задержание и тотальное поприцание МАКА.

Министерство Освобожденного Сельского Хозяйства рекомендует систематическое применение пестицидов на полях, засеянных злаками, чтобы навсегда покончить с МАКАМИ и искоренить их на просторах нашей Родины, подобно тому как вычеркнуты они из словарей и учебников ботаники.

Смерть МАКУ! Да здравствует наш Вождь, Друг, Учитель и Отец, он же Генеральный Секретарь, он же Премьер-министр! Да здравствует Государство Освобожденного Народа!

Перевела Елена Баявская

У новая на лаврах", стою на вершине развала... - это, может, начало оды? Или божественное

дуновенье гексаметра из глубоких веков. Увы нам, взятое в кавычки - живая цитата, собственными ушами по радио слышала, беспечное наше соединение несоединимого, безграмотность лишь, обернувшись изысканной штучкой, над которой и подумывать не грех, давно подмывает - подумывать.

Ибо я тшусь привлечь внимание к аспекту культуры, почти пока не затронутому нашим воспаленным разумом и нашим газетно-журнальным покаянным стоном о нашей же бездуховности. Аспект этот, на мой взгляд, вообще пока не осознан всерьез, хотя никакой культуры без него по сути нет. Он даже и не означен еще - как первостепенная и основополагающая проблема развития нашего духа. Свобода духа, к коей мы так стремимся, предполагает, прежде всего, структурированное мышление, способное выразить себя точным и ясным словом. Гласность же наша - лишь санкционированная сверху дозволенность слов, мышлением далеко не всегда обеспеченных, как блестяще показывает небольшой наш нынешний опыт. В интересующем меня аспекте есть даже некоторая загадочность, поскольку он не требует мгновенных и миллиардных вложений ни в рублях, ни в инвалидах, что, согласитесь, сейчас - редкость. Нет, инвестиций не надо. А нужен лишь пустячок, как в знаменитом английском газете: культурная традиция, воспитание и образование граждан, поведенческая установка в социуме (для сравнения установок - в Японии экскурсовод, прощаясь с туристской группой на ночь и до следующего утра, произносит фразу: "Извините за то, что мы заставили вас устать"; только и всего).

Как вы наверняка уже догадались, аспект, столь меня волнующий, - наш язык. От достоинства его и богатства зависит духовный климат общества, в том числе - готовность к новым научным, художественным и общественным идеям. Ну, не исключено, что где-то (как мы сейчас любим - "я, где-то, возмущен...") мне всегда любопытно - где?) мы еще не до конца используем богатства и возможности великого русского языка. Но, с другой стороны, тут как бы многое и не от нас лично: мы получили свой язык в наследство. Он привычен для нас с рож-

дения, неощутим и бесплотен, как, к примеру, время. А многие ли всерьез задумываются о Времени? И все мы, кроме узких специалистов, пользуемся своим языком достаточно бессознательно. И сам-то язык, при его-то вечности - рядом со скоротечностью нашей, к нам тоже достаточно равнодушен: он просто выражает себя нашими устами...

И тут я говорю - стоп.

Ибо на самом деле отношения наши с языком куда более сложны и драматичны. Ибо наши отношения с языком неизмеримо глубже, чем в состоянии осознать наш разум. Отношения эти - сакральны. Без языка нас, по-видимому, просто нет. Ибо "границы моего языка означают границы моего мира" (Людвиг Витгенштейн, "Логико-философский трактат"). И утрата одного слова (одного только слова!) влечет за собой утрату означаемого им чувства, понятия, факта. Этому чувству-понятию-факту - при потере для него слова - больше нечем пробиться к нам; оно, таким образом, делается *не-существующим* и постепенно исчезает из памяти людской, из истории, из культуры. Там, где оно было, может еще долгие годы дрожать и судорожно искать выхода странная, немотная, боль. Потом остается - лишь легкое недоумение, словно бы - блик. Потом - ничего.

Пожалуй, одну такую трагедию-блик я наблюдала несколько лет назад, случайно включив телевизор. Корреспондент задумно приставал к прохожим, чтоб объяснили ему, как понимают они слово "целомудрие". Или хоть - как воспринимают. Никто и близко не понимал, даже влюбленный юноша, даже люди вполне вроде интеллигентного облика, даже люди постарше, в лучшем случае следовало уклончиво-доброжелательный отзыв. Было страшно, как в пьесе Беккета. Ведь для понимания одного-единственного слова требуется - вся жизнь, целиком, все, что человек сумел в себе накопить, вся культура мира. Значит - никто не накопил? А чего ж накопился-то? К счастью, он не спрашивал. Судя по передаче, целомудрие находится в последней стадии издыхания, с ним, пожалуй, для нас покончено.

Боюсь, что это недобрый знак, боюсь - знак беды.

Мы же все более, "не побоюсь этого слова" (как теперь модно выразиться в самом неподходящем месте, возлюбленные наши клише), обращаемся с языком варварски - давим его и формируем, приспособляя для нужных смыслов. О равнодушии к языку говорить пока рано: это-то он бы

как-нибудь перебог. Слишком часто мы обращаемся с ним злонамеренно и зло-козненно, это ближе к истине. И происходит это, вернее даже - свершается, вполне бесплотно, по-тихому (громко - берут Бастилию, язык берут тихо, по последствиям, смею уверить, - это страшнее), почти и неощутимо для поверхностного взгляда, как всякий сущностно-глубинный процесс. И когда я гляжу на старых интеллигентов (хоть в тот же телевизор), которые страстно кипятятся, страстно доказывают и стра-

слова - чисто же механический), всесоюзное, всеохватное, - по сути-то, отличается от механического заглаживания бутерброда-с-килькой-вкупе-с-чашечкой-кофе?

"Уповая на лаврах", бреду по пустыне из слов, что лежат бездыханно, немymi свернувшись камнями...

Этот мой опус можно бы называть и поинтереснее, например: "К вопросу о некоторых тенденциях живого русского разговорного языка на данном этапе общественной мысли". Ибо я остро

высшие мозговые центры", чуть-чуть все же цитата, не удержалась. Новояз для удобства контроля разбит на лексиконы: А - повседневность, еда, работа, дом; Б - политический жаргон, ни одного идеологически нейтрального слова; В - скудные наука-техника.

Посмотрим же на себя с точки зрения Джорджа Оруэлла, любезные соотечественники!

С А-лексиконом, как сами понимаете, у нас все в большом порядке: количество слов сокращается. На днях двенадцатилет-

Зоя Журавлева

есть?" Ощущаете? Детализации не нужно - голая суть. Слово "мебель", к примеру, (недавно ведь - еще нейтральное, почти книжное) стремительно вобрало сейчас в себя все и все в себе сделало равнозначно-ценным: "Я мебель достал!" Спальный гарнитур, табуретку, письменный стол, раковину, комод-ручной-работы-из-посылочных-ящиков или стилия-Людовик-Последний - это все неважно: "Мебель" - трубно, сладостно, обессиливающее грандиозностью свершенья. Что и требуется от новояза - назвал, достал, сообщил другим, обессилел и сиди тихо, пока не отняли.

В повседневности нашей, как сами понимаете, А-Б-и-В-лексиконы в значительной степени перемешаны и сложно проросли друг в друга. В связи с этим (надо бы, само собою, - "в этой связи", это как-то многозначительнее, тупее, бюрократичней, отчего теряется как раз ощущение живой связи, и именно потому - столь сейчас победительно; могут же обрамляет "новое мышление", мы против таких новаций (бесильны) остальные свои соображения я отношу к Б-лексикону, усматривая в них явный политический подтекст, манипуляции общественным мнением - через язык. По правде сказать, я верую в иррациональную силу языка: невнятная речь, независимо от желания говорящего, обнажает и выдает фальшь свершения. Я-то, если по-честному, только тогда поверю правительству, когда оно сможет объясниться со мною на достойном себя, меня и русского языка языковом уровне: ясно, четко по мысли, грамматически-безупречно и стилистически-объемно. Я-то иррационально убеждена, что, пока слово "Азербайджан" не будет правильно произноситься с Высокой трибуны, нам - наших проблем не решить, а пока орган, призванный заниматься образованием в пределах города, именуется ГУНО - не может быть в городе никакого образования (в Японии сроду бы не дарили гвоздику на день рождения или к свадьбе, так как в слове "гвоздика" остро просматривается "гвоздь"; японцы, как я успела заметить за две туристских недели, - чрезмерно чувствительны к этим тонкостям), и личного здравоохранения тоже не будет, если это - ГУЗЛ (просматривается "узел", скорее всего - на горле, отсюда начальное "г", ГУЗЛ, вслушайтесь!).

Всевластие и обилие наших аббревиатур всем известно: ЖенПИ (это Женский педагогический институт, Средняя

„УПОВАЯ НА ЛАВРАХ...“

(кое-что о языке эпохи перестройки)

стно увлекают нас культурой, мне почему-то все чаще вспоминаются белые лебеди на сером мелководье Финского залива. Лебеди, как известно, несмотря на свой великолепно-лебязий вид, издают своим лебязьим горлом бессильное постаныванье и нервное взвизгиванье. Чайки же (отлично закрепившиеся в нашем соцреализме) кричат нахраписто, грубо и внятно.

Интеллигентам, разумеется, не в укор, они - высоки. Вы сами, конечно, замечали, как царственно-богат и изысканно-роскошен язык старых эмигрантов, давно оторванных от нашего социума и потому - им не деформированных, как гибок и пластичен их язык в тонких нюансах, неожиданных метафорах, точных образах, столь приспособленных именно для выражения нежнейших оттенков мысли. Так что - какой же укор? Наша беда - в другом. Как справедливо учит теория информации, жизненно важно не то количество информации, каковое наличествует в объекте, а лишь то - которое в состоянии воспринять субъект. Я. Вы. Он. Она. Мы. Да, к восприятию информации нужно себя готовить, абы как - не возьмешь, это труд. "Всегда требуют, чтобы искусство было понятно, но никогда не требуют от себя приспособить свою голову к пониманию" (Казимир Малевич). Насколько мы к этому готовы? Что возьмем у Набокова? У Бердяева? Сколько - от Умберто Эко и Тома Стоппарда? От Кандинского? Шнитке? От Курехина, наконец? Неужто - поверхностные лишь крохи? Что же тогда - наша гласность, каковой мы счастливо гордимся как, по сути, единственным завоеванием последних лет? Чем тогда могучее наше чтение (процесс складывания букв в

ощущаю именно - тенденцию. И хотела бы попытаться разобраться - хоть бы для себя - в новоязе перестройки (корни нашего новояза значительно глубже и пронзают, естественно, эпоху застоя, эпоху культуры личности, все временные наши пласты вплоть до начала тоталитаризма). Тут уж не обойтись без Оруэлла, впервые столь резко и бескомпромиссно поставившего в художественной литературе вопрос об отношении государственной машины к языку, что многие великие художники до него делали скорее интуитивно и опосредованно. Стоит, пожалуй, напомнить, себе же, основные положения новояза, блестяще сформулированные Оруэллом (роман "1984", приложение, языку посвященное).

Итак, цель новояза, вполне осознанная тоталитарным государством как обязательное условие и даже гарантия своего существования, состоит в том, чтобы сделать принципиально невозможными иные способы мышления, всякое инако-мыслие вообще, для чего выбор слов сведен к минимальному минимуму. Слова должны быть конкретны, исключены оттенки значений, метафоры, образы и сравнения, поскольку они стимулируют мысль. Любое трудно-произносимое слово - априори плохое, ибо задерживает на себе внимание, что уже опасно. Фраза должна быть функциональна, как грабли. Общий словарный запас необратимо уменьшается; чем беднее язык народа - тем легче этот народ управляем сверху, тем сильнее его внушаемость и без-законно-послушность. Идеал - нужно "сделать источником артикулированной речи непосредственно голосовые связки, абсолютно не затрагивая при этом

ний сын спросил своего папу, что такое "сарделька". Папа еще знает. Шестилетняя девочка спросила маму, что такое "шпроты". Ура, мама еще знает. "А буженина?" Мама слегка путается. "Севиюга?" Этого мама не видела, но еще помнит, что надо вроде бы говорить: "Кто такая?", а не "Что?". Есть еще блик. Предметы жестко и однозначно названы, например - "кресло". Без этих барских вариантов: вольтеровское, старинное, дачное, мягкое и т.д. Без затей: "Мне вчера повезло - записался на кресло". Можно - на зонтик, на холодильник, на дачу, на веник, на пальто, чувствуете - какой еще разброс и одновременно - какая уже парализующая четкость! Или, возьмем, хоть "яблоко". Сортов давно нету, этих-всяких шафран, анисовка, кандиль-китайка, или кадрий? Уже сбиваюся. Синонимами и прочие тонкости из быта исчезли за не-надобностью: картошка бывает - гнилая и не-гнилая, молоко скисшее и не-скисшее, очередь - большая и не-большая, последнее - редко, штаны - рваные и не-рваные, человек - нужный и не-нужный. К стати, по Оруэллу, исчерпывающее многообразие значений (два; больше - уже бунт) достигается как раз добавлением частицы "не" (лестница: грязная - не-грязная, ребенок: больной - не-больной). Впрочем, частица эта гораздо любопытнее используется в Б-лексиконе и там обретает черты уже философски-онтологические.

Особо нужно отметить, что редуция языка, отчетливое его оскудение, достигается мощным стягиванием значений в нашем А-лексиконе (язык-то неподъемно-богатый, пришлось повозиться), процесс этот - летальный сейчас по скорости. "У вас еда

Азия), ГОРЕМ (городские ремонтные мастерские, все равно "гарем", там нужно умащивать тело свое благовониями, а не работать), ВООП и ВААП, ДПК, ДСК, ЖБЛ (житель блокадного Ленинграда) и УЩР (угольно-щелочной реагент), ДНБКИ, ЖЛБУ, далее - бесконечно, они все вспухают на волне новых наших совместных и не-совместных предприятий, их уже не исчислить. Тут и ошибиться не

грех. Недавно слышу: "ВЦ, ВЦ" (Вычислительный центр, само собой) - а все остальные слова как-то уж слишком по уровню контрастируют. Оказывается - Внеземная цивилизация (тоже ВЦ), ну, уж тут уровень, сами понимаете, не-существенен, об нем и помину нет, это уже из области Зайцева, то бишь - моды. Ошибочка вышла.

Есть еще угрюмая аббревиатура - ОМОН. Так что опус мой

вполне можно бы поименовать и еще научнее, например: "К вопросу о развитии ОМОНистического взгляда на историю в свете последних событий".

Чего добиваемся мы этой своей сократительной страстью? Сперва кажется - просто артикуляционной легкости, облегчаем себе жизнь, сберегаем время на произношении. Ан нет! Ну, новые-то аббревиатуры лишь увеличивают мутную сумятицу нашего хаоса и безличностную безответственность, ибо нормальный человек, столкнувшись по мелкому своему, маленько-личному, делу с каким-нибудь очередным КВДШИ, ясное дело, дополнительно шалает и не может взять в толк обязанностей этого КВДШИ, тычется, как котенок. Глядишь, потычется и уйдет ни с чем. Это уже - государству польза: одной, крохотной, личной, проблемкой меньше, усилия не затратив.

Но есть, на мой взгляд, у наших аббревиатур и более важная социальная функция: перебив культурно-нравственной традиции, отрыв от нее. Я берусь утверждать, что неугодного МНСа (младший научный сотрудник) психологически гораздо проще уволить, чем, скажем, не-согласного с тобою ученого. Подумаешь, МНС, МТС, МРС (малый рыболовный сейнер), а слово "ученый" все же вызывает еще у некоторых слабенькое эхо былого, не-нашего, уважения, так ведь и вечная авторучка на миг дрогнет в административной руке, можно ненароком и призадуматься.

Аббревиатура, штампуемая серьезное, с глубинно-культурными традициями учреждение, неминуемо понижает его социальный статус, ощутимо снижает его значение - как культурного центра - в общественном мнении. В самом деле: ну, МГУ, ПГУ, ЛГУ, ИГУ, СГУ, сколько там еще этих, безотвязных, ГэУ. Надоело, ей-богу! Одно-то ГэУ, которое "эл", можно и в Петергоф перевести, перетопчется. Закончить ЛГУ, уверяю вас, куда менее престижно, чем - к примеру - Кембридж или Ленинградский университет, - сама кончала, знаю. Удивительно, что мы Эрмитаж до сих пор не сократили, ГЛЭ - предлагаю или совсем по-домашнему: ГЭ, - вот бы и славно. Это наш пока недосмотр. Возможно, я слегка огрубляю сложный процесс нашего непростого восприятия языковых капризов, но, полагаю, что в языке, как и в политике, мелочей нет. Кто-то да это слышит, хоть под сознанием. А коли никто не слышит - и вовсе плохо: значит, мы

безнадежно глухи, безъязыки и беззащитны, можем только терять.

Как теряем сейчас, помаленьку подтачивая и потихоньку уничтожая, главную ценность языка - объединительную, объединяющую меня и вас, мысль и текст, сознание и живую речь, прошлое и будущее, красоту и безобразие этой жизни. Язык ведь более становление, чем данность, в нем особенно показательно - взаимодействие, и оно же - наиболее уязвимо. Мы разрушаем его безжалостно. При небрежном и социальном направленном употреблении языка (направленность у нас единственно-вечная: голое "что" без осмысленного "как", будто это не равноправное дву-единство, будто бессильное "как" тотчас не убивает самое распрекрасное "что"!)

прежде всего страданию предлоги, связь: "констатировать об". Телевидение полно чудовищных этих согласований, мои - исключительно из выступлений депутатов, это ж наш цвет, наша сейчас языковая школа, не с улицы беру.

Прошу заранее простить частоту примеров, но хочу, чтобы вы ощутили проблему во всей ее тревожности: "с надеждой смотрим о том", "продемонстрировали о том", "критикуют все время о том", "согласились о том", "реклама о том", "привыкают о том", "зашевелились о том", "подтвердил о том", "радуюсь о том", "палец о палец не бьем о том", "настаиваю о том", "долго мучились о том, чтобы открыть кран мнений", "прозвучало о том", "ввести мораторий о том", "приносил клятву о том". Пожалуй - хватит. Как видите, мы достигли уже тотального стягивания связей типа ГУЗЛ: оборот "о том" стоит уже поздравить. Он победил в нашем перестроечном новоязе и может с полным правом считать себя "Предлогом-90". Может, как нынче принято, пора вручить ему приз? Хоть бы - муляж головы Сократа, совместное советско-шведское производство, изготовлено в порядке гуманитарной помощи в городе-побратиме Гамбурге, срочно создадим соответствующую комиссию, желательнее - сразу согласительную, чтоб под расписку вручила.

Но поскольку язык все же пока не полностью еще управляем (на что следует обратить особое внимание депутатов и Центра-с-большой-буквы), проскальзывают еще иногда диссидентские, не побоюсь этого слова, связи: "поклониться к праху", "облокотиться за стену", "нарваться в неприятности", "заинтересоваться о быте", "решить через обсужде-

Нонна Слепакова

Стена и площадь

*Всю жизнь против стены: то расширяешь лоб,
То ищешь впопыхах лазейку обходную,
То всюю пятерней вгрызаешься в подкол -
А все не миновать проклятую-родную.*

*Блажен, чей дух силен и ноги столь длинны -
Кто ловко для толчка воспользуется клумбой
И враз перемахнет колючий горб стены,
И вдруг на площади на идеально круглой
Окажется. Стены и в мире будто нет -
Кругом ребристый круг, строй зданий*

острокрышных,

*И хоть бы где проход, хоть бы какой просвет...
Квадратится в кругу мерцающий булыжник,
Точнее, панцирный опрятный диабаз
Блестит после дождя - и в нем сияет газ.
Достойно ратуша отбрыкивает час,
Пришельцу смелому устроивши смотрины.
И дико на него взирают из витрины
Консервы в баночках: скорлупчатый каштан,
Просахаривший свой коричневый кафтан,
Там вязко плавает средь сладостного виски.
А между тем пришлец с оглядкой идет
Вкруг площади пустой. Торцы ровны и склизки.
И хоть бы где просвет, хоть бы какой проход...*

1983

Пригородный пейзаж

*Пустырек мой, несущийся
В окнах поезда дачного,
Окантовка насыщенная
Проживанья невзрачного,
Как жестянка порожняя,
Мне дана от рождения
Ржавь железнодорожная,
Полоса отчуждения.*

*Рельсы встречные прыткие
В раздвоенном игрании;
Пятна шпалопропитные
На песке и на гравии;
С мокрым аспидным*

отблеском -

*Перебор заграждения...
Еду, мучаюсь комплексом
Полосы отчуждения.*

*Мчусь, толпой осажденная,
Никому не известная,
Я, родня отчужденная,
Неуместная, местная;*

*Наблюдаю, ответчица
За особость суждения,
Как отчество мечется
Полосой отчуждения.*

*Без малейшего ужаса
Здесь обронены антики:
Пачки мятого дружелюбия,
Страсти липкие фантики;
Полегли, непригодные,
Все мои заблуждения -
На вкрапленья природные
Полосы отчуждения.*

*И впились их скудельные,
Их цапучие пальчики
В листья шелко-фланельные
Закоптелой мать-мачехи,
В пыль польоны, зажатую
Средь кустов насаждения -
В закадычно-заклятую
Полосу отчуждения.*

1989

ние", "достойн для подражания", "обсуждать про положение в Приаралье", "говорить за кандидатуры", "предам виновников к суду" (это, чувствуете, прокурор!) и даже - самое филологически совершенное - "отказаться для службы в армии" (автор - генерал), "отказаться - для", я считаю, это уже художественная находка. Чувствуете, как бессознательно - вслепую, в бреде, на ощупь и кое-как - строятся эти фразы? Как беспомощно и случайно сцеплены слова? Как загоняет вас в темный угол победительное "о том"?

Это уже дефект мыслительного аппарата, уже деформированное сознание, не обольщайтесь - давно не грамматика. Нет, нам не нужно печатать Набокова, торопиться с Сашей Соколовым и Иосифом Бродским. Рабам нужна Рабыня-из-ауры. Я даже настаиваю об этом.

Меж тем меня властно влекут еще глаголы перестроечного новояза. Глагол - это тугая тетива лука, это энергия связи, динамика фразы, ее движение, у мысли нет момента покоя. В последнее время, как я пристрастно замечаю, в речах наших руководителей (чем страшнее положение в стране - тем чаще) глагол начал играть совершенно уникальную и абсолютно неожиданную роль. Даже не думала никогда, что от глагола - этого можно добиться: глагол стал адекватно передавать бесформенную статистику, он стал, по сути, перевертышем собственного, исконно языкового предназначения и остался при этом глаголом. У нас в последнее время появились глаголы - как бы зависшие в пустоте. Глаголу же, чтобы реализовать блистательную свою энергию, недостаточно сохранить буквальный свой, точно-означающий, смысл, глаголу - необходимо опереться на окружающие слова, от него зависимые и его проясняющие, и лишь тогда организуется и проступает общий смысл текста.

Чтобы не интриговать далее, приведу классический образчик новейшего глаголоупотребления, лучше которого пока не встречала. Вот этот образчик: "Мы обменялись и пришли". Ощущаете? Красоту, лапидарность, законченность? Модерн, наконец? Глагол "обменялись", по-старомодному-то, требует дополнения: кем, чем. Борзыми щенками, детьми, поцелуями, выстрелами, игрушками, мыслями, соображениями, оргвыводами. Уточнения эти черт-те куда могут завести. Обменялись. И пришли. К чему? - наивно спросите вы. А вот это-то как раз и не надо, совершенно вам не обяза-

тельно знать - к чему, уточнения - смерти подобны, не ваше собачье дело. Куда надо - туда и пришли.

Как вы уже заметили, глагол тут, по правде-то, и вообще ни при чем: мы на него - переваливаем свои заботы, он, надеюсь, еще вывернется. Дай Бог - глаголу!

Я же для полноты картины предлагаю желающим поразмыслить еще над одним, к примеру, высказыванием: "На сегодняшний день складывается обстановка в городе по уровню обеспечения продуктами первой необходимости". Все. Точка. Мне просто интересно, какую информацию может извлечь из этого пассажа внимательный слушатель? Правильно. Никакой. А какой смысл вкладывал оратор? Никакой? Не-правильно! Ибо тут, думаю - намеренно, пропущено определение, которое оратор, по-видимому, не хотел бы делать общим достоянием. "Обстановка складывается", скорее всего, - бедственная; самое слабое, может, - тревожная. Так что отсутствующий смысл отнюдь не так наивен, отнюдь.

Смысл фразы, сконцентрированный вокруг такого - зависшего - глагола и посредством одного, как раз и состоит в рассчитанном уходе от не-желательного смысла (чистую безграмотность я тоже, конечно, не исключаю - как частный случай: совесть не позволяет, переориентации внимания слушателей на разрозненные, хоть и болеевые, слова (продукты, первая необходимость), в полной и вязкой, даже - вязущей (руки, ноги, волю, главное - именно: волю) неподвижности фразы, где выход не означен даже намеком, ибо для оратора и задачи такой не было. Смысл - в затрудненности дыхания, в шевелении губ, в многотрудном, вроде бы вдумчивом и долгом молчании - после точки. Это расчет эмоционально правильный. Ибо чем длиннее это молчание, тем оно словно бы вдумчивее и глубже. И тем наивней и неудержимей ожидаете вы логического продолжения фразы, которое что-то же должно объяснить, ответа, что в муках родит оратор. Он ничего не родит. Он и не мог - родить, поскольку мысли (кроме шкурно-спасительной для себя: нырнуть в кусты, пропустив оценочное определение, но это, скорее, никакая еще и не мысль, а первая сигнальная система, по Павлову) в нем не было изначально, это типично размытое сознание, характерное для руководителя все-равно-чем. Но зато - блестящий лингвистически-полемиический прием! И его, единожды найдя, все чаще экс-

плуатируют. На этом - "я в основном по этому вопросу завершил". По-моему, довольно изящно ввернуто, чтобы остаться в рамках жанра.

"В наше непростое время" в Б-лексикон ворвалась лавина иностранных слов: не сказать об этом явлении особо - значит не сказать "о нашем непростом времени" чего-то принципиально важного, может - вещего, такого я вовек себе не прощу. Сразу оговорюсь: за язык я не беспокоюсь, это для нашего языка - тьфу, он освоит "консенсус", обживет "рейтинг", приручит "спонсора" и одомашнит "менеджера", как когда-то лицей или галоши, перемелет, видоизменит, надо - так поменяет смысл, тем лишь обогатившись. Беспокоюсь я - о нас с вами. Ибо слова эти появились не просто так, от приоткрытой границы и планетной связи; далеко не всегда - потому что в русском языке не нашлось подходящего поименования. А спущены на нас сверху, как ценные псы (собачек прошу не обижаться), причем многие из них призваны, как бы поделикатнее выразиться, сыграть роль мягкой упаковки при твердой посадке: "дефицит совести" куда как невиннее, чем бессовестность, а дефицит обуви или курева, откровенно заявленный именно как "дефицит", вызывает в массах гораздо меньшее раздражение, чем прилюдное признание в полном этих товаров отсутствии. В первом ряду запудривания мозгов идут сейчас, как вы несомненно уже заметили, со штыками наперевес "политические амбиции" (надо бы и писать - в одно слово, вместе, "политические-амбиции", это сейчас идиома, так-то - страшнее), "экстремисты" (желательно, кстати, произносить - аккуратно, по буквам, ибо "экстремисты" - нечто совсем другое, даже не уточняю - что) и вообще уж никому не ведомый, цепко и ползуче охватывающий нас, "попудизм".

"На вас, наверное, оказывали прессинг?" - "Прессинг? Да, прессинг оказывали. И даже на мою жену ночью".

Мудрый, однако, шаг эти иностранные слова! Они, по сути, исполняют сейчас обязанности оруэлловских эвфемизмов, временно снимающих своей полузагадочной новизной, полной для многих - даже таинственностью, ненужные властям страсти. Но дефицита, естественно, не снимают. Главная же притягательность этих пришельцев для власти предрешающей - смысловая их неукорененность в нашем языке и в нашей культуре, что великолепно позволяет с их помощью создать вождя видимость

"нового мышления" (наше, родное, клише: мышление либо есть, либо его - нету, никакого "нового" не существует в природе) и мощного движения по пути демократизации и прогресса. Шепни нашему человеку: "Конверсия, милок..." - и человека вроде уже отпустило, мы ведь не избавлены. Ну, пусть он потом, от засекреченной соседки по кухне, узнает, что завод раньше делал атомные реакторы, а теперь кинут на кастрюли, вместо - хоть бы компьютеров, что все же сопоставимо по мозговому напрягу, отчего с завода уникальные кадры разбегаются в никуда, может - в бомжи. Это ж - потом! У нас же главное - от себя отодвинуть, а не решить.

"Спонсоры", "новые приоритеты", "презентация" ("Завтра во Дворце-культуры-Первой-пятитки состоится презентация нового художественного фильма "Бля", наша реклама!) и "плюрализм" очень этому помогают: отодвинуть. Слова эти выдвигаются сейчас - как тотем, мы ими заговариваем судьбу. Плюрализм, ах, плюрализм-плюрализм, побольше плюрализму, хоть капельку плюрализму, только его, его-одного, мир - перевернем, себя - очеловечим. И никаких там уже "разнообразие мнений", "множественность воззрений", "различные точки зрения" - это все не надо. Как гениально выразился некто-деятель: "Искать плюрализм однозначно!"

Если "альтернативный", то никогда уж - противоположный, другой, взаимоисключающий, противоборствующий, взаимодополняющий; раз "консолидация" - чтоб "объединением" и не пахло. Ощущаете тенденцию? То же стягивание узлом на горле, жесткость одного-единственного смысла (один смысл тире одно слово), остальные безжалостно отсекаются, синонимов - чтоб не было духу, это чума, это потенциальное сомнение. Но особенно мне милы, честно признаюсь, "негативные явления"! Уже никаких - подло, неблагородно, безнравственно, гадко, непорядочно, омерзительно, скверно, не по-человечески, наконец, да мало ли их. Снимаются одним махом. С "негативными явлениями" может, пожалуй, помериться силою лишь "не-простая ситуация". Трагедия, несчастье, преступление, кровь людская на улицах мирного города - эти конкреции исключаются, нету их, понятно?! Есть - "не-простая ситуация". Точка.

Узнаете частицу "не" в новом ее - государственном - облачении? Социально призвана - снять нравственные оценки, самую

суть осмысливания явлений. Меж тем в русском языке без оценочных предложений нет в принципе, так он мудро устроен, психологически - вполне в духе российского же характера. Убери оценку насильственно - проступает (не очень даже понятно - как проступает, но вдруг чувствуешь) ложь, тоже - оценка. "Обстановка у нас в стране непростая". Не - тяжкая, невыносимая, оскорбительная, опасная, тяжеленная, унижительная, мучительная, катастрофическая и братоубийственная. "Не-простая", точка. Где-то, болтают, бывает "простая", но не у нас, всякое уточнение - уже подкуп. Опять стягивание многоликих смыслов до узкого горлышка кувшина, где - может - джинн. Ничего, приштамбуем и джинна, авось - не вырвется.

Подобные слова, как мокрый снег, мгновенно скатываются комом, ком этот всегда - клише-штамп. Штампы-клише настолько заполнили нашу речь, что мы ведь давно уж, по правде-то, и не разговариваем друг с другом (если придерживаться старинного представления о разговоре-беседе, где надлежит обмениваться новой информацией, собственными мыслями и т. д.), а лишь обмениваемся готовыми клише. По-моему, давно уж реальны лишь бартерные языковые сделки: я тебе - талон на водку, ты мне - носки; я тебе - "повернуться лицом к" (к чему угодно: к ранним овощам, к социализму с человеческим лицом, к многодетным семьям, к истине, загрязнению Байкала, железнодорожному транспорту и одноразовым шприцам, особенно же - к каждому человеку, это уж непременно), ты мне - "дойти до каждого" (инвалида, ученого, владельца попугая, шахтера, стоматолога, особенно - до каждого человека, всенепременно, это уж - кровь из носа). Социальный смысл штампов-клише, могуче пропагандируемых, - создать эмоционально-концентрированную видимость нового понимания ранних овощей, нужд инвалидов, истины и каждого человека в его первоизданной неповторимости; создать видимость некоего, бережного и передового, никогда дотоле нами невиданного, шага ко всем этим предметам, нового, опять же касательно их, - мышления, а на самом-то деле - припечатать на мертво очередным клише и, хоть временно, эту проблему таким образом - снять. Пожалуй, это уже массовый гипноз почище Кашпировского, только от повторов исчезают не послеоперационные болячки, а целые проблемы, - это, наверное, даже наш

уже от Кашпировского шаг вперед...

"Мы все дружно бок о бок идем разными дорогами к одной цели". Святые слова!

Штампованное сознание идеально подвигает нас к идеалу новояза: можно говорить-беседовать-спорить-даже-думать-наедине-с-собой, ничуть не затрагивая собственных мозгов. Логика, рефлексия, ассоциации, умение слышать собеседника - исключены в принципе: цельнокроеному клише все эти излишества не требуются, оно легко и бездумно прилипает к клише предыдущему. Даже как-то и безболезненно, даже - приятно. Видимость общения - налицо. Внутреннее одиночество при этом, правда, растет, потому что живой человек, естественно, все равно глубже любого клише. Да кого это так уж особенно волнует? Разве что - этого-самого человека, ну, это уж его заботы! От стерильного - клишированного - общения человек невнятно томится, не имея слов томление свое выразить: может запить, вдруг кого обругать, вдруг прыгнуть в окно с девятого этажа, бьет.

Чем сильнее пронизан язык (то есть: массовое сознание) клише-штампами, тем враждебнее отношение общества к искусству и к науке. Самое существование этих не вполне материальных предметов - уже раздражает, их нельзя пощупать, прикинуть - в рублях и твердой валюте, трудно их вообще оценить, там, по слухам, надо что-то понять или почувствовать, это уже напряжение, уже покушение на покой и мозги, нарушение стереотипа, это - не надо. Но смутное томление, как ни странно, все-таки пока остается. И бродят, к примеру, по Комарово томящиеся счастливы из дома-отдыха-имени-Джузеппе-де-Витторио, аж из Зеленогорска: "Тут, нам сказали, какая-то достопримечательность есть? Вроде - дача?" - "Ахматовская?" - "Да кто ж его знает! Сказали - дача. А как туда пройти, не подскажите? Сказали - достопримечательность..."

Что тут добавишь? Многие и фамилию теперь знают, к могиле - в пургу протоптано. Клишированному сознанию свойственно и человека воспринимать - только как клише, а потому - чтить лишь мертвых современников. С живыми-то, само собой, сложно: черт-те что говорят, пишут, надо вникать, составлять собственное мнение, не всегда совпадающее, с живыми - наплачешься. Сильно, взволнованно любим Ушедших, спешим назвать их именем как можно больше территорий, улиц, колхозов, площадей, гор,

это наш родной гигантизм, широкая наша - славянская - натура. Не умея услышать их при жизни (ну, нечем, что делать: не знаем ихних слов, острым нюхом схватываем - что надо слышать, что нынче велено), спешим настрапать себе побольше идолов. Сейчас, к примеру, сладостно вяем сахарных кукол из Анны Андреевны Ахматовой и Андрея Дмитриевича Сахарова, на очереди, судя по всему, - Мандельштам.

Мы - страна иступленных идолопоклонников, но какие-то там примитивные племена резали себе идолка из дерева, шептали на него, плыли по бурной реке, лодка вдруг - однако - черпала бортом, тогда - идолка на берегу раздраженно сжигали. Тут же с любовью вырезали себе следующего. Это, по-моему, как-то гуманнее, чем замучить большого человека обязательно до смерти, успеть обязательно осветить на всех трибунах при жизни, во всех газетах успеть от души изругать, а потом, когда социальная установка вдруг крутанется на сто восемьдесят градусов, толпами бежать к дому, где сидел он в ссылке, навесить доску, громко класться в вечной любви, подносить к этой доске на руках лежащих невест и назвать это покаянием.

"Я считаю протест и объявляю счетную комиссию". Кто скажет лучше? Не я.

"Эх, нагружай, нагружай, разгружай, разгружай, собирай, наступили сроки..." Помните, песенка из "Кубанских казаков"? Если не помните - не огорчайтесь: "Кубанские казаки" нам несомненно очень скоро покажут, по первой программе, это уж - наверняка...

Джордж Оруэлл в своей классификации новояза упустил очень важный аспект языковой нашей реальности, видать - не додумался как иностранец, даже лестно. Мы - додумаемся. Он тщательно проанализировал все способы давления на язык - сверху, но совершенно же оставил без внимания противоположную тенденцию: деформацию языка - снизу. Меж тем "сон разума рождает чудовищ".

Тут снова придется вернуться к нашему нравственному климату. Единственное гражданское чувство, блестяще разработанное в каждом индивиде нашего социума, смею утверждать, есть чувство зависимости, производное от него - страх, который сидит тоже решительно в каждом. Зависим мы круглосуточно и ото всех: от водопроводчика, зубной боли непосредственного начальства, магнитофона - этажом выше, от соседки снизу, что вдруг - посидит с дитем, пока мы стоим

за творогом или за справкой, но может ведь и - не посидеть; от почтальона, гололедицы, от кассира аэрофлота, чтобы все же продал "билетик", коего - вроде бы - нету, но мы-то знаем, что есть; от хмурой аптекарши, не понравившаяся - валидолу не даст, хоть на глазах умри; от шофера автобуса - он, может, с диспетчером поругался и не повезет, а мы сдуру опаздываем на работу; от квадратных метров; от уборщицы в райисполкоме - закроет дверь изнутри на швабру и запросто начнет переучет; от перегоревшей лампочки - где мы другую возьмем; от крупного-человека, что вдруг подошел со служебного входа и взял, и от меленького-но-шустрого, который нас запросто вытолкает из очереди, а мы ее заняли в четыре утра. Да что там, скучно перечислять!

"Только труд может облегчить достойную жизнь наших людей". Эх, кабы труд да мог - *облегчить достойную нашу жизнь*, мы бы горя не знали.

Я как-то попала в гастроном в аккурат к раздаче риса-сечки. За мною - стояла женщина, пожилая, благородно-усталого облика, напряженная, какой еще нашей женщине быть. И она повторяла все время: "Нет, нам не хватит, я - несчастливая..." И действительно - не хватило, рису мало, нас много, дело привычное. Но до какой же степени раздаленности нужно довести нормального человека, чтобы счастье свое и несчастье он измерял ноль-одним-килограммом-паршивого-риса-сечки! Ничего, довели. С этим - живем.

Ощущение зависимости дополнительно обострено и мучительно, потому что мы никогда не знаем, от кого и от чего мы зависим, с какой стороны ждать сейчас удара, чувство это - текущее, тошнотворно, неуловимо, не имеет конкретного адреса, как бы размыто повсюду в пыльной нашей повседневности, изматывающе-постоянно. Это - пожизненная угроза со всех сторон. Зависимость эта как бы вдобавок - с нами играет: мы в ней словно бы непрерывно меняемся местами, то вы - от меня зависите, то вдруг я - от вас. Я, например, сижу в вагоне метро, повезло, отхватила место. А вы, наоборот, топчетесь передо мною на одной ноге и с тяжелыми сумками. Вы - от меня еще как зависите, вдруг я подвинусь, вы тогда вполне втиснетесь сесть. Или я прибежала, вся в мыле, мне - только печатать, а вы закрываетесь на уик-энд или, еще лучше, навсегда. Ясно, что я - от вас завишу. Перепады эти настолько резки, изнуряюще-мгновенны, непредсказуемы, такое их множество на каждый

день, - что организм не справляется, уже не успевает себя восстанавливать. Некоторые - путаются, как себя вести. Вдруг кто-то заорет дурным голосом! А ему бы - как раз помолчать, ему бы, может, и дали. Или вдруг кто-то расплачется! Здрасьте, с чего плакать-то, от нее самой - все сейчас зависят, жди теперь еще, пока слезы свои утрет. Называется почему-то - нервы.

Это главное наше - гражданское - чувство не могло, конечно, не прорваться в язык. И выразило себя в нем нашей крайней лингвистической ласковостью посредством уменьшительных суффиксов. Мы ведь умилительно ласковы, не замечали? "Кларочка Степановночка, мне можно сейчас укольчик сделать?" Это значит, что медсестра беседует в процедурном кабинете с любимым человеком, вчера - познакомились, а вы, приперлись через весь город со своей поломатой ногой. Кто тут от кого зависит - догадайтесь сами. И откуда наша, ошеломительная такая, ласковость. Раньше столь галантерейное обхождение процветало, как помнится, лишь в парикмахерских. "Височки побрить? Вы на прямой проборчик носите?" Потом этот лакейский жаргон незаметно расплодился, заполнил всю сферу обслуживания и закрепился особо где-что-продать. "Мне, миленькая, кефирчик, пожалуйста. И сметанку, вот в баночку..."

Этот пример, впрочем, из прошлой жизни. Теперь, как понимаете, никакими уменьшительными суффиксами сметанку себе не наколдешь. Пришлось в нашем суровом быте сконцентрировать свое обволакивающее и благотворно воздействующее внимание почти исключительно на имена собственных. Зато уж тут-то мы развернулись! Я за последнюю неделю собственными ушами слышала: "Томусенька Львовночка", "Игоречек Сергейчик", "Наталюшечка Пантелеймоновночка" и даже "Иммануилечек Олеговичик". Даже не знаю, какая же степень униженности должна быть следующей, разве что - лизнуть в сапог. Но чувство зависимости ненасытно. А потому девушку-прикассе при мне обозвали "девуленькой" (ей явно понравилось, есть наше чувство языка; не пропадет), а молодого-человека-при-разгрузке-олифы - "молоденьким человеком" (явный перебор, хорошо хоть не "человечком", но грузчик все равно обиделся, есть чувство языка; обнадеживает).

Но вот что еще примечательно при нашей ласковости. Чем мы нежнее с тем, от кого сейчас конкретно зависим или полагаем,

что зависим, тем мы - как ни странно - грубее со всем остальным человечеством, от которого в данный момент как раз не зависим. Это небось уже фундаментальная наука: закон, вероятно, сохранения душевной энергии. Здесь - прогнулся, дал взятку словом, унижил себя, высокого, но зато уж там - распрямился, отбрил как следует быть, доказал, что тоже не лыком шит, всю расправил свое достоинство и тем, значит, уравнился. Обратная сторона нашей ласковости выглядит агрессивнo-зловеще, обращая нас все более - в стадо.

"Почему же мы до сих пор, - как недурно однажды выразился некий деятель местного масштаба, - не проигнорировали по данному моменту?"

Ей-богу, не знаю.

Нам все, боюсь, кажется, что громкая болтовня о бездуховности в состоянии каким-то чудом заменить тихий, осознанно-сосредоточенный труд приобщения к мировой и отечественной культуре, нам, боюсь, мнится, что припадочные наши ударения и безумные связи вслепую сцепленных слов - только грамматика, не более того, а убогое косноязычие - это язык и есть, нам, боюсь, все еще мстится, что, хоть мы почему-то не способны внятно сформулировать ни одной мысли, - она все равно у нас есть...

Впрочем, выводы - не литератора дело, наше дело - ставить вопрос: точно поставленный вопрос - уже полдела (см. рассказ Р.Шекли "Ответчик").

"Уповаю на лаврах", я все же еще уповаю, хоть не видно ни лавров, ни прочих изящных ростков.

До какого-то времени я делил свою жизнь и жизнь своих друзей на две половины - до войны и после войны. Теперь я, во всяком случае свою, делю на две неравные по количеству лет части - шестьдесят с гаком лет дома и десять лет здесь, во Франции. Да и не только по годам неравные. По чему-то гораздо более существенному...

В прошлом октябре минуло ровно десять лет с того дня, когда поезд Лозанна-Париж въехал под стеклянные своды Лионского вокзала. Среди пассажиров находилась несколько взволнованная пара - я, прильнувший к окну, в десятый раз пересчитывающая чемоданы моя жена и мохнатая собачка Джулька. На перроне нас встречала незнакомая приветливая дама, тут же отвезшая нас в парижский пригород Фонтенэ-о-Роз, к Синявским, где нам была отведена комната. В углу небольшим Монбланом высились уже прибывшие по почте книги из Киева.

Так началась наша парижская жизнь. Сначала у Синявских, потом в уютном домишке крохотного городишки Марлотта, затерявшегося среди королевских лесов Фонтенбло, и, примерно через год, небольшая квартира в самом центре Парижа, на рю Ла Брюер.

Постепенно стали вживаться. Что это значит? Когда через полтора года приехали сюда сын с женой и 9-летним внуком, это были люди из совсем другого мира, за границей никогда не бывавшие и ни слова не знавшие по-французски. Теперь для 17-летнего Вадика французский - это "его" язык, сын Витя зарабатывает переводами с французского, Милка, его жена, преподает в двух версальских лицеях, правда, русский язык.

Ну, а я? Казалось бы, должен бы вращаться, распускаясь пышным цветом, скорее и прекраснее всех остальных, включая жену. Оснований было много - до пяти лет прожил в Париже, первые слова произнес на французском языке, вернувшись в Киев и ухватившись за русский язык, долго еще по-парижски картавил. Забывая постепенно французский - Францию и все французское продолжал обожать. Почему я знаю имена всех французских президентов, начиная с Тьера и Мак-Магона, вплоть до Мильерана, сменившего на этом посту Пуанкаре? Да потому, что броненосцы, дредноуты, крейсера и миноносцы моего флота на даче в Ворзеле (вырванные из забора доски, а на них - из глины бронированные башни, из веточек трубы и пушки) носили имена всех этих, сменявших друг друга Феликсов Форов и Сади Карно. В батальных полотнах своих, на театральных листочках изображал я победоносных французов и бегущих в панике немцев; журнал, который мы издавали со школьными товарищами, назывался "Зуав", а к какому-то из маминых дней рождения ей преподнесен был портрет Наполеона Третьего - почему этого, а не его великого дяди, неясно. Много волнений и сомнений вызывала у меня Крымская кампания прошлого века. Не знал, за кого болеть. Читая "Капитана Сорви-Голова" Луи Буссенара, болел за него, а оказавшись потом на самом Малаховом кургане, гордился Нахимовым, Корниловым, солдатом Кошкой.

И вот, через полстолетия, я оказался в том самом Париже, Париже моих любимых Мопассана, Марке, Утрилло, городе, ставшем

для меня праздником, который всегда со мной и... И вот тут-то я делаю паузу. Надо сосредоточиться.

Больше шестидесяти лет я прожил в России, на Украине, в Советском Союзе. Школа, профшкола, институт, театральная студия, театр. Киев, Владивосток, Киров (бывшая Вятка), Ростов-на-Дону. Оттуда пошел на войну. В 1944-м вернулся с нее раненым, стал инвалидом Отечественной войны. Затем журналистом-газетчиком и, наконец, писателем. Тридцать лет, со Сталинграда, был членом Коммунистической партии. В 1974 году исключили. Без малого тридцать лет состоял в Союзе писателей. Когда исключили - не знаю, официально нигде не было объявлено. Узнали об этом, когда я уже был во Франции, мои друзья от знакомых секретарш. Советского гражданства лишен на пятый год моей эмиграции, в 1979 году. Сообщение об этом агентства Рейтер прочитал в Токио, в японской газете "Джапан Таймс". И, как ни странно, не разрыдался...

Сейчас я - французский гражданин. В паспорте моем, в "Карт насьональ д'идантите", кроме даты, места рождения и роста, 1 м 71 см, написано: "насьоналитэ франсэз" - национальность французская. Вот так-то - на 73-м году жизни стал французом.

Но стал ли я французом? Вот в чем вопрос! Вписался ли, вжился ли, окунулся ли с головой во французскую жизнь, быт, привычки, интересы?

На это отвечу прямо - парижанином стал с первого же дня, французом - нет. Пока, во всяком случае. Меня мало интересует все, что происходит в Бурбонском дворце - французском парламенте. Ни одна из партий мне не близка, даже иногда их путаю, акции французского правительства, и не только при нынешнем Миттеране, но и при Жискаре, в основном, скорее не одобряю (тут я более или менее француз - большинство не одобряет), а вот все, что происходит по ту сторону Берлинской стены, интересует кровно. Может быть, только негибимость польского народа радует, а остальное - судьба Сахарова, Афганистан (пятый год уже, и все кровь, кровь, кровь), и все та же ложь, и фанфары, и треск барабанов, и осточертевшее "Партия и народ - едины" во всех газетах, на всех стенах домов, на устах бесчисленных Марковых, Чаковских и Расулов Гамзатовых - все это бесит меня, в далеком от всего этого, разъединенном своими заботами и инфляцией, прекрасном моем Париже...

Да, телом, влезаящим в автобус, бродящим по выставкам, сидящим в кафе, - я здесь. Душой же, сердцем - там, в московской кухне, среди - увы - редующих

рядов московских, киевских, ленинградских друзей, на симпатичной верандочке моего фронтowego связного Валеги, на далеком Алтае, на станции Бурла...

И все-таки... Недавно показывали по телевидению торжественную церемонию у Триумфальной арки, которая происходит каждый год 11 ноября, в годовщину победы над Германией, в ту, первую мировую войну. А в этом году еще и 70-летие со дня победы на Марне. И вот, когда отгремела "Марсельеза" и президент Республики, возложив венок на могилу Неизвестного солдата, подошел к старенькому парижскому такси, одному из тех, что мобилизованы были в 14-м году для переброски подкреплений на Марну, и вокруг

Виктор Некрасов

этого красенького "Рено" выстроилась пехота в голубых шинелях, красных кепи и шароварах тех лет, - я вспомнил свое детство.

Точно такие же солдаты в голубых шинелях и красных кепи занимались шагистикой возле нашего парка Монсури, где я кормил уток в пруду, а потом, конечно же, мы, дети, бежали к солдатам, и они во время перекура брали нас на колени и кормили конфетами. И, вспоминая эти далекие-далекие дни своего детства, я понял, что где-то я все-таки немного француз...

Ну, а об остальных радостях и горестях минувшего десятилетия - в следующем раз.

Итак, десять лет во Франции. Прекрасной, зажиточной стране. И не просто во Франции, а в Париже, лучшем городе мира, а я городов, разных и тоже прекрасных, за эти десять лет повидал немало. Не так уж и плохо как будто. Работаю, пишу, разъезжаю по всему свету - от Аляски до Новой Зеландии, от Гавайских островов до Восточного Берлина... Читаю что хочу, от Солженицына и Гроссмана до родной "Правды" (ну как не прочесть собственными глазами эти замечательные десять строчек про удовлетворение просьбы некоей Аллилуевой С. И. о восстановлении ее в гражданстве?). Хожу в кино на что хочу. Вот и сегодня собираюсь на американский фильм "Москва в Нью-Йорке", вероятно, антисоветский, а завтра пойду на советский, 25-летней давности, "Летят журавли" с молодыми Баталовым и Самойловой... Могу в течение одной минуты соединиться по телефону с Сингапуром, Таити, островом Святой Елены и спросить: "Ну, как у вас? У нас все дождь, дождь, черт знает что..." А захотелось вдруг лососины или свежей клубники - и через пять минут уже на столе, магазин в нашем же доме... Короче, не жизнь, а сказка.

Для человека, приехавшего из Москвы, я не говорю уже о Ярославле или Рыбинске, виноват, Щерба... т.е. Андропове, - и подавно... Сказка-то сказка, говорю я себе, но есть в ней, как и во всех сказках, и злые волшебники, и ведьмы, и соловьи-разбойники, и змеи-горынычи. А есть и то, чего ни в русских Афанасьева, ни в шотландских или ирландских народных сказаниях нету, - монополии, профсоюзы, умирающие от голода эфиопские детишки - кожа да кости, - вьетнамские беженцы на утлых своих джонках, ну и вся-

ДЕСЯТЬ ЛЕТ



ВО ФРАНЦИИ

кие хомейни, каддафи и прочие террористы.

Что и говорить, с этими последними бедами мы, живущие в Париже, непосредственно не сталкиваемся - мы знаем о них из газет, смотрим по телевидению, - но к другим, к менее страшным явлениям привыкаем с трудом, а то и совсем не привыкаем.

Я знаю людей, которые, проживши достаточное количество лет на Западе, так и не полюбили, так и не выросли в него. Спятившая, на мой взгляд, Светлана Аллилуева, через 17 лет соскучившаяся по своим детям, ничего хорошего на Западе не увидела и двинулась домой. Двоих советских солдат, Игоря Рыкова и Олега Хланя, бежавших к афган-

ко деньги, очереди - только в кино, думать и говорить можешь о чем угодно, и за участие в демонстрациях против решений правительства тебя никто не осудит, если ты не бьешь витрины и не поджигаешь машины. Одним словом, свобода! Но и она, к сожалению, имеет свои издержки.

Я не говорю уже о терроризме, которого в тоталитарных странах практически нет, но демократия устроена так, что Жорж Марше может с трибуны нести любую околесицу и никто ему не заткнет рот, и компартии в буржуазных странах отнюдь не считаются "пятой колонной", которой они фактически являются, а мирно себе существуют, иногда входя даже в правительство. Есть и другие

сегодня... Рассказываю обо всем этом по радио, пробиваясь сквозь глушилки, а многие ли меня услышат?

"А я тебя слышал, - радостно сообщает мне приехавший москвич, - в Переделкине!" А другой в Ялте или где-то в Гаграх. И сразу становится легко на душе... Да, ты запретный плод, а мы знаем, как он сладок... Утешает.

Ну, а француз, твой читатель, или немец? Что ты о нем скажешь? Снисходителен, - скажу я. К величайшему моему изумлению, "В окопах Сталинграда" переиздавалась в Англии три раза, во Франции даже четыре (оказывается, прошедшей войной все еще интересуются), но вот последние вещи, написанные уже здесь, хотя и тепло, как говорится, встречены критикой, но, ей-Богу же, наши русские проблемы, а я из них не вылезая, не так уж волнуют французов, у них и своих полно: бензин дорожает, сын серьгу в ухо воткнул, слава Богу, еще петушиного гребешка на голове, как все хиппи, не носит; 15-летнюю дочку что-то все на кисленькое тянет, не беременна ли уже?..

Ладно... Пора закругляться. Подведем итог. Доволен ли я прожитым десятилетием? На чужбине, оторванный от друзей? Отвечу кратко - да, доволен. Считаю, что партия и правительство за заслуги мои наградили меня Парижем. И за это я им благодарен. А по друзьям тоскую. И очень... Кое-кто из них появляется в Париже. Ну, а те, "невыездные"? Верю, что встречу еще. Где и когда, не знаю. Но верю!

1984

Публикация В.Кондырева



цам и оказавшихся потом в Лондоне, просто охмурили за поллитрой соответствующие товарищи, уговорили, что дома их ждет и снисхождение, и семья, и работа... Вадим Делоне, так рано ушедший от нас в прошлом году, был из другого теста: в Москву не собирался, но жить без нее не мог. В Париже все было ему чуждо - и распорядок жизни, и не задевающие его интересы, да и сами французы, оказавшиеся отнюдь не такими общительными, как мы думали. Но это Вадим, слишком русский, несмотря на своего прапрадеда, коменданта Бастилии, убитого санкюлотами, Вадим, так и не ставший парижанином.

Ну, а я, в Париже проведший свое детство и надеющийся из него отправиться к Престолу Господню? Врос ли, вжился ли в эту, новую для меня жизнь? И если да, то чем я доволен, а чем нет?

С детства нас учили, что капитализм плох, а социализм или сияющий коммунизм недалекого будущего хороши. "Зрелый" или "развитой" социализм я познал сполна, в капитализм только вступаю. Могу на собственном опыте сказать, что в обеих формациях жить можно.

В первой, стиснув зубы, не высываясь, не вступая в дискуссии с начальством, голося за что положено, осуждая что положено, а если хочешь жить - умно воруи.

В другой системе, как нам всю жизнь доказывали, загнивающей, - свои пороки. Магазины, правда, набиты до отказа, были б толь-

беда. И безработица (правда, неплохо оплачиваемая), и инфляция (но меньше от этого почему-то не покупают), и проблема молодежи - кончат парень университет, а устроиться негде (уезжать на остров Реюньон, учить негров, что-то не хочется, далеко...), и наркотики - одним словом, есть о чем задуматься. И Миттерану, и миссис Тэтчер, и Рейгану, несмотря на его триумфальную победу.

Ну, а мне, есть о чем задуматься? Есть. О чем же? Пиши о чем хочешь, - "Континент", или "Грани", или "Время и мы" всегда тебя напечатают. Да и французы и немцы не раз тебя издавали. Все это так. Но пишу-то я на русском языке и для русских людей. А они-то, мои читатели, те, для кого, собственно, и пишу, - далеко, за Берлинской стеной. И читать меня в той стране, в которой прожил всю жизнь, - преступление. Мой старый и любимый друг, недавно побывавший в Париже, хотел повезти домой мою последнюю книжку, - жена скандал устроила и не разрешила.

Дома в свое время я привык к тиражам в сотни тысяч экземпляров, а здесь жалкие какие-нибудь две тысячи (на русском языке), - и тебя уже поздравляют с успехом. Соответственно и гонорары. На них могут жить здесь только писатели ранга Жоржа Сименона или Анри Труайя, отстукивающие на своих машинках по два романа в год.

Вот это-то - для кого ты пишешь, кто тебя читает? - пожалуй, единственная по-настоящему сложная проблема моей жизни здесь,

ВИКТОР НЕКРАСОВ. ИЗ ЗАРУБЕЖЬЯ.

произведения 1974 - 1987-х годов в 4-х томах. Издательство "Всемирное слово". Л., 1991-1992. Объем каждого тома - до 20 печ. листов с фотографиями, иллюстрациями и рисунками автора. Цена одного тома - 12 руб. Издание распространяется по коллективной подписке. Розничная продажа ограничена.

Ленинградское книгоиздательство "Всемирное слово" предлагает читателям издание, которого до сих пор нет в СССР: произведения Виктора Платоновича НЕКРАСОВА (1911 - 1987), опубликованные после 1974 года в Париже, Франкфурте-на-Майне, Лондоне и Нью-Йорке отдельными книгами, а также в зарубежной периодике - журналах "Континент", "Время и мы", газетах "Русская мысль", "Новое русское слово" и др., которые и сейчас остаются практически недоступными для огромного большинства советских читателей.

Имя писателя Виктора НЕКРАСОВА, почти на пятнадцать лет исключенное из литературного обихода, тем не менее не забыто народом. Читатели нескольких поколений хорошо помнят знаменитую повесть "В окопах Сталинграда" (1946) - одну из лучших книг об Отечественной войне, переведенную на десятки языков в разных странах мира.

Талантливейший русский писатель, фронтовик, награжденный многими орденами и раненный на войне, постоянный автор журнала "Новый мир" эпохи А.Твардовского, оказался "неудобным" во времена Хрущева, а затем и Брежнева. Смелая и независимая позиция писателя В.Некрасова, поддержавшего А.Солженицына, А.Сахарова, П.Григоренко и правозащитное движение на Украине, стала причиной неоднократных "проработок" его в партийной и литературной печати, гонений на его книги, домашнего обыска и

Окончание - на стр. 34

Большее всего на свете он любил играть, - как мальчишка, который прогулял школу. Виктору Некрасову было легко делать подарки; мы всегда знали, чем он сейчас увлечен. С каким восторгом он в свои 75 лет расставлял на столе оловянных пехотинцев, разыгрывая сраженья! Он любил их перебирать, раскладывать по коробочкам, раскрашивать, даже иногда отливать; особенно кавалеристов, да еще в мундирах наполеоновских уланов или гренадеров. Из каждой поездки, - не все ли равно, в ближнее парижское предместье или в Гонолулу, на краю света, - он привозил ворох фотопленок; потом старательно и вдохновенно размещал снимки по альбомам, снабжая каждый кадр нежно лирическими, смешными или гневно-сатирическими подписями.

Он был эстетской натурой, ему хотелось всюду достичь красоты, - фотографии он расклеивал с таким вкусом и тщанием, с какими умелый музейный хранитель создает новую экспозицию. Да и адрес на любом конверте надписывал с достойной талантливой архитектора (каковым никогда не переставал быть) конструктивной изобретательностью.

Ни в чем, что он делал, не было места небрежному случаю. Безразличных мелочей не существовало. За общим столом в его тесной и темноватой подпарижской квартирке шла речь о делах, от которых он не мог оторваться: московских и киевских; по российской интеллигентской привычке мы часами решали судьбы планеты и спорили о путях перехода от гласности к свободе слова и печати. Однако он тут же, оборвав дискуссию, мог с энтузиазмом демонстрировать цветной ситчик или пеструю, с разводами, бумагу, - он привез их из Венеции для переплетения книг, которые особенно любил, иногда щедро дарил их моей дочке Кате, профессиональной переплетчице ("переплетной птице"), с которой соревновался, серьезно и даже порой шуточно-сердито отбивая у нее пальму первенства в ее ремесле, высоко им ценимом за художественность и игровые возможности.

Однажды вошел он к нам, прихрамывая (он ходил в последние годы быстро, но с некоторым трудом), и провозгласил, гордо вынимая из сумки тарелку: "Вот я вам достал какую драгоценность!" Тарелка была расписная, явно относилась к "бель-эпок" - поре французского "мир-искусства" накануне первой мировой, - мы присмотрелись, была отчетливо видна подпись: "Соня Делонэ". Да и не могло быть сомнений в авторстве - конечно, это ее, Сони Делонэ, стиль. Некрасов, как говорили в повестях "неистового романтизма", сатанински захохотал: "Это я вчера вечером..." В другой раз он подарил нам оригинал его, Виктора Некрасова, портрета, исполненного (и подписанного) самим Юрием Анненковым. Сомнений не рождалось никаких: графика Анненкова узнаваема сразу, - портрет Некрасова оказывался в одном ряду с изображениями Ремизова и Замятина, - а ведь это тоже была некрасовская подделка, розыгрыш, мистификация.

Он со страстью и восторгом обманывал не только нас, друзей-соотечественников, собратов по изгнанию, но и западноевропейских чиновников. Как-то мы получили от него письмо (он уезжал на юг Франции - "пи-

сать нетленки"), - ну, что же, письмо как письмо, мы вскрыли его, прочли, посмеялись, а потом, случайно взглянув на конверт, увидели между двух французских казенных марок с традиционной Марианной - аллегорией Республики (моделью для нее, кстати, послужила Брижит Бардо, - это всегда смешило Некрасова) - марку с ухмыляющейся физиономией В.П.Некрасова. Он не поленился изготовить таковую, снабдить надписью "POSTE" и зубчиками и уменьшить до нужных размеров. Почтовики эту подделку, ничтоже сумняшеся, прихлопнули печатью. Эта игра-мистификация вошла у него в обычай; время от времени приходили от него письма с марками его изготовления: то шарж

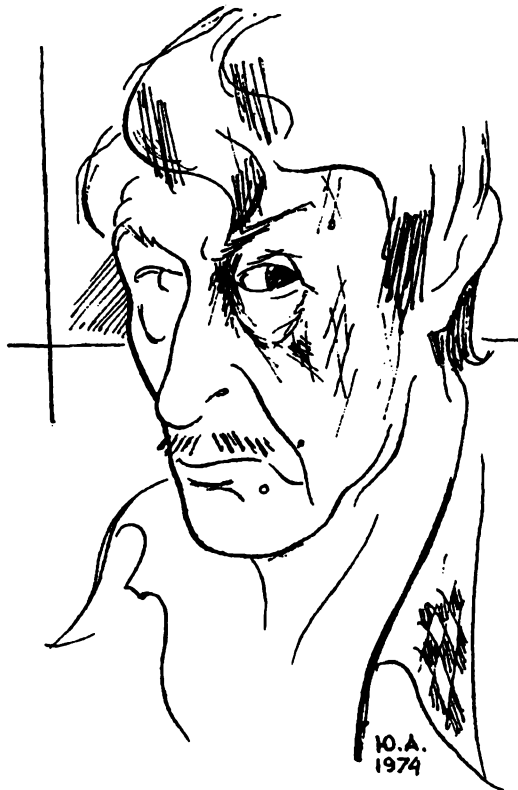
Ефим Эткинд тором которой был почти всегда Игорь Грабарь. Книга, взятая Некрасовым, была в суперобложке, от которой оставались одни ключья: не удивительно, что за 75 лет бумага истрепалась. Некрасов принес с иглопочки нового "Врубеля"; купил он, что ли? Суперобложка представляла собой бесчисленные ромбики, - внутри каждого сидела цветная птичка. Вот это и был его подарок: он нарисовал суперобложку заново, неузнаваемо ее подделав. "Виктор Платонович, - спросила жена, - выходит, вы с того раза только этим и занимались? Да я бы за целый день с такой птичкой не совладала, а их тут десятки..." Он

посидел недолго, побалагурил и вскоре, хромя, ушел. То был последний подарок Екатерине Федоровне, - вскоре после того дня рождения 1985 года она слегла, через полгода ее не ста-

ло. А еще год спустя умер В.П.Некрасов.

Вспоминая, как он играл, надувал, разыгрывал, мистифицировал, как он радовался, когда ему делали мальчишеские подарки, и еще больше - когда преподносил подарки сам, я всегда думаю: не это ли - признак подлинной высокой интеллигентности? Мне кажется, что главная черта интеллигентности - бескорыстие, способность к бескорыстной духовной деятельности. Некрасов ни на миг не уходил от своих обязанностей, писательских и гражданских, ради исполнения которых он и жил на свете, - писал очерки, повести, статьи, радиопередачи, посвященные умершим друзьям (преданность была для него синонимом чести, а честь - высшей доблестью мужчины), России и Украине - двум славянским странам, которые - вместе - были его отечеством, воспоминания о войне и фронтовых товарищах. Все это он делал неумоимо, постоянно ездил на радио выступать (приговаривая: "еду клеветать"), постоянно читал чьи-то рукописи или книги из Москвы (как был счастлив, читая Кондратьева, и как взбешен, когда попадался очередной Бондарев...), встречался за кружкой пива с писателями или актерами, приезжавшими из Советского Союза и непременно, пусть с опасностью для жизни, стремившимися поглядеть "отщепенца" Виктора Некрасова. Все это он делал серьезно и легко одновременно, сознавая свою ответственность и в то же время играя. Он был знаменит уже до эмиграции ("В окопах Сталинграда" перевели на тридцать языков), а уж после 1974 года - и говорить нечего, однако слава не испортила его нрава; он оставался верен живым и мертвым своим друзьям, а главное, самому себе. Ни разу он не изменил тому, что ценил превыше всего в других: естественной простоте обращения, легкой открытости - без тени вульгарного амикошества (он ценил это смешное, французского происхождения слово), благородно-артистическому аристократизму духа.

"HOMO LUDENS"



на Солженицына, то на Галича, то портрет Чехова, то какой-то замысловатый герб, на котором сильная лупа позволяла прочесть любимый девиз озорного автора "В окопах Сталинграда": "Мы та-та-та все на свете, кроме шила и гвоздя". Слово "гвоздя" было, увы, забито почтовой печатью, - но как приятно было сознавать, что французская почта приняла некрасовскую марку с русским сквернословием - за настоящую!

Он пришел как-то поздравить с днем рождения мою жену (которая нередко вытаскивала его в музей - без нее он ленился) и, вынимая из мешка шикарно завернутый и украшенный ленточками пакет, триумфально провозгласил: "Вот вам подарок, Катя-Федоровна!" (он всегда ее так называл - почти-тальная фамильярность была в его характере). Она развернула и, посмотрев на Некрасова с изумлением, - "Где вы достали?" - спросила, в самом деле ничего не понимая. За десять-двенадцать дней до того Виктор Платонович взял у нее старую, унаследованную от родителей книгу-альбом "Врубель", один из томов большой серии, ав-

Посылая нам в Ленинград альбомы французских фотохудожников Анри Картье-Брессона и Роберта Дуано, Виктор Платонович в сопроводительном письме от 7 сентября 1986 года рекомендовал их как двух лучших "схватывателей жизни" - и добавил: "...область, которая мне в моих фотоупражнениях не дается. Стесняюсь. Для "схватывателя" это главный недостаток".

Тем не менее к самому Некрасову с полным основанием можно отнести звание лучшего "схватывателя" правды. Так его и характеризовали, когда в 1946 году вышел в свет роман "В окопах Сталинграда". Во всяком случае, автор стремился к этому идеалу - говорить правду или хотя бы не говорить неправды о чем бы то ни было, - и прежде всего о войне, участником которой он был с первого ее дня. В опубликованном позднее послесловии к этому роману автор сам пишет об этом так: "О правде. Вся ли она? В основном, вся. На девяносто девять процентов. Кое о чем умолчал - один процент".

Но дело не в процентах, дело в характере этой правды: правды о человеке, правды, увиденной взглядом наблюдательного человека, схваченной верным художническим глазом.

Глаз художника очень ощущим в прозе писателя - в портретных ли зарисовках, всегда выразительных, индивидуальных, запоминающихся, или пейзажах - таких, какие только и может написать художник-колорист, художник-график. О ком и о чем ни писал бы Некрасов, - это особенно очевидно в письмах, - перед ним прежде всего выстраивается зрительный ряд - ассоциативное соотношение своих настроений и состояний с творчеством того или иного художника. Пишет о развлекшей его книге Дугала Диксона "Животные будущего" - видит перед собой фантазии Иеронима Босха. В мечтательную минуту возникло воспоминание о немецких художниках-романтиках: "Есть у них такой Каспар Давид Фридрих - таинственные развалины, полумесяцы, всякие заброшенные кладбища... Выяснилось, что люблю такое даже больше, чем какую-нибудь "Ернику" [Пикассо], хотя у этого озорного художника много замечательного, особенно в скульптуре и керамике" (письмо от 18 января 1982 г.).

В другом письме, когда думалось о доме, возник ряд образов в связи с выставкой "Шедевры советских музеев" в Париже: "Новое я что-то совсем не запомнил, а вот встрече с "Незнакомкой" Крамского, и Репиными, и Врубелями, и даже Шишкиными - очень обрадовался. После Левитана "После дождя" жутко потянуло на Волгу. А о "Вечернем звоне" уже не говорю. Ностальгирую... Здесь этого нет, здесь другое, и при всей своей красоте, как выяснилось, чужеватое. Вот так-то..." (3 июня 1984 г.).

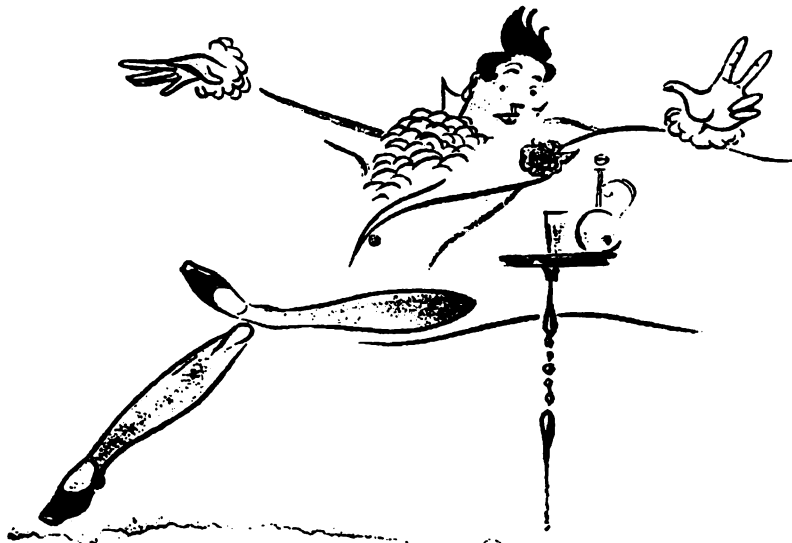
Как-то, сидя в кафе с хорошей книжкой в руках, потягивая пиво и любуясь красивой молодежью, думал не о французских импрес-

сионистах ("консерватор, консерватор... дальше Сезанна, Матисса, Пикассо не иду..."), а на русский лад: "...Все в прошлом. Почти Поленов..." (7 декабря 1986 г.)

А вот о популярном в Америке художнике Нормане Рокуэле: "Он, конечно, малость Лактионов, но с юмором и почти фотографически точно копирует повседневность. Я его люблю". (15 мая 1986 г.)

Даже эти немногие примеры художнических восприятий действительности писателем дают возможность оценить всю важность для него понятия "схватывания жизни" в образительном искусстве. Все дело действительно в правдивости, в абсолютной правдивости, но не фотографического лишь отраже-

„В РИТМЕ ДУШИ...“



ния жизни, а наиболее полного его соответствия состоянию души художника. Однажды (в письме от 28 июля 1986 г.) Виктор Платонович поделился тем, что у него "пока не получается" с чтением прозы Ф.Абрамова: "...Без тени улыбки и вообще не в ритме души... А знаешь, что оказалось в ритме?" И далее идет описание увиденного по телевизору (обычно ненавистному телевизору) церемониала свадьбы второго сына английской королевы: "...смотрел бы и смотрел эту дивную сказку с каретами, ландо, шлейфами, пажам и прочими форейторами на запятках. И ликующие толпы, всю ночь проведенные на тротуарах в каких-то шалашиках, на раскладушках.

В тот же вечер смотрел диснеевскую "Золушку". Трогательнейшее, изящнейшее очарование. И сравнивал эти две свадьбы (не знаю, какая из них сказочнее)".

О Диснее - почти во всех последующих письмах: "Лучше его "Фантазии", по-моему, ничего не было и не будет..." (20 октября 1986 г.) О Диснее - 3 ноября 1986 года: "Позавчера ходил на "Бэмби". Боже мой, какая прелесть, изящество, вкус, трогательность и... не представляю себе, как все это можно нарисовать. Люблю его больше всех!" И в то же время об Алексее Германе: "Мой друг Лапшин" - хорошо, но не мое". И опять, приоткрывая мир души, - о своем недавнем любимце Корбюзье (скульпторе): "Хорошо, хо-

Нина Аль Тамара Голованова

тя и не мое - на старости лет вернулся к Антокольскому".

Итак, изящество, фантазия, юмор, доброта... Очень важное качество - веселость. Виктор Платонович не упускал случая рассказать о веселом, пошутить. "Посмейтесь, улыбнитесь..." - так кончаются многие его письма, в которых он посылал забавные вырезки из журналов или свои рисунки. На свадьбу своих молодых знакомых прислал телеграмму: "Главное живите весело". В то са-

мое время, когда писались письма о Диснее, т.е. в середине 80-х годов, Некрасов был увлечен идеей собрать из своего собственного "наследия" то, что ему было наиболее дорого и интересно. Относясь к этому слегка иронично, с юмором, и не переоценивая своих, как ему казалось, скромных возможностей, - "великого художника из меня не получилось", - Некрасов все же взялся за дело с энтузиазмом. В сентябре 1986 года он прислал нам в Ленинград десятка полтора фотоснимков с некоторыми своими работ и при этом сообщил: "Сделал я такой мини-музейчик из своих старых вещей, в основном еще довоенных. Разделил, без разбора, на две части и посылаю каждой из вас в отдельности.

Среди твоих (обращение к Т.Г.) - только одна послевоенная - вид из нашего окна (в Киеве) на ул. Горького, 38. Почему-то на редкость "реалистичский". Голубой человек - это Альмавива из "Женитьбы Фигаро", а остальные - так, фантазии, какие-то манерные Саломеи, Демоны и только на двойной картинке - снова один из киевских переулков, который вел на Ирининскую. Была твоя лестница (одно из любимых моих мест в Киеве. - Т.Г.), потом ее модернизировали и испортили. И двор с сухим деревом тоже настоящий, где-то на быв. Столыпинской, потом ставшей, кажется, Гершуни..."

И во втором письме, обращенном к Н.А.: "Тщеславие меня душит. Не поленился и заставил ... сделать эти "исторические" репродукции. Все довоенные. Дат почему-то нет, кроме как на идеализированном красавце.

Любил рисовать мальчик, что поделилась... И все что-то нащупывал, кому-то подражал. По-моему, только Раскольников неплох, что-то есть и в Гамлете, и в рекламе какого-то никогда не существовавшего фоксника Leo".

Мы не удивились этому письму. Мы знали о серьезном увлечении Некрасова образительным искусством еще с детства, с того времени, когда он начинал и писать.

Это была семейная одаренность. Талантливым художником был и рано погибший брат Виктора Платоновича Николай. На стенах довоенной квартиры Некрасовых в Киеве были развешаны некоторые любимые работы - в окантовках. В папках хранилось множест-

во рисунков. Мальчик действительно любил рисовать... А как это начиналось, он рассказывает сам в статье "Светлое, безмятежное..." (16 июля 1987г.):

"Еще в школе мы с друзьями - было это в 1923 году, а нам по двенадцать лет, издавали - нет, не газету, а журнал. Назывался он почему-то "Зуав", потом, очевидно из патристических побуждений, переименован в "Маяк", и вышло, если не ошибаюсь, пять номеров. Один из них, спаренный № 2-3, хранится у меня в Париже, другие у моего, живущего сейчас в Ленинграде, сверстника по имени Шура ...

На обложке моего спаренного номера изображен французский бородатый зуав, в феске и красных шароварах, над ним два пересекающихся знамени - красное и трехцветное французское (общество "Дружбы", что ли?), шпага и винтовка. Под заголовком написано - "Еженедельный журнал; 5 апреля 1923 года".

Очень активным периодом художественных занятий Некрасова были студенческие годы. Учась в Строительном институте, на архитектурном отделении, он занимался изобразительным искусством и профессионально, но наибольший след оставило время, когда к архитектурной сфере добавилась сфера театральная: с 1933 года Виктор Платонович стал посещать занятия в студии Ивана Платоновича Чужого (Кожича). В воспоминаниях о нем автор упоминает о своем портрете-шарже любимого учителя (Виктор Некрасов. В жизни и в письмах. М., 1971, с. 115).

Очевидно, к тому же времени относится замечательное графическое изображение Хлестакова. В воспоминаниях есть такой эпизод: "Первый год мы играли "этюды" и ставили отрывки из Чехова. На втором курсе мне дьявольски повезло - дали Хлестакова, второй акт "Ревизора". Потом уже Иван Платонович рассказывал мне, почему он отважился дать мне эту роль, мечту моей жизни". Далее следует рассказ, как на практике в Севастополе голодные студенты - Некрасов и его приятель - с утра до вечера мечтали о сытном обеде, - год был нелегкий, тридцать четвертый. И вот у родителей друга они эту мечту осуществили полностью: съели и выпили все, что было на столе, и еще по карманам растыкали. Когда вернулись в Киев и начались занятия в студии, Иван Платонович предложил изобразить наиболее запомнившийся, наиболее интересный эпизод из проведенного лета. "Я изобразил самого себя за столом у родителей моего друга", - пишет Некрасов.

"Вы ели, дорогой мой Вика, - сказал мне Иван Платонович, - с таким аппетитом, так вкусно, с такой самозабвенностью, с такой отдачей всего себя (...) что я сразу понял: речь может идти только о Гаргантюа или Хлестакове. Я выбрал Хлестакова".

Комедийная сценка из "Ревизора", запечатленная пером художника, сохранилась. Она изображает Хлестакова за круглым столиком с графином вина. Герой, широко раскинув руки, показывает на что-то очень большое, возможно, описывает привидевшуюся кастрюлю супа или желанный арбуз. Изображение условно, пародийно, остро - и очень талантливо. Авторские указания позволяют точно датировать картинку: 1934 год.

В те же студийные годы, когда готовился экзаменационный спектакль "Преступление и наказание", появились иллюстрации к Достоевскому, в частности, упоминавшийся уже рисунок, запечатлевший Раскольникова.

Весьма похожи по жанру и стилю еще три сохранившихся у нас картинки. Сюжеты их таковы: полет на ядре барона Мюнхгаузена, эпизод из сказки "Синяя борода", сценка из комедии Шекспира "Двенадцатая ночь". Четвертая - тоже стилизованный, шаржированный автопортрет (под гравюру по дереву, тонировано сепией). Перед нами предстает якобы скульптурная голова молодого человека с пышной шевелюрой и артистичным, му-



жественным лицом. Картинки на черном фоне с контрастным светлым паспарту умело окантованы - оформление их говорит о том, что они предназначались, во всяком случае, для домашнего музея.

В последующие, предвоенные годы Некрасов много ездил по стране, работая в передвижном театре. На гастролях он исполнял не только актерские обязанности, играя ведущие роли, но и обязанности театрального художника, декоратора. Вот откуда идут истоки такой выраженной театральности, игрового начала в замысле и исполнении многих его работ. Не случайно находили сходство между некоторыми рисунками Некрасова и творчеством известного театрального художника Николая Павловича Акимова, режиссера Театра комедии в Ленинграде. Сам Некрасов отрицал какую-либо преемственную связь с Акимовым. В одном из ноябрьских писем 1986 года он писал: "Рад, что доставил вам удовольствие своими рисунками. Хотя сам я к ним отношусь куда более критично. Все эти Саломеи и Демоны далеко не ах-ах!"

А Акимова, между прочим, я тогда совсем не знал. Так что..."

По его же признанию, скорее он где-то узнает себя прошлого в творчестве Эрте, модного в свое время петербургского, а потом парижского художника, которому в 1987 году исполнилось 90 лет.

Свою склонность к игровому началу в искусстве Виктор Платонович очень своеобразно трактует в одном из писем, к которому были приложены вырезки из журнала "Le Figaro-Magazin". Читателям его к Рождественским праздникам была предложена игра "Живые картины". Она заключалась в том, что участники игры по образцу некоторых

художественных полотен (например, "Рождество" Жоржа Делатура, "Вечернее бдение святого Николая" Яна Стена, "Молитва" Жардена) должны были воспроизвести сюжет, мизансцены, обстановку, костюмы и даже внешние черты действующих лиц (подбором натур или при помощи грима). Одно из предостережений инициаторов этой игры - "не впасть в анекдот". Но именно шутивное использование известного сюжета заинтересовало Некрасова. В письме от 8 декабря 1985 года он пишет: "Дорогая Тамара! Посылаю тебе эти довольно забавные "Живые картинки". Можно было, конечно, и более точно, но все же... (Речь идет уже о воспроизведенных картинах.) Тут же себе представил "Боярню Морозову", или "Не ждали" (кстати, с детства очень люблю), или "Незнакомку" (как долго надо было бы искать...). Эти, не имеющие в общем-то отношения к искусству, упражнения мне почему-то очень нравятся. Отсюда, вероятно, и мое (увы, на какое-то время прошедшее) увлечение "хохмами" с Модильяни, Матиссами и Рембрандтами..."

"Хохмы" с Модильяни, Матиссом и Рембрандтом - это, по определению самого автора, - "тарелочный" период его пародийного творчества. В 1981 году в письме к Нине Александровне он сообщает: "Главное мое развлечение сейчас - это "расписывание" тарелок. В самом что ни на есть абстракционизме. Наслаждаюсь, как дитя. Но горе в том, что вешать и ставить уже негде. Добрался уже до прихожей и кухни. Второе хобби - работа "под", пародии Модильяни, Пикассо, Матисс. Даже Рембрандт!!!" Игра заключалась и в том, что в композиции названных художников автор подставлял современные фигурки и лица, как, например, он включил себя в хордов матиссовского "Танца" или в композицию "Авиньонских девиц" Пикассо.

А через 2-3 года началось новое - и тоже игровое - увлечение: "марочный" период. Когда-то, еще в детстве, мальчик рисовал марки. В 1926 году послал свою марку на конкурс в Москву - и она была, к его великой гордости, напечатана в одном из журналов. В середине 80-х годов в Париже он вернулся к маркам - уже ради шутки. Началось с того, что Некрасов приклеил к конверту свой маленький фотопортрет, вырезав зубчиками края. И письмо дошло! Затем в виде марок он стал приклеивать свои рисунки - юбилейный портрет-шарж любимого с юности Чехова (1860-1985), портрет друга писателя Г. Шпаликова, свои шаржированные автопортреты. Получилась целая филателистическая пародийная коллекция, очень веселая и изящная.

О портретах и автопортретах Некрасова - особый разговор. В этом русле его художественных увлечений есть свои характерные черты, законченность замысла.

Кроме того слегка шаржированного автопортрета "под дерево", о котором уже говорилось выше, сохранилась еще работа 1940 года. Здесь тоже подчеркнуты красивые черты лица - большие глаза с открытым задумчивым взглядом - романтически настроенный юноша...

После войны Некрасов вновь обращается к автопортрету, но это уже шаржи, - например, коллаж с приклеенной бурной челкой - веселый молодой человек, счастливый тем, что окончилась война, фашизм ниспровергнут, кажется, все впереди...

В Париже, в эмиграции, в начале 1980-х годов художник, многое пережив, возвраща-

ется к своему образу. Как далек он от первоначального освещения! Не только потому, что стилистически портрет сделан в манере Ю. Анненкова. Мастерство возросло, линия стала увереннее и тверже, разработана строгая система штрихов и точек. Но, кроме того, изменился подход к портрету - появился психологизм. Веселость исчезла, уступив место усталости, настороженности, скептицизму. По настроению, более детализированной манере исполнения этот портрет выпадает из ряда других графических работ Некрасова.

Если говорить о портрете вообще, то для писателя-художника характерно, что он рисовал людей, которых любил, с которыми был дружен, - и поэтому на первый план вы-

тора, он таков, "каким мы привыкли его видеть в Москве, на дому, у кого-нибудь из друзей, несколько пополевшим, но, как всегда, красивым, немножко даже слишком, в белом свитере под всегда модным пиджаком..."

Рядом обращает на себя внимание "бурбонский" профиль, как говорил Некрасов, его друга - Игоря Александровича Саца - критика, постоянного сотрудника "Нового мира". Здесь же и портрет превосходного киевского фотографа Михаила Григорьевича Болотова.

Некрасов работает в свободнотриховой манере, обыгрывая ту или иную комическую деталь, подмечает смешную черту в облике человека, доводит ее до гротеска.

С подобными портретами-шаржами мы встречаемся и в иллюстрациях автора к книге "Первое знакомство" (М., 1960). Люди, с которыми он встречался при первом посещении Италии, которые остались в памяти, чей облик схвачен метким взглядом и запечатлен быстрым пером. Персонажей его книги, по словам Некрасова, "...объединяло одно качество, вернее три: радушие, приветливость и доброжелательность - качества, присущие, как я потом увидел, большинству встречавшихся мне итальянцев" (Первое знакомство. М., 1960, с. 65). Сказанное как нельзя лучше проявилось в портретах-шаржах писателя Карла Леви, и римского шофера Марчелло, и неаполитанского художника Паоло Риччи, как и во многих других портретных зарисовках.

Некрасов вроде бы никогда серьезно и не относился к своим художническим работам, - рисовал для себя, для друзей, делая это с удовольствием и немного стеснясь своего увлечения. Но книга "Первое знакомство" с его иллюстрациями была по-настоящему профессиональной и высокохудожественной работой. В книге много архитектурных и пейзажных зарисовок тушью, почти всегда с человеком, с деталями быта. Некоторые выполнены с присущим автору юмором (например, характерный для итальянцев разговорный жест руки, костюм с лучающимися от блеска ботинками, роза в водочной бутылке). Есть и лирические пейзажи - берега Сены, любимые уголки Парижа, Рима, Флоренции, Венеции.

Интересно отметить, что в рисунках на полях книги как-то преломились и совместились все увлечения, все стили, через которые прошел за свою жизнь Некрасов. Так, рассматривая быструю зарисовку электропоезда, иллюстрирующую стремительность передвижения автора по Италии, невольно вспоминаешь одно его высказывание в очерке "Кандинский" (1981): "Несколько слов о некоем странном явлении. С возрастом я стал консерватором - к абстракционизму отношусь сдержанно. Но забавная деталь. В возрасте 20 лет я пытался делать аккуратные рисуночки а-ля Вас. Блаженный (у меня - храм Христа Спасителя), а повзрослев, став студентом, увлекся абстрактными композициями в стиле Кандинского - какие-то стремительные линии на черном фоне..." Зарисовка электрички в нескольких линиях - это

сразу и "аккуратенький" рисунок, и вполне реалистическая картинка, и абстрактное изображение стремительного движения.

Стиль и характер зарисовок соответствует повествованию: он так же легок и передает пристрастие автора не только к знаменитостям, не только к прославленным архитектурным сооружениям, но и к маленьким узким улицам, обыденным сценам жизни итальянских городов и Парижа. Как тут не вспомнить преклонения автора перед художниками - "схватывателями" жизни!

Сопровождающие книгу авторские фотографии по сюжету переключаются с рисунками. В одних Некрасова привлекает графически четкий силуэт, в других - жизнь улиц,

любимые, знакомые прежде только по книгам здания.

И рисунки, и фотографии объединяет поэтичность видения, свойственная писателю и художнику, и любовь к тому, кого и что он рисует и снимает.

Вероятно, стоит еще ска-

зать о том, что, преклоняясь перед художниками "Мира искусства", Некрасов неоднократно указывал на ту высоту, которой они достигли в книжной графике, в книгоиздательской культуре вообще. Эта культура несомненно служила для Некрасова образцом и идеалом в пору его работы над "Первым знакомством". В одном из писем (от 1 июля 1984 г.) он так об этом пишет: "Люблю пейзаж И. Левитана, может быть, больше всех. Но, уважая всех Пикассо и С. Дали, больше всего люблю "Мир искусства"!"

Для меня Добужинский, Бенуа, Остроумова-Лебедева - самые любимые, и может быть, потому, что это ваш Питер. Его канал, с дождем, висит у меня на полке, и, когда я просыпаюсь, вижу его..." Из французских пейзажистов, пожалуй, только Марке стоит для Некрасова рядом с "мирискусниками".

Из сохранившихся пейзажей самого Некрасова, кроме тех, что вошли в книгу "Первое знакомство", можно назвать рисунок пером - вид Праги с птичьего полета (1945), акварель "Киевские крыши", вид из окна (около 1940 г.). Их отличительная черта - непривычная для автора серьезность настроения, внутренний лиризм, которым он редко давал прорываться в своих работах, а в чужих - весьма высоко ценил.

Трудно подсчитать, сколько вообще художественных работ Некрасова сохранилось. Оккупация Киева, сгоревшая квартира, в которой жила семья до войны, переезд стариков на новую сделали свое дело - многое из довоенных пожитков не уцелело. Но все же усилиями родных - мамы и тети, - с огромным трудом перетаскавших вещи из обреченной квартиры, кое-что удалось спасти. Сохранившаяся часть довоенных и более поздних работ Некрасова, за исключением тех, которые были подарены друзьям - ленинградским, московским, киевским, парижским и, вероятно, еще каким-нибудь, хранятся ныне во Франции, в квартире, где проживает вдова писателя, в Ванве.



ступают доброта, веселость. У него нет злых портретов и шаржей.

В одной из статей, оценивая творчество художника Г. Верейского, Некрасов оттеняет его умение заглянуть внутрь предмета: "То же и в портретах - не внешность, а суть, не ловко схваченный момент, освещение, ракурс, а глубокое знание того, кого он рисует, нескрываемая любовь к нему... Может быть, лучший из всех (портретов) - собственной матери. Лучший по особому, невероятному лаконизму, да и, вероятно, потому что любил ее больше всех" (20 августа 1986 г.). Эти слова полностью можно отнести к самому Некрасову. Он любил больше всех мать. Естественно, что она и предстала перед нами на рисунке во всем своем обаянии, в неизменном "чеховском" пенсне, с широкой доброй улыбкой.

Некрасов стремился окружать себя близкими по духу и интересными людьми. Стены его парижской квартиры, книжные полки заполнены фотографиями и рисунками собственной работы. Среди последних - профиль Александра Галича. Изображение легко узнаваемо и дружелюбно. По словам самого ав-

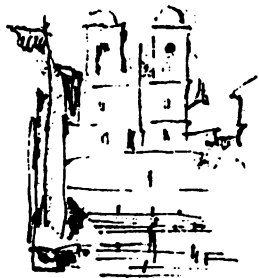


О чем говорят сохранившиеся работы?

Прежде всего, о большой динамике его вкусов - об этом уже говорилось. О динамике мастерства и о заметном переломе эмоционального состояния художника к середине 80-х годов: вместе с углублением психологизма усилились тревога, грусть. В последние годы жизни художник перестал рисовать (литературным трудом он занимался до самых последних дней).

С великой горечью он пишет 7 декабря 1986 года в связи с отзывом о режиссере Параджанове: "...он к тому же и отличный художник. Я же что-то совсем перестал рисовать. Деградирую..."

Интерес к архитектуре и скульптуре при-



Виктор Некрасов
Первое
знакомство

обретает в это время резко выраженные ностальгические черты - и в письма впервые врывается кладбищенская тема. В феврале 1987 года он пишет (обращаясь к Т.Г.): "Как ты думаешь, где я вчера был? Аж на двух кладбищах... Одно - это наше, русское, в Сен-Женевьев-де-Буа, куда возил одну москвичку, а другое - некрополь вашей Александровской Лавры."

На первом - оно одно из самых уютных, зеленых и ухоженных во Франции, с маленькой часовней Бенуа, - возложены были цветы на могилы Саши Г [алича] и Андрея Тарковского. Не знаю, почему и как, но похоронен он в чужой могиле. Табличка с его именем прикреплена к каменному кресту некоего Григорьева. Странно. Тем более, что в газете дано сообщение о сборе средств на памятник Андрею. Как это будет сочетаться, не совсем ясно..."

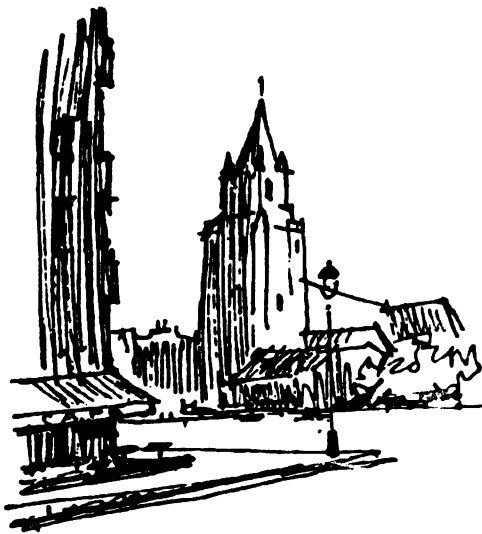
Подумать только, через какие-то полгода, 10 сентября 1987 года, ситуация повторится, и Некрасов будет захоронен на "самом уютном" кладбище... в чужую могилу.

А что касается второго "сюжета", упомянутого в письме, то и в нем содержится "добру молодцу урок": "...по вашей Лавре я бродил, купив очень хорошую книгу, составленную А.Кудрявцевой и Г.Шкода и изданную издвом "Художник РСФСР" (Л., 1986).

Мартосы, Шубины, Щедины, Т. де Томоны, Воронины. И много неизвестных мастеров, но мало в чем уступающих. Когда-то я там шагал живьем и помню хорошо плиту на могиле Суворова: "Здесь лежит Суворов". И все! Лучше не скажешь. И никаких рыдающих воинов в латах и угасающих факелов. А теперь вдруг над плитой, вернее, за ней, ба-

нальнейший бюст. Авторы даже постыдились сообщить фамилию скульптора. Под фотографией подпись: "Надгробие начала XIX в. Завершено в 1978 г.". Над плитой висят знамена. Есть и современные надгробия - Черкасова, Мичуриной-Самойловой, Юрьева, Корчагиной-Александровской. Из более ранних - Чайковский, Бородин, Мусоргский, Серов, Комиссаржевская. Не лучше. Все в каком-то русско-ропетовском сопровождении. А вот Даргомыжский (1961) с мальчиком со свирелью и без портрета мне даже понравился. Вот такие-то я совершаю прогулки..."

Можно предположить, что, думая о смертной доле других, художник задумывался и о своей. Во всяком случае, еще в 1984



году он кое о чем сказал прямо... 12 сентября 1984 г., в день 10-летия со времени отъезда, вернее, отлета в эмиграцию ("Борисполь. Слезы. Объятия..."), - он, настроившись на грустный лад, сообщил о следующем: "В ответ на присланного Добужинского посылаю своего (речь идет о репродукции заставки Добужинского ко второй главе романа Пушкина "Евгений Онегин"). Вот где я хотел бы, чтоб прибита была мемориальная доска (тщеславие, увь!): "В этом доме жил и творил такой-то..." И через несколько дней (29 сентября) - в связи с той же репродукцией: "Единственное, чего мне здесь не хватает, так это... помещичьего дома: хочу сидеть - вокруг ампирные колонны, а предо мною луг, вьющаяся ужом речушка, вдали дали, церквушка, закат, вечерний звон..."

Таков в замысле последний лирический пейзаж художника - человека по натуре жизнерадостного.

И в действительности мемориальная доска появилась. Она установлена на стене киевского дома на Крещатике, где жил и работал Некрасов. Но, к сожалению, символика этой мемориальной доски (писатель как бы распят на кресте) - совсем не в том ритме души художника, о котором он писал. Это - "не его...": он был далек от культа страдания.

Нина Александровна Аль и Тамара Павловна Голованова, проживающие ныне в Ленинграде, а до этого - в Киеве, были связаны многолетней дружбой с замечательным русским писателем Виктором Платоновичем Некрасовым. С сентября 1974 года, когда он был вынужден эмигрировать за границу, началась их переписка, не прерывавшаяся до его кончины 3 сентября 1987 года.

■ ■ ■ Окончание

других унижений, на которые обрекает художника тоталитарное общество.

В сентябре 1974 года, после исключения из Союза писателей, Виктор Некрасов выехал из СССР и поселился во Франции, в Париже. Еще через пять лет по правительственному указу он был незаконно лишен советского гражданства. Глубоко переживший и свою собственную драму - разлуку с родиной, с друзьями, с любимым Киевом, и несправедные гонения против лучших людей России, вытолкнутых в эмиграцию на протяжении 1970-1980-х годов, В.Некрасов со свойственной ему откровенностью проанализировал в своих книгах застойную политическую и культурную ситуацию, губительную для страны. Это направление мысли определяет во многом содержание первых автобиографических книг В.Некрасова, написанных и опубликованных на Западе - "Записки зеваки", "Взгляд и нечто", "По обе стороны стены". Его критика моральных устоев казарменного социализма, всевластия партократии, лицемерия и ханжества, уродующих сознание людей, - это знаменательный документ современной русской литературы, освобождающейся от состояния внутренней скованности и несвободы.

В.Некрасов любил повторять, что свобода передвижения и свобода мысли связаны между собой. Страстный путешественник, он блестяще описал свои многочисленные поездки по Европе, в Америку, в Австралию и Новую Зеландию, в Юго-Восточную Азию и Японию. Другой постоянный сюжет В.Некрасова - это его собственная жизнь, собственная биография человека современной эпохи, пережившего великие потрясения XX века и рассказавшего о них со всей нелицеприятностью совестливого и чуткого художника.

В собранных вместе произведениях, которые теперь мы сможем прочесть ("Из дальних странствий возвратись...", "Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы...", "Маленькая печальная повесть" и др.), проявились лучшие качества таланта В.Некрасова - его откровенность, искренность, способность увлекательно рассказывать о своих путешествиях, о друзьях, о времени и о себе.

Последний том настоящего собрания ("Праздник, который всегда и со мной") составят литературные эссе, очерки, рассказы и небольшие статьи из зарубежной периодики и архива В.Некрасова, которые никогда не издавались отдельной книгой. Вслед за Хемингуэем В.Некрасов оставил свое описание любимого им Парижа, где прошли не только поздние, но и детские годы писателя. Большой интерес представляют также литературные портреты и очерки близких В.Некрасову людей - деятелей литературы и искусства, архитектуры, науки, политики, правозащитного движения, с которыми он встречался в СССР, а затем и в эмиграции за рубежом.

В июне 1991 года автору повести "В окопах Сталинграда" должно было исполниться 80 лет. К этой дате, существовавшей для русской и мировой культуры, и приурочено первое четырехтомное издание произведений Виктора Некрасова, возвращающихся к соотечественникам из зарубежья.

Состав издания по томам:

Том 1-й: Записки зеваки. - Взгляд и нечто.

Том 2-й: По обе стороны стены. - Из дальних странствий возвратись...

Том 3-й: Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы... - Маленькая печальная повесть. - Мраморная крошка. - Девятое мая. - Мама. - Виктория. Повести и рассказы.

Том 4-й: Праздник, который всегда и со мной. Эссе, литературные очерки, воспоминания, статьи.

Заказы на коллективную подписку (не менее 5-ти комплектов) для организаций, библиотечных коллекторов и клубов любителей книги направлять по адресу: 198216, Ленинград, Ленинский проспект, 127, Магазин № 63 "Родина".

Справки по телефону: 255-94-25

Книгоиздательство
"ВСЕМИРНОЕ СЛОВО"

Весна. Санкт-Петербург. Во мгле показывается здание Биржи с ее колоннами и гигантский Нептун.

Часть гранитной набережной и вода Невы, на которой виден в дымке парусный торговый флот.

У колонн Биржи несколько фигур штатских в черном и в цилиндрах.

Послышались звуки военной музыки и барабанный бой. У здания Биржи показалась голова колонны пехотных солдат в киверах.

Потом все это исчезло.

КАК ОСТОРОЖНЫЙ КОТ, СЪЕЖИЛСЯ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ ЧИЧИКОВ И УВЕРНУЛСЯ ИЗ-ПОД УГОЛОВОГО СУДА. ОН ПРИНУЖДЕН БЫЛ ЗАНЯТЬСЯ ЗВАНИЕМ ПОВЕРЕННОГО. ИЗ ПОРУЧЕНИЙ ДОСТАЛОСЬ ЕМУ ПОХЛОПОТАТЬ О ЗАЛОЖЕНИИ В ОПЕКУНСКИЙ СОВЕТ НЕСКОЛЬКИХ СОТ КРЕСТЬЯН.

Звуки военной музыки переходят в звон нескольких гитар. Тяжелый бас, пьяноватый, запел:

Гляжу как безумный на
черную шаль,
И хладную душу терзает
печаль...

Небольшой зал ресторации, в цветах стол, на нем пылает чаша с жженкой. Ходит волнами табачный дым. Несколько пьяных гвардейских офицеров в расстегнутых мундирах, пьяный штатский с гитарой, старый цыган с гитарой, на диване - четыре цыганки, одна из них с гитарой. Оплывают свечи. В углу на столе брошены шляпы с султанами.

Сзади этого зала стеклянная внутренняя стена. Сквозь нее мутно видны две черные фигуры, сидящие за столом, на котором канделябры со свечами.

Зал ресторации исчезает, и вместо него появляется отдельный кабинет, в котором и сидят эти две черные фигуры. Теперь сквозь стеклянную стену мутно виден зал ресторации с мелькающими фигурами кутящих офицеров. Слышен глуше звон гитар и бас, поющий:

Когда легковерен... и молод
я был...

Две черные фигуры - Чичиков и секретарь Опекунского совета. Перед ними на столе - остатки ужина, фрукты и бутылка шампанского.

Секретарь цеголевато одет, в темном фраке и светлых брюках, с салфеткой, заложенной за жилет, сильно выпивши.

Чичиков - трезв и обольстительно улыбается. Одет скромно, во фраке и брюках бутылочного цвета.

Чичиков наливает секретарю шампанское. Секретарь отодвигает бокал, берет со стола пачку бумаг, косится на них, иронически прищуриваясь.

Чичиков наклоняется к секретарю.

Чичиков. Только вот какое обстоятельство... Половина крестьян в имении вымерла...

Секретарь откидывается на спинку стула и хохочет. Потом отодвигает бумаги и отрицательно качает головой.

Чичиков внезапно вынимает пачку денег и молча подает ее секретарю.

Михаил Булгаков

Секретарь перестает смеяться, бегло пальцем пересчитывает бумажки и задумчиво глядит в потолок. Потом устремляет на Чичикова прищуренный глаз.

Секретарь. Да ведь они по ревизской сказке числятся?

Чичиков. Числятся-с...

Секретарь вынимает часы, смотрит на них, встает, бросает салфетку, берет бумаги, прячет их в карман фрака, деньги засовывает в другой карман, потом снисходительно похлопывает Чичикова по плечу.

Секретарь. Ну, так чего ж вы оробели?

Один умер... (Внезапно берет свою шинель в углу и цилиндр, Чичиков вскакивает, чтобы подать, но не успевает.) ...другой родится, все в дело годится... Приходите завтра! (Выходит.)

Чичиков радостно вздрагивает, глядит вслед секретарю. Вдруг лицо Чичикова меняется. Он дико смотрит в угол, потом бьет себя по лбу.

Чичиков. Ах, я, Аким-просто!.. Ах, я, Аким-простота!.. По ревизской сказке числятся как живые... стало быть, живые!.. Да купи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали ревизские сказки, приобрети их, положим... тысячу, да, положим, Опекунский совет даст по двести рублей на душу... (Шевелит пальцами.) Двести тысяч капиталу!! (Хватается за голову.) Двести тысяч! (Валится на диван в углу. Лицо Чичикова искажается гримасой. Он упоен идеей. Внезапно на лице его страх.) Хлопотливо, страшно!..

(Гитары зазвенели яснее. Бас запел:

"Младую... младую гречанку
я страстно любил...")

Чичиков (воскликает страстно). А за что же другие благоденствуют? И что я теперь? Куда я гожусь? И что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец, скотина, не оставил нам никакого состояния! (Думает.) Время удобное, недавно была эпидемия. Народу вымерло, слава богу, немало... (Крестится.) Двести тысяч!.. (Решительно.) Еду! (Схватывает колокольчик со стола, звонит.)
И все исчезает.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Звон колокольчика постепенно переходит в звяканье бубенчика. Весенний закат. Дорога. С одной стороны поля, с другой - роща, которая начинает чуть-чуть зеленеть. И опять звякают где-то бубенчики. Потом косогор. С обеих сторон деревья. Бубенчики звя-

ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА



ИЛИ

КИНОПОЭМА по Н.В.ГОГОЛЮ

МЕРТВЫЕ ДУШИ

кают поближе. Послышалась тягучая песня без слов: что-то напевает Селифан.

Потом роцца, и в роцце покосившиеся кресты. Среди них много свежих. Это крестьянское кладбище. На дороге возле кладбища стоит бричка Чичикова. Селифан и Петрушка на козлах. Утомленные лошади стоят понурившись.

Солнце садится за кладбище. Между крестами Чичиков, деловито считает свежие кресты. Потом глядит вдаль, прикрывши глаза ладонью, как козырьком, видит множество новых крестов, радостно улыбаясь, потирает руки.

Город разворачивается на возвышении над рекой. В жидкой зелени видны колокольни. Где-то звякают бубенчики хлопотливо: очевидно, тройка бежит быстро где-то. Потом звон колокольчиков постепенно переходит в отдаленный мягкий колокольный звон.

Город разворачивается вблизи.

Улица в губернском городе. Облупленное здание с полусмытой надписью: "Гостин...". Широко открыты ворота. Напротив, через улицу, вывеска, на которой изображена рыба с воткнутой в нее вилкой и штоф. На вывеске надпись: "И вот заведение!"

Бричка Чичикова застряла в воротах в луже. Петрушка плечом подпирает бричку сзади. Селифан хлещет лошадей. Двое мужчин стоят возле "И вот заведения" на тротуаре и смотрят на колеса брички.

Первый мужик. Вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо в Москву или не доедет?

Второй мужик. Доедет.

Первый мужик. А в Казань-то, я думаю, не доедет?

Второй мужик. В Казань не доедет.

Бричка, качнувшись, вваливается в ворота.

Серенький весенний день. Площадь в губернском городе. Виден городской сад с жиденькими деревьями. Будка. Возле будки - будочник с алебардой и Чичиков, парадно одетый.

Чичиков. Как пройти к губернатору?

Будочник, отложив в сторону алебарду, прищуривается и начинает пальцем показывать.

Губернаторский кабинет. Письменный стол, над которым маленький портрет Николая I. Возле письменного стола пядьцы, на которые брошено вышивание.

Губернатор, толстяк с бабьим лицом и глупыми глазами, с орденом на шее и со звездой на левой стороне груди, сидит за столом, а перед столом в кресле, на краешке его, сидит очаровательно улыбающийся Чичиков.

Чичиков. В губернию вашего превосходительства въезжаешь как в рай! Дороги везде бархатные!.. (Чичиков рукой показывает волнистость дорог.)

Губернатор восхищенно улыбается.

Гостиная вице-губернатора. Овальный стол. Диван. Несколько старинных портретов на стенах.

Вице-губернатор в скромном фраке и серых панталонах стоит устола. Перед сто-

лом раскланивается, повесив руки и выставив зад, Чичиков. Дверь из гостиной полуоткрыта, и в ней смутно видны - одно за другим - два любопытных женских лица.

Чичиков. Счел долгом представиться вашему превосходительству...

Вице-губернатор (застенчиво улыбаясь). Я еще только статский советник... Прошу покорнейше садиться!

Дверь в прокурорском подъезде. В дверях виден провожающий прокурор, а у подъезда - Чичиков, который раскланивается с картузом в руке.

Подъезд дома полицеймейстера. У подъезда полицеймейстера солдат. Чичиковская бричка стоит у подъезда. На козлах Селифан и Петрушка. Из брички выглядывает Чичиков.

Петрушка (диким голосом). Полицеймейстер у себя?

Солдат. Так точно!

Чичиков вылезает из брички.

Улица. На тротуаре стоит франт, с любопытством смотрит на проезжающего в бричке Чичикова.

Другая улица. Бричка Чичикова катит в пыли.

Третья улица, захолустная. Бричка Чичикова стоит. Чичиков выглядывает из брички. Ворота. У ворот свинья. Возле брички стоит монашка с кислым лицом. У монашки в руках иконка и кружка - жестяная, запечатанная.

Чичиков. Голубушка, не знаешь ли, как проехать к инспектору врачебной управы?

Монашка. Не знаю, кормилец, не знаю. Подайте, барин...

Чичиков. Погорели?

Монашка. Погорели, родимый, погорели...

Чичиков манит пальцем монашку к бричке.

Монашка подходит.

Чичиков. А что, голубушка, не было ли в ваших местах оспы или повальной горячки?

Монашка. Все было, родимый, было...

Чичиков достает из жилетного кармана медную монету и кладет в кружку.

Угол гостиной в доме полицеймейстера. Диван и стол. На диване сидят Чичиков и председатель палаты. В открытую дверь видна часть залы и видны сидящие в креслах у трельяжа Манилов и Собакевич. Из залы доносится бренчанье клавикордов. Чичиков, наклонившись к уху председателя, незаметно указывает пальцем на Манилова и Собакевича.

Председатель (тихо). Помещики Манилов и Собакевич...

Чичиков. Так, так, так... А сколько у каждого душ крестьян?

Председатель, прищурившись, соображает, потом что-то шепчет Чичикову.

Чичиков. Так, так, так... А скажите, Иван Григорьевич, что у них, большая смертность в именах, то есть не было ли каких-нибудь повальных горячек?..

Председатель остолбеневает.

Чичиков. Это я так, интересуюсь познанием всякого рода мест...

Угловая комната у полицеймейстера. Вечер. Карточный стол. На карточном столе свечи. За карточным столом - полицеймейстер, почтмейстер, прокурор и Ноздрев играют. Полицеймейстер, почтмейстер и прокурор держат карты у груди так, чтобы Ноздрев не мог видеть. Играющие в приличных фраках, прокурор с орденом на шее, а Ноздрев в каком-то архалуке, одна бакенбарда меньше другой.

Ноздрев. А я ее по усам! (Хлещет картой по столу.)

Играющие не спускают глаз с рук Ноздрева. Ноздрев ходит.

Ноздрев. Пошла, старая попадья!

Прокурор бросает на стол даму.

Полицеймейстер и Почтмейстер бросают маленькие, Ноздрев валетом кроет даму и сгребают взятку к себе.

Полицеймейстер. Эге-ге-ге!

Почтмейстер. Постой, позволь, позволь!

Играющие схватывают взятку Ноздрева.

Полицеймейстер. Валетом даму!!

Ноздрев (плюнул). Фу ты! Обознался! (Полицеймейстеру.) Думал, что король! Есть у него борода или нету? (Наклонился к карте.) Тыфу ты, карты у тебя какие!

Дверь раскрывается. Председатель входит Чичикова.

Председатель. Павел Иванович, позвольте вас познакомить с помещиком Ноздревым...

Чичиков приветливо улыбается.

Ноздрев (встает из-за стола, широко открывает объятия). Ба, ба, ба! Какими судьбами?

Чичиков изумлен.

Ноздрев. А мы все утро говорили о тебе! Смотри, говорю, если мы не встретим... (Тихо полицеймейстеру.) Как его фамилия?

Полицеймейстер (тихо). Чичиков Павел Иванович...

Ноздрев. Смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова!..

Чичиков растерянно улыбается.

Ноздрев. А я, брат, с ярмарки!.. Эх, Чичиков, ну что тебе стоило приехать? Право, свинтус ты этакий, скотовод!..

Чиновники смущенно хихикают.

Ноздрев. Поцелуй меня, душа моя! (Заключает Чичикова в объятия.)

Из зала явственно донеслись звуки клавикорд.

Темно.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Бледно-серый весенний день. Имение Манилова. На юру стоит барский дом нелепой архитектуры с колоннами и бельведером. Возле дома клумбы с кустами начинающей зеленеть сирени и тощими березами. Под горою лепится деревня Манилова, запущенная и обедневшая.

Усадьба Манилова вблизи. Между березами беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: "Храм уединенного размышления". Рядом пруд, покрытый зеленью. На скамейке у беседки сидят Манилов и Манилова и нежно смотрят друг на друга. Манилова в капоте

бледного цвета. Манилов в домашнем зеленом сюртуке. У Манилова в руках трубка, у Маниловой - носовой платок. Манилов, обнимая за талию Манилову, указывает ей рукой на пруд.

Манилов. Душенька... (Вздыхает.) Как бы хорошо было, если б вдруг от дома (показывает) провести подземный ход!

Манилова смеется счастливым смехом.

Манилов. Или через этот пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки... И чтоб в них сидели купцы (Манилов тычет рукой в воздух, показывая, как купцы сидят рядами) и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян... (показывает, как улыбающийся купец разворачивает товар), а?

Манилова восхищенно смеется и обнимает Манилова.

Из-за беседки появляется мужик в заплатанных штанах и с шапкой в руке, дико смотрит на нежную сцену.

Манилова, заметив мужика, выдирается из объятий Манилова. Манилов, раскрыв рот, смотрит на мужика.

Мужик. Барин, позволь отлучиться подать заработать...

Манилов (махнув рукой). Ступай!

Мужик медленно уходит.

Маниловы опять начинают обниматься.

Из-за беседки появляется приказчик - пухлый человек со свинными глазками, в сюртуке. Наблюдает некоторое время Маниловых, потом кашляет.

Манилов (оборачивается). Ах!.. Что тебе, любезный?

Вдали слышались звуки колокольчика.

Приказчик. Хорошо бы, барин...

Колокольчики зазвенели яснее и ближе. Маниловы ахают и оборачиваются, начинают смотреть вдаль. Манилов прикладывает ладонь козырьком над глазами. Лицо Манилова перекашивается от радости.

Манилов (Маниловой). Павел Иванович! Манилова. Ах!

Манилов. Ах! Ах! (От радости неожиданно начинает плясать какой-то нелепый танец, забыв про приказчика. Потом неожиданно срывается и убегает.)

Манилова летит за ним.

Приказчик один, смотрит им вслед, открывает рот.

Приказчик (плюет). Тьфу ты!..

Гостиная у Маниловых. Стол. На столе подсвечник, диван, щегольская мебель, но одно кресло обтянуто рогожей.

Манилова стоит у стола, восхищенно улыбаясь, держит в руках носовой платок. В дверях, раскланиваясь и приседая и пропихивая друг друга вперед, Чичиков и Манилов. У Чичикова в руках шкатулка.

Манилов. Извольте проходить вы...

Чичиков. Нет, уж вы...

Манилов. Нет, вы!

Чичиков и Манилов втискиваются в гостиную, после чего Манилов немедленно обнимает Чичикова и начинает его цело-

вать, потом поворачивается к Маниловой.

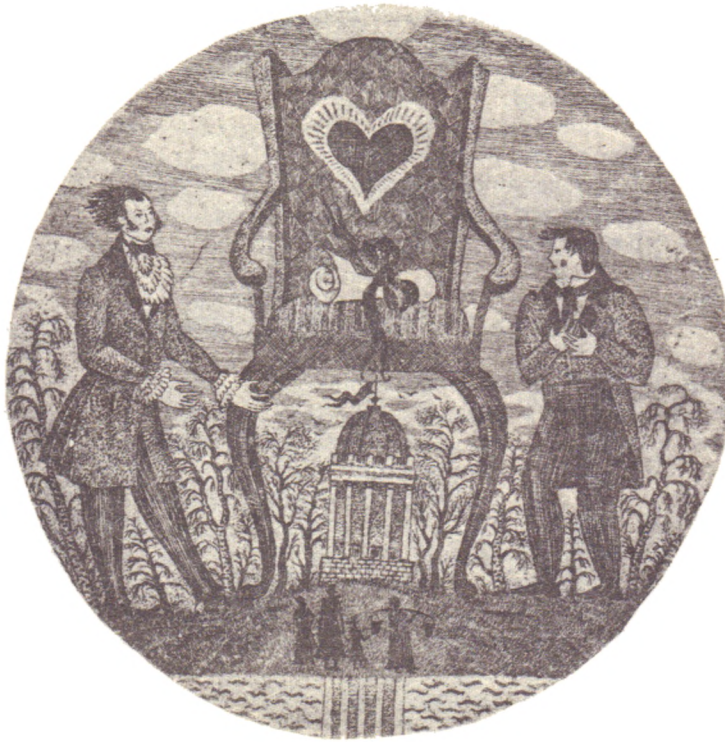
Манилов (Маниловой). Душенька, Павел Иванович!

Чичиков подсакивает, целует ручку Маниловой. Манилова садится. Манилов подталкивает Чичикова к креслу, потом вздрагивает как ужаленный, схватывает Чичикова за талию.

Манилов. Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы! (Пересаживает Чичикова на другое кресло.) Ах, нет, и это еще не готово! (Перетаскивает смущенно улыбающегося Чичикова на третье кресло.)

Манилова. Как вы нашли губернатора?

Чичиков. Препочтеннейший человек!



Манилов (закатывая глаза). А вице-губернатор, не правда ли, какой...

Чичиков. Очень, очень достойный человек!

Манилова. А полицеймейстер? Не правда ли...

Чичиков (поворачиваясь как на винте, то к Маниловой, то к Манилову). Чрезвычайно приятный, чрезвычайно!..

Манилов. Душенька, ты бы похлопотала насчет обеда!

Манилова. Ах, да! (Исчезает.)

Манилов. Наконец-то вы удостоили нас своим посещением! Такое доставили наслаждение! Майский день! (Обнимает Чичикова и целует.)

Чичиков (в то время, пока Манилов висит у него на шее, вынимает часы и незаметно смотрит время. Когда Манилов вдоволь нацеловался, Чичиков становится серьезен. Оборачивается и косится тревожно на дверь). Позвольте, почтеннейший друг, одну просьбу?

Манилов. Ах, пожалуйста! (Летит к двери и закрывает ее, потом возвращается и с величайшим вниманием, моргая глазами, начинает слушать Чичикова.)

Чичиков (напряжен). Что, почтеннейший друг, у вас много умерло крестьян?

Манилов (с готовностью). Очень, очень многие умирали! (Сладко.) А для каких причин вам это нужно?

Чичиков. Я бы хотел (оборачивается тревожно) купить... мертвых крестьян!

Манилов вскакивает, роняет трубку, начинает пятиться от Чичикова, глядя на него в ужасе.

Чичиков поднимается тревожно.

Темно.

Послышались колокольчики. Показывается деревенская улица в имени Собакевича. Хорошие избы под крепкими крышами, все сколочено из громадных бревен, жирные свиньи у ворот.

Бричка Чичикова катит по улице. Чичиков, высовываясь из брички, с любопытством осматривает деревню.

Звук колокольчиков постепенно переходит в стукотню дрозда.

Гостиная в доме Собакевича. Грубая мебель необыкновенных размеров. На стенах портреты греческих полководцев: Маврокордато, Миаули, Канари - с чудовищными усами. Дрозд в клетке возится и стучит. Возле стола стоит необыкновенного роста жена Собакевича - Феодулия Ивановна в чепце с крашенными лентами и в мериносовом платке. Собакевич обращается к Чичикову, который раскланивается, держа на отлете шкатулку.

Собакевич. Это моя Феодулия Ивановна!

Чичиков ставит шкатулку на пол, подлетает к Феодулии Ивановне. Феодулия Ивановна величественно протягивает ему руку. Чичиков прикладывает к руке Феодулии Ивановны.

Собакевич. Прошу садиться. (Делает движение к Чичикову, а когда тот поворачивается, наступает Чичикову на ногу так тяжело, что Чичиков, забыв на мгновение приличие, взвизгивает и поднимает ногу.)

Феодулия. Вот ты всегда так!

Собакевич. Ах, ах...

Чичиков (шипя). Ничего, ничего...

Все трое садятся: Феодулия на диван, а Чичиков и Собакевич в кресла. Наступает мертвое молчание. Стучит дрозд. Чичиков делает попытку улыбнуться Феодулии Ивановне, но Феодулия неподвижна и величественна. Тогда Чичиков улыбается Собакевичу, но отклика не встречает. Тогда Чичиков улыбается портрету Маврокордато. Молчание.

Чичиков. В прошедший четверг мы об вас вспоминали у председателя Ивана Григорьевича...

Молчание.

Чичиков. Прекрасный человек... (Молча.) (Теряясь.) Иван Григорьевич, прекрасный человек, я говорю?

Собакевич. Это вам так показалось. Он дурак.

Чичиков (изумленно открывает рот, потом приходит в себя и говорит, хихик-

ну). Но зато губернатор, какой превосходный человек?

Собакевич. Разбойник.

Чичиков (смущенно хихикает). Кхе... у него ласковое выражение лица...

Собакевич. Разбойничье лицо.

Чичиков. Зато полицеймейстер...

Собакевич. И полицеймейстер мошенник. Я их всех знаю. Все христопродавцы. Один есть порядочный человек, прокурор, да и тот свинья. Прошу к столу.

Потрясенный Чичиков поднимается.

Феодулия. Прошу.

Темно.

Столовая у Собакевича. Четыре прибора. Дымятся щи. Громадное блюдо няни. За столом Феодулия, Собакевич, Чичиков и неизвестное существо женского пола, не то родственница, не то приживалка.

Собакевич (жуя). Этакой няни вы не будете есть в городе! Там вам черт знает что подадут!

Чичиков (робко). У губернатора, однако же, недурен стол...

Собакевич. Котами кормит.

Чичиков (уронив ложку). Как котами?

Собакевич (жуя). Купит его каналья повар кота, обдерет его и подает вместо зайца.

Феодулия. Какую ты неприятность говоришь!

Собакевич. Что ж, душа моя, я гадостей не стану есть. Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот. И устрицы тоже не возьму. (Подмигивает Чичикову.) Я знаю, на что устрица похожа!

Феодулия потупляет глаза.

Чичиков подавился щами.

Темно.

Гостиная Собакевича. Собакевич и Чичиков без фраков сидят в креслах. Чичиков, напряженно поглядывая на неподвижного Собакевича, говорит осторожно.

Чичиков. Чувствуя уважение к вам, Михаил Семенович, готов я принять на себя эту тяжелую обязанность вносить подати за всех ваших умерших крестьян.

Пауза.

Собакевич. Вам нужно мертвых душ? Извольте, я готов продать.

Чичиков (насторожившись еще больше). А например, как же цена?

Собакевич. По сту рублей за штуку.

Чичиков (приподымается, вытаращив глаза). По сту?!

Собакевич. А ваша цена?

Чичиков (пожимая плечами). Моя цена? Мы, верно, не понимаем друг друга... Положа руку на сердце, по восемь гривен за душу.

Собакевич (улыбаясь саркастически). Эк, куда хватили! Ведь я продаю не лапти! (Таинственно.) Вот, например, каретник Михеев! Сам и обобьет, и лаком покроет!

Чичиков (изумленно улыбается). Но, позвольте!..

Собакевич (не слушая, указывает на дверь, постукивая по ней пальцем, открывает и закрывает ее; таинственно на ухо Чичикову). Пробка Степан, плотник. (Чичиков открывает рот, чтобы возразить, но Собакевич жестом заставляет его замолчать, открывает дверцу печки, постукивает по ней; открывает и показывает отдушник, победоносно.) Милушкин, кирпичник!

Пораженный Чичиков открывает рот.

Собакевич (снимает сапог с ноги, показывает его Чичикову, потом бьет сапогом об пол с грохотом). Максим Телятников, сапожник! Что шилом кольнет, то и сапоги! Что сапоги, то и спасибо! И хоть бы в рот хмельного! (Надевает сапог.)

Чичиков (отчаянно). Но, позвольте, ведь это все народ мертвый!

Собакевич (мрачно). Мертвый... (Внезапно, с азартом). Впрочем, и то сказать: что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди?!

Чичиков (смеясь). Да все же они существуют!

Собакевич (махнув рукой). Существуют! Сказал бы я другое слово, да вот только что неприлично!

Чичиков. Два рубля.

Собакевич. Семьдесят пять рублей.

Чичиков. Два с полтиной!

Собакевич. Пятьдесят рублей (протягивает руку).

Чичиков (пожимая протянутую руку). Прощайте, Михаил Семенович.

Собакевич (жалобно). У вас душа человеческая все равно что пареная репа... Нечего с вами делать, извольте!

Темно.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Где-то звенят колокольчики. Показывается буйно заросший овраг у дороги. Вечер. Солнце клонится книзу. Показывается и тянется деревня Плюшкина. Она пуста, в ней нет ни одной души. Крыши на избах сквозят, как решето. Некоторые окна без стекол, заткнуты зипунами или тряпками. Сзади изб застоявшаяся клады хлеба, темные и поросшие травой.

Показывается каменная обветшалая церковь, вся испятнанная, потрескавшаяся.

Потом церковь исчезает, показывается громадных размеров помещичий рабочий двор, обветшавшие амбары и кладовые стоят стеной, двери их заперты чудовищными громадными ржавыми замками.

Двор завален изделиями из дерева: тут бочки, ушаты, жбаны, лукошки, колеса, телеги, сани, все это гнилое. Тишина и безлюдье.

Потом показывается помещичий дом с обвалившейся штукатуркой, с заколоченными окнами, с пошатнувшимися бельведерами и подгнившими колоннами. Клумбы выросли крапивой и лопухом. На заброшенных деревьях вороньи гнезда. Высохший фонтан с покосившейся зеленоватой статуей. Зават.

Чичиков в шинели и картузе стоит у фонтана, недоуменно озираясь, ищет человека.

Из водоема фонтана вдруг показывается голова Плюшкина в бабьем колпаке. Плюшкин испуганно всматривается на Чичикова и тотчас скрывается.

Чичиков (обрадовавшись, что кого-то увидел). Послушай, матушка, что барин?..

Плюшкин (из фонтана). Нету, нету, нету дома!..

Чичиков (с досадой бьет себя по ноге). Ах, ты...

Плюшкин (выглянув). А что вам нужно? **Чичиков.** Есть дело!

Плюшкин (вылезая из фонтана с дырявым ведром в руке, в разорванном во многих местах халате). Идите в комнаты.

Комната, освещенная одним закатным лучом из окна. В полумраке тонут огромные барабаны и треугольные шляпы солдат на батальной картине на стене. С потолка свешивается люстра в пыльном сгнившем мешке. На столе - сломанный стул. Рядом с ним остановившиеся часы. Всюду паутина и хлам. Куча всякого хлама в углу. Из кучи торчит лопата и дырявый сапог со шпорой. Две крысы возятся в куче. Третья крыса сидит на столе, тычет мордочкой в пустую рюмку.

Послышались шаги. Крысы бросились в разные стороны и исчезли.

Та же комната. Плюшкин стоит, прижав ведро к груди, и подозрительно смотрит на Чичикова. Чичиков беспокойно и изумленно оглядывается.

Чичиков. Что ж, барин у себя, что ли?

Плюшкин (глядя исподлобья). Здесь хозяин.

Чичиков. Где же?

Плюшкин (надменно). Что вы, батюшка, слепы-то, что ли? Вить хозяин-то я!

Чичиков (роняет картуз, отступает, шинель сползает у него с плеча. Оглядывается, смотрит в изумлении на паутину и разрушение). Но ведь у вас более тысячи душ!

Плюшкин (плаксиво). Скверный анекдот... Проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков!

Чичиков (задав в себе радость, всплескивает руками). Ай-яй-яй!

Внезапно стук в окно. И Чичиков, и Плюшкин вздрагивают. В окне неожиданно возникает прильнувшая к стеклу багровая и усатая физиономия капитана в фуражке.

Физиономия (отдав честь, умильно). Дядюшка!

Плюшкин (трясаясь от страха и негодования, машет ведром). Нету, нету, нету дома! Кш... Кш!

Физиономия скрывается. Потом за дверями слышится жалобный капитанский голос:

- Дядюшка!.. Дайте чего-нибудь поесть!

Плюшкин бежит к двери и закрывает ее на ключ.

Еще раз доносится угасающий вопль:

- Дядюшка!

Плюшкин (в негодовании Чичикову). Вот! "Дядюшка, дядюшка!" А я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. А у меня есть и самому нечего!

Чичиков. Соболезную я, почтеннейший, соболезнаю!

Плюшкин. "Соболезную, соболезнаю!" Да ведь соболезнавание в карман не положишь! Вон капитан как начнет соболезнавать, вой такой подымет, что только уши береги!

Чичиков (оглядывается и говорит решительно). Мое соболезнавание совсем не такого рода. Я вижу, почтенный добрый старик терпит по причине собственного добродушия...

Плюшкин (перекрестившись). Ей-богу, правда! Все от добродушия!

Чичиков. Да. Совершим купчую крепость на всех ваших умерших крестьян, как будто

вы мне их продали, я буду платить за них подать.

Плюшкин (*разинув рот, глядит на Чичикова, роняет ведра*). Ах, батюшка! Ах, благодетель! Вот утешили старика! Ах, господи ты мой! Ах, святители мои! Да благословит вас бог! (*Внезапно валится на колени и целует Чичикову руку.*)

Чичиков вздрогнув, отступает.
Темно.

Дорога. Залита солнцем. Весело звенят бубенчики. Чичиков в коляске с открытым верхом, заломив картуз на затылок, радостный, катит.

Крутой поворот дороги. Косогор. Неожиданно из-за поворота вылетает коляска шестериком. В коляске губернаторская дочь и старая компаньонка. Экипаж налетает на чичиковскую бричку, лошади перепутываются упряжью.

Губернаторская дочка вскрикивает, компаньонка взвизгивает.

Губернаторский кучер (*Селифану*). Ах ты, мошенник! Пьян ты, что ли?

Селифан (*кучеру*). А ты что так расскакался?

Кучер и Селифан слезают с козел, пытаются распутать упряжь. Чичиков вежливо снимает картуз, кланяется губернаторской дочке. Та и компаньонка отвечают ему поклоном.

Со всех сторон к месту происшествия сходятся мужики.

Губернаторский кучер (*Селифану*). Отсаживай, нижегородская ворона!

Мужики начинают хлопотать возле лошадей.

Мужик. Дядя Митяй, садись на коренного, садись!

Дядя Митяй лезет на коренного.

Мужики (*вопят*). Но! Но! Но! Андрюшка, коренного, коренного проведи! Дядя Миняй!

Дядя Миняй лезет на другую лошадь.

За ним следом на всех лошадей садятся мужики, начинают погонять их.

Кучер (*рассердившись*). Да ну вас к лешему!

Мужики, словно по команде, слезают с лошадей, и упряжь распутывается.

Губернаторский кучер бьет по лошадям, коляска снимается и улетает.

Мужики, сняв шапки, кланяются Чичикову. Чичиков, глядя вслед исчезающей коляске, машет им с досадой рукой. Мужики, почесывая затылки, расходятся.

Селифан возится, поправляя упряжь.

Чичиков вылезает из брички, смотрит вдаль.

Чичиков. Славная бабешка! А любопытно бы знать, чьих она? Ведь если, положим, этой

девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее мог бы выйти очень, очень лакомый кусочек!

Из-за поворота дороги появляется дрянная колясочка, запряженная четверкой длинношерстных лошадей в изорванных хомутах и с веревочной упряжью.

На козлах сидит пухлорожий Порфирий, а на сиденье - Ноздрев в картузе и в архаике.

Ноздрев (*увидевши Чичикова, всматривается, потом радостно выскакивает из колясочки. Передавая щенка, который был у него на коленях, Порфирию*). Ба! Ба! Ба! (*Целует Чичикова*). Куда ездил? А я, брат, с ярмарки... Поздравь, продулся в пух! Пове-

стороне высокие деревянные козлы, ведра с краской, кисти. Широко открыта дверь во вторую комнату, где на стене, над диваном, видны сабли, ружья и кинжалы.

В столовой, в сторонке, стоит дешевенькая уличная шарманка.

В столовой, помимо двери в ту комнату, где сабли, еще одна дверь, наружная, и большое окно, там, где козлы.

Шинель Чичикова и картуз висят на гвозде в столовой. Возле шинели стоит чичиковская шкатулка.

В комнате Ноздрев и Чичиков. Ноздрев в одном белье, поверх которого наброшен халат. В одной руке у Ноздрева бокал с вином, а другою Ноздрев ласкает

щенка. Чичиков, наклонившись к Ноздреву, говорит интимно.

Чичиков. Вот какая у меня к тебе просьба. У тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?

Ноздрев (*с величайшим любопытством*). Ну, есть, а что?

Чичиков (*оглядевшись, шепотом*). Переведи их на мое имя.

Ноздрев. А на что тебе?!

Чичиков (*принужденно*). Ну, просто так, пришла фантазия. Уж это мое дело, словом, нужно.

Ноздрев (*посадив щенка на стол*). Да на что они тебе?!

Пауза.

Ноздрев. Ну, так вот что, до тех пор, пока не скажешь, не сделаю. (*Выпивает.*)

Чичиков встает с недовольным видом, отходит.

Ноздрев смотрит в потолок и демонстративно посвистывает.

Чичиков. Ну, хорошо. Мертвые души нужны мне для приобретения весу в обществе... поместьев больших я не имею...

Ноздрев (*не дав договорить*). Врешь! (*Захохотал.*)

Чичиков (*смущен*). Ну, так я ж тебе скажу прямее... гм... гм... (*Шепотом.*) Я задумал жениться, а отец и мать неве...

Ноздрев (*радостно*). Да что ты? Ай-яй-яй! (*Подает Чичикову бокал, щенку в лапу вкладывает рюмку, сам вооружается бокалом.*) Поздравляем! (*Наклоняет щенку голову, чокается со смущенно хихикающим Чичиковым, выпивает.*) Врешь!

Чичиков (*расплескав бокал*). Однако ж это обидно! (*Встает с негодованием.*) Почему я непременно лгу?

Ноздрев. Да ведь ты большой мошенник! Я тебе говорю это откровенно. Не с тем, чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю!

Чичиков (*сквозь зубы*). Всему есть границы. (*Пауза.*) Не хочешь подарить, так продай! (*Пауза.*)



ришь ли, не только убухал четырех рысаков - все спустил; ведь на мне нет ни цепочки, ни часов... (*Показывает.*) Ведь я на обывательских приехал! Видишь, какая дрянь! Насилу дотащили, проклятые! Ты куда сейчас едешь?

Чичиков. Я к человечку одному.

Ноздрев. Да ну его, человечка, к...! Поедем ко мне! Пять верст всего!

Чичиков (*колеблется*). Нельзя, есть дело...

Ноздрев. К черту дело! Каким балыком попотчую! (*Тянет Чичикова за руку.*)

Чичиков (*нерешительно*). Изволь, только... чур, не задерживать...

Ноздрев. Ну, душа, вот это так! Вот это хорошо! Я тебя поцелую за это! И славно! (*Обнимает Чичикова.*)

Селифан в изумлении смотрит на Ноздрева.

Темно.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Яркий солнечный весенний день. Столовая у Ноздрева. Посередине стол с остатками обеда и с большим количеством бутылок.

Одна стена комнаты выбелена, остальные грязные, в

Ноздрев. Чтоб доказать тебе, что я не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего!

Чичиков радостно оборачивается, жмет руку Ноздреву.

Ноздрев (держа щенка в руках, обнимает Чичикова). Купи у меня жеребца, я тебе их дам в придачу.

Чичиков (отступая). Помилуй, на что мне жеребец?

Ноздрев. Как на что? (Указывает в окно.) Я за него заплатил десять тысяч, а тебе отдаю за четыре!

Чичиков. Да не нужен мне жеребец, бог с ним!

Ноздрев (таинственно). Ну, купи каурую кобылу! За кобылу и за жеребца я возьму с тебя только две тысячи.

Чичиков (пораженный). И кобылы не нужно!

Ноздрев. Ну, так купи собак! Я тебе продам такую пару, что просто мороз по коже!.. Брудастые, с усами собаки!

Чичиков. Да зачем мне собаки с усами? Я не охотник!

Ноздрев (хлопнув себя по лбу). Купи шарманку! Чудная шарманка!

Чичиков (машет руками).

Ноздрев (схватывает его за руку, тащит к шарманке, вертит ручку шарманки. Шарманка играет, а щенок на столе начинает вить. Ноздрев бросает вертеть шарманку). Я тебе дам шарманку и мертвые души, а ты мне свою бричку и триста рублей в придачу!

Чичиков. Вот еще! А я-то в чем поеду?

Ноздрев (солидно). Я тебе дам другую бричку. Ты ее перекрасишь, и будет чудо-бричка! (Схватывает кисть). Вот этой краской! (Малюет на стене.) Мертвые ду...

Чичиков (выхватывает кисть у Ноздрева, стирает надпись, плюет). Тьфу! тебя, какой неугомонный! Эк тебя бес обуял!

Ноздрев (вдохновенно). Метнем банчик! Я поставлю умерших на карту! (Взламывает колоду и начинает примерно метать.) Эх!..

В комнате несколько темнеет. Вдали поднимается туча, и где-то очень вдали громыхнуло.

Ноздрев (мечет). Экое счастье! Экое счастье! Так и колотит! (Перестает метать.) Не хочешь играть?

Чичиков (улыбнувшись). Ни-ни-ни...

Ноздрев. Сыграем в шашки! (Как молния, бросается в соседнюю комнату и возвращается с шашечным столиком.) Выиграешь - все мертвые твои!

Чичиков (некоторое время подумав). Ну, изволь, в шашки сыграю.

Ноздрев. Душа моя! (Целует Чичикова, закуривает трубку. Чичиков и Ноздрев усаживаются у шашечного столика.) Души идут в ста рублей!

Чичиков (вынимая бумажник). Довольно, если пойдут в пятидесяти.

Ноздрев. Ну, что за куш - пятьдесят? Лучше я тебе в эту сумму включу щенка! (Сажает щенка рядом с шашечной доской, тотчас схватывает его за шиворот.) Ах, дрянная этакая! (Вытирает салфеткой шашечную доску.)

Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек! (Делает ход.)

Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете в шашки! (Делает ход.)

Чичиков. Давненько не брал я в руки шашек...

Ноздрев. Знаем мы вас, как вы плохо играете (поет) в шашки...

Чичиков (играя, напевает сквозь зубы). Эх, давненько не брал я в руки...

Ноздрев (поет). Знаем мы вас...

Чичиков (напевает). Давненько не брал... (Делает ход и одним ударом берет у Ноздрева четыре шашки. Потом победоносно.) Давненько не брал я в руки шашек!

Ноздрев раздавлен, смотрит на доску. Потом набирает в рот дыму и пускает его в лицо Чичикову.

Чичиков кашляет и отворачивается. Ноздрев воспользовавшись этим моментом, переставляет шашки.

Чичиков (откашлявшись). Давненько не... э... э... это что? Отсади-ка ее назад!

Ноздрев. Кого?

Чичиков. Да шашку-то. Нет, с тобой нет никакой возможности играть! (Прячет бумажник в карман. Подходит к шинели, надевает ее, также и картуз, берет шкатулку в руки.)

Ноздрев (сурово). Ты должен кончить партию.

Чичиков. Нет, брат, я с тобой не стану играть. (В окно.) Селифан! Подавай! (Тревожно взглядывает наверх: туча накрыла усадьбу - блеснула молния. Хочет идти.)

Ноздрев (печально). Так ты не можешь играть? Подлец! Когда увидел, что не твоя берет, так ты не можешь! (Бьет кулаком по шашечнице, шашки разлетаются в разные стороны.)

Чичиков делает движение к выходной двери, но Ноздрев преграждает ему путь.

Ноздрев. Порфирий! Павлушка!

В дверях появляются Порфирий и Павлушка.

Чичиков меняется в лице, отступает к козлам.

Ноздрев. Бейте его!

Чичиков в ужасе поднимается на козлы. Ноздрев. Ребята, на приступ! (Сбрасывает с себя халат, схватывает со стены во второй комнате саблю, устремляется в столовую.)

Павлушка выхватывает из ящика лопату.

Порфирий берет малярную кисть. Успевает ткнуть Чичикова в физиономию малярной кистью.

Чичиков взлетает на верх козел.

Ноздрев. Вперед, ребята! Ура!

Павлушка швыряет песком в Чичикова.

Ноздрев схватывает со стены охотничий рог, трубит в него, и в столовую врываются две огромные собаки, яростно бросаются на козлы.

Громовой удар над усадьбой. За окном резнула косая молния, и тотчас полил дождь.

Чичиков спускается по козлам с другой стороны их, обращенной к окну, на подоконник и выбрасывается в окно.

Ноздрев. Держи его!! (Бросается в выходную дверь, за ним Порфирий, Павлушка и собаки.)

Дорога. Под косым дождем бешено мчит тройка Чичикова. Селифан хлещет лошадей. Чичиков, обернув обезображенное краской лицо, кричит.

Чичиков. Гони!

Дорога. По дороге под дождем карьером летят четверо борзых, за ними на неоседланном жеребце Ноздрев в одном белье, сзади Ноздрева - на неоседланной кобыле - Павлушка.

Дорога. Навстречу мчавшейся тройке Чичикова летит тройка, в которой - капитан-исправник.

Чичиков (поравнявшись с капитан-исправником, кричит). Спасите! (Указывает назад.)

Дорога. Стоит тройка капитан-исправника. Перед тройкой тяжело дышащие борзые, Ноздрев и Павлушка на лошадях.

Капитан-исправник (разводя руками). Позвольте узнать, это вы - господин Ноздрев?

Темно.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

День. Солнце. Номер Чичикова в гостиной. Кровать не убрана. На столе открытая шкатулка, бумаги.

Чичиков (в одной ночной рубашке и в сафьяновых сапогах на босу ногу. Радостно заглядывает в бумаги, считает). Манилова... (Шевелит пальцами.) Собакевича... Плюшкина... Четыреста душ! (Потирает руки.) Четыреста душ! (Начинает танцевать нелепый танец, потом смотрит на часы.) Э-хе-хе!.. Двенадцать часов... (Становится серьезен, кричит в дверь.) Петрушка!

Улица в городе. Чичиков идет по тротуару. Из-за угла показывается навстречу Манилов.

Манилов (восторженно). Павел Иванович!

Чичиков изображает на своем лице радость.

Чичиков и Манилов обнимаются и целуются, после чего Манилов, сладко улыбаясь, вынимает из кармана шинели бумажный сверток, перевязанный розовой ленточкой, и, закатив от удовольствия глаза, вручает его Чичикову как коробку конфет.

Чичиков. Это что?

Манилов. Мужички.

Чичиков крепко жмет руку Манилову.

Манилов берет его под руку, и они идут вместе.

Комната присутствия в Палате. Стол, покрытый сукном, зеркало. У стола - дирижируемые Кувшинным Рылом, вереницей, свидетели - прокурор, инспектор врачебной управы, сын протопопа отца Кирилла и сам бородатый протопоп Кирилл. Подписывают по очереди бумагу.

В стороне, в креслах, сидит председатель Иван Григорьевич, Чичиков, Манилов и Собакевич.

Председатель (улыбаясь). Так вы приобрели, Павел Иванович?

Чичиков. Приобрел!

Председатель. Благое дело, право, благое дело! Но как же вы покупаете крестьян без земли? Разве на вывод?

Чичиков. На... вывод. (Вдохновенно.) В Херсонскую губернию!

ПРОНЕСЛИСЬ СЛУХИ, ЧТО ЧИЧИКОВ НИ БОЛЕЕ НИ МЕНЕЕ, КАК МИЛЛИОНЩИК...

Послышались глухо звуки трактирной машины, играющей что-то веселенькое.

Номер Чичикова в гостинице. Вечер. Зеркало на комод. Горят четыре свечи. Фрак на стуле. Чичиков, голый до пояса, склонился над тазом. Петрушка губкой трет Чичикову спину.

Там же. Чичиков перед зеркалом, во фраке, в белом галстуке, охорашивается.

Звуки машины переходят в гром бального оркестра, играющего оглушительный галоп.

Губернаторская гостиная, в которой горят все свечи. Из гостиной широко открыты двери в бальную залу, в которой бешено несутся танцевальные пары в галопе.

В гостиной Чичиков в объятиях губернатора. Губернатор лобызает Чичикова.

В гостиной - председатель, полицеймейстер, инспектор врачебной управы, почтмейстер.

Губернатор выпускает Чичикова, и его немедленно принимает в объятия председатель.

Председатель. Любезный Павел Иванович!

Полицеймейстер. Давайте-ка его сюда, я его поцелую. Павла Ивановича! (Обнимает Чичикова.)

За полицеймейстером тянется инспектор врачебной управы.

Галоп внезапно прекращается. В зале слышались голоса:

- Павел Иванович! Павел Иванович!

Из дверей зала толпой повалили гости навстречу Чичикову. Впереди всех вице-губернатор, прокурор, дама приятная во всех отношениях и просто приятная дама, какой-то офицер.

Гостиная. Чичиков, сладко улыбаясь и раскланиваясь налево и направо, целует ручки дамам, которые окружили его целым роём. Дама приятная во всех отношениях прикалывает Чичикову цветок на грудь.

Та же гостиная. В зале гремит музыка, опять вертятся пары.

Чичиков в креслах сидит, по бокам его сидят дамы приятная и приятная во всех отношениях.

За креслом Чичикова вдруг появляется откуда-то выплывшая губернаторша.

Губернаторша. Так вот вы как, Павел Иванович!

Чичиков оборачивается, как пух вскакивает с кресла, целует губернаторше ручку.

Приятные дамы едят глазами губернаторшу.

Губернаторша (прищурившись на приятных дам). Вы не знаете еще моей дочери?

Чичиков разводит руками.

Губернаторша подает ему руку.

Чичиков подхватывает ее под руку, и они выходят.

Приятные дамы, тотчас закрывшись веерами, начинают язвительно хихикать, глядя им вслед.

Другая губернаторская гостиная. Губернаторская дочка в бальном наряде. Рядом с ней отечески улыбается губернатор. Губернаторша вводит Чичикова.

Чичикова. Чичиков принужденно хихикает.) Что, много наторговал мертвых?

Губернаторша выпучивает глаза.

Чичиков меняется в лице.

В гостиной появляется губернатор, а из дверей зала - председатель палаты.

Ноздрев. Вы знаете, ваше превосходительство, ведь он торгует мертвыми душами!

Губернатор вытаращил глаза.

Ноздрев. Приезжаю сюда, мне говорят, что закупил на три миллиона крестьян на вывод... Каких на вывод? Да он торговал у меня мертвых!..

Губернатор и губернаторша совершенно ошалевают. У губернаторской дочери на лице глупое выражение.

Дамы приятные от восторга открыли рты.

Зычный голос Ноздрева привлекает гостей, и из зала показывается испуганный почтмейстер, полицеймейстер и дамы.

Ноздрев. Послушай, Чичиков, зачем ты покупал мертвые души?.. Слушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно, у тебя, ты знаешь, нет лучшего друга, как я... Вот и его превосходительство здесь... Не правда ли, прокурор?..

Прокурор прячется за спину какой-то дамы.

Ноздрев. Уж вы позвольте, ваше превосходительство, мне поцеловать Чичикова?..

Губернаторша. Институтка, только что выпущена...

Чичиков (узнав незнакомку, которую встретил на дороге, вздрагивает, потом овладевает собой). Я имел счастье нечаянным образом познакомиться...

Губернаторша подводит Чичикова к дочери.

Эта же гостиная. Губернаторша сидит в креслах, в других креслах - губернаторская дочка, а в третьих - Чичиков. Мимо проходит и демонстративно меряет взором губернаторскую дочку дама приятная во всех отношениях.

В дверях эта дама встречает даму просто приятную, и обе они начинают язвительно шушукаться.

Музыка в бальном зале прекращается.

Чичиков (обращаясь к губернаторской дочке). А в Симбирской губ... (Лицо Чичикова внезапно меняется, он посылает тревожный взор в дверь бальной залы; он беспокойно привстает, как будто хочет удрать.)

Из дверей бальной залы выходит Ноздрев в покосившемся на бок галстуке, волочит под руку прокурора. Ноздрев выпивши.

Увидев Чичикова, Ноздрев растопыривает руки.

Ноздрев (громогласно). Херсонский помещик!.. Херсонский помещик!.. (Обнимает

Чичиков приподнимается, сжимая кулаки.

Ноздрев. Да, Чичиков, уж ты не противься... Одну безешку позволь запечатлеть в белоснежную щеку твою... (Устремляется к Чичикову, пытаясь обнять его.)

Чичиков в бешенстве отталкивает Ноздрева. Тот, качнувшись, с размаху садится губернаторше на колени, отчего губернаторша взвизгивает, а губернаторская дочка моментально падает в обморок.

Чичиков бросается вон.

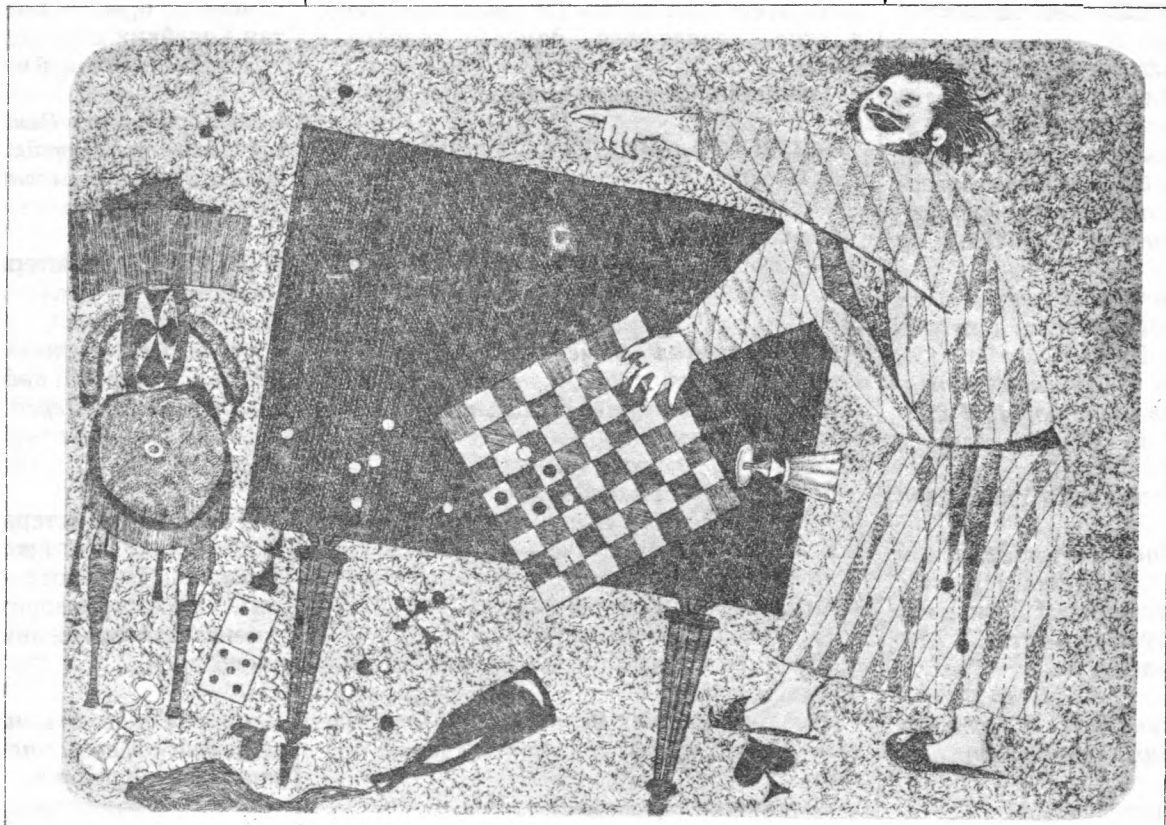
Полицеймейстер, вице-губернатор и почтмейстер схватывают Ноздрева, чтобы стащить его с колен губернаторши, и тут же в бальном зале резко грянула музыка.

Темно.

Ночь. Улица города, освещенная скупыми фонарями. По улице, в расстегнутой шинели, с бешеным лицом, оглядываясь, как травленный, бежит Чичиков, беззвучно ругаясь и сжимая кулаки.

Ночь. Номер Чичикова. Горит одна свеча. Шинель Чичикова валяется на полу. Чичиков, не сняв картуза, в бальном фраке сидит у стола.

Чичиков (стукнув кулаком по столу). Чтoб вас черт побрал всех, кто выдумал эти



балы! Чему сдуру обрадовались? В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы!.. Невидаль, что иная наворотила на себя на тысячу рублей... А ведь на счет же крестьянских оброков!.. Или, что еще хуже, на счет совести нашего брата!.. Ведь известно, зачем берешь взятку и покрывишь душой! Чтоб же не достать на шаль! Провал ее возьми!.. Но Ноздрев, Ноздрев!.. Ах, ты!.. (Внезапно закашлялся, потом умолк, схватился за горло. На лице тревога. Берет зеркало, высывает язык, смотрит в зеркало, трогает шею.) Уж не воспаление ли? (Становится озбочен и испуган.)

Темно.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

ГОРОД БЫЛ РЕШИТЕЛЬНО ВЗБУНТОВАН...

Губернаторский кабинет. Губернатор, выпучив глаза, сидит за столом и бессмысленно разводит руками, потом возводит глаза заверху, видит Николая I на портрете.

Губернатор (говорит портрету жалобно). Логика нет никакой... Как же покупать мертвые души?... Как?... Зачем?..

Дверь открывается и появляется гневная и величественная губернаторша. Губернатор съезживается, втягивает голову в плечи.

Губернаторша. Ты слышал? (Указывает куда-то.)

Губернатор (жалобно). Матушка, зачем же покупать мертвых? (Обращается то к Николаю I, то к губернаторше.) Логика нет никакой... Какой же дурак возьмется...

Губернаторша. Сам ты дурак!

Гостиная вице-губернатора. В гостиной вице-губернатор, полицеймейстер и инспектор врачебной управы.

Полицеймейстер. Врет Ноздрев!

Вице-губернатор. Да как же врет?

Инспектор врачебной управы (встревоженным шепотом). А не есть ли Чичиков подосланный чиновник для произведения тайного следствия? Обо всех умерших?..

Полицеймейстер. Ну?!

Чиновники в ужасе смотрят друг на друга.

Голубая гостиная. Овальный стол. Горшки с цветами на окнах. Попугай в клетке.

Дама приятная во всех отношениях в домашнем капоте.

Дама просто приятная в шляпке.

Приятная во всех отношениях. Мертвые души выдуманы для прикрытия, а дело вот в чем... (Приятная подставляет жадно ухо.) Он хочет увезти губернаторскую дочку!

Приятная (всплескивает руками). Ах, боже мой!..

Кабинет прокурора. Прокурор сидит за столом, потом в испуге оглядывается: дверь распахивается, и входит председатель палаты.

Председатель (взволнован). У меня голова идет кругом!..

Прокурор (жалобно). И кто такое этот Чичиков?... Вы знаете, Иван Григорьевич, говорят, что он фальшивые бумажки делает!

Председатель отшатывается.

Опять голубая гостиная. Пять дам окружили отставного военного с простреленной рукой.

Военный. Но, позвольте! Как же увезти губернаторскую дочку? Кто мог помочь ему?

Дамы (хором). Ноздрев! Ноздрев! Ноздрев!

Улица в городе. Военный катит на дрожках. Навстречу другие дрожки, в которых едет другой господин.

Военный (кричит ему). Про мертвые души слышали?

Улица. Домик. Господин соскакивает с дрожек, стучит в дверь. Открывается окно, в окне появляется дамская головка в чепце.

Господин. Слышали про мертвые души?

ЧИЧИКОВ НИЧЕГО ОБО ВСЕМ ЭТОМ НЕ ЗНАЛ.

Номер Чичикова. Чичиков лежит раздетый в постели и полощет горло молоком. Петрушка стоит перед ним.

Кабинет полицеймейстера. Вечер. На стене портрет шефа жандармов Бенкендорфа. Двери заперты. Окна закрыты занавесками. Свечи загорожены экранами.

На столе - закуска и бутылки.

В комнате - полицеймейстер, вице-губернатор, председатель, почтмейстер, прокурор и инспектор врачебной управы. Все встревожены до крайности, говорят шепотом, и все окружают Ноздрева.

Ноздрев сидит за закуской.

Полицеймейстер. Верно ли, что Чичиков скупал мертвых?

Ноздрев (выпив). Верно. Да я сам ему продал. И не вижу причин, почему бы не продать.

Чиновники переглядываются.

Полицеймейстер. А верно ли, что он хотел увезти губернаторскую дочку?

Ноздрев. Верно. Да я сам помогал ему.

Председатель. А зачем для этого покупать мертвые души?

Ноздрев. А чтоб подарить их губернаторской дочке. (Чокнувшись с почтмейстером.) За ее здоровье! (Выпивает.)

Полицеймейстер. Не делатель ли он фальшивых ассигнаций?

Ноздрев. Делатель.

Председатель в ужасе поднимается с места.

Полицеймейстер (Ноздреву). Тссс!..

Прокурор (поморгав глазами). По городу разнеслись слухи, что будто Чичиков... Наполеон?

Ноздрев. Наполеон.

Чиновники впадают в смятение.

Ноздрев манит их всех к себе, и они все склоняются к нему.

Ноздрев (шепотом). Англичане выпустили его с острова Святой Елены, вот он и пробирался в Россию... (Таинственно грозит чиновникам пальцем, подмигивает и выходит в дверь.)

Чиновники в недоумении смотрят ему вслед.

В темном квадрате двери появляется Ноздрев - он в треугольной шляпе полицеймейстера и в полицеймейстеринной мантилье, которая драпируется на нем, как

плащ. Руки Ноздрева скрещены у него на груди. Клок волос выпущен у него из-под шляпы. Он глядит исподлобья.

Чиновники шарахаются от него.

Ноздрев. Вив лемперер!

Полицеймейстер. Тьфу!

Пьяный Ноздрев валится на диван, и тут же - в шляпе и плаще - засыпает.

Полицеймейстер (разводя руками). Пьян!

Почтмейстер (хлопнув себя по лбу - внезапно). А знаете ли, господа, кто этот Чичиков?

Все. Кто?

Почтмейстер. Это, господа, не кто иной, как капитан Копейкин!.. После кампании двенадцатого года, сударь ты мой, вместе с ранеными прислан был в Петербург и капитан Копейкин...

Кабинет полицеймейстера исчезает.

И появляется Петербург. По тротуару идет капитан Копейкин. Одна нога отрезана - на деревяшке, одной руки нет. Физиономия наглая.

Голос почтмейстера. Решился идти к министру!

Приемная военного министра. У индийской вазы на подставке стоит капитан Копейкин. Перед ним, с вопросительным выражением на лице, военный министр.

Голос почтмейстера. "Так и так, проливал в некотором роде кровь, ваше превосходительство... Не будет ли какого пенсионера, что ли?.." Министр говорит: "Хорошо, - говорит, - понаведайтесь на днях..." Не прошло и четырех дней...

Опять приемная министра, и опять возле индийской вазы стоит, среди других посетителей, Копейкин.

Голос почтмейстера. Министр тотчас его узнал. "Вам нужно, - говорит, - будет ожидать приезда государя..." Ну-с, у моего Копейкина остается всего-навсего какой-нибудь полтинник...

Окна Милютинских лавок в Петербурге. В окнах - семга, арбузы, деликатесы.

Копейкин заглядывает в окно лавки, облизывается.

Скамейка в Летнем саду. Копейкин мрачен и исхудал. Сидит на скамейке и жует огурец.

Голос почтмейстера. Сделалось бедняге невтерпещ...

Опять приемная министра. Возле индийской вазы стоит небритый и худой Копейкин. Министр идет мимо шеренги просителей. Увидев Копейкина, отступает.

Голос почтмейстера. "Ведь я же объявил вам, что вы должны ожидать решения. Ищите себе пока сами средств..." - А голод, знаете, пришпорил моего Копейкина... - "Какие средства я могу сыскать, не имея ни руки, ни ноги?!"

Опять приемная министра. Копейкин взмахивает рукой, задевает индийскую вазу, та падает и разбивается.

Голос почтмейстера. "Грубиян! - закричал министр. - Позвать фельдгегеря, препроводить его на место жительства!"

Приемная министра. Министр в гневе размахивает руками, осколки разбитой вазы, просители в смятении, в дверях показывается фигура гигантского фельдгегеря...

Дорога под Петербургом. Столица со своими шпилями уплывает в тумане, а по дороге бешеная тройка мчит ямщика, фельдгегеря и Копейкина.

Копейкин, обернувшись к Петербургу, в злобе грозит кулаком.

Голос почтмейстера. "Хорошо! Я найду себе средства!.."

Кабинет полицеймейстера. Чиновники с перекошенными от страха лицами слушают почтмейстера, который рассказывает с вдохновенным лириком.

Почтмейстер. И слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения... Но не прошло и двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаманом этой шайки был, сударь мой, не кто иной, как капитан Копейкин!..

Полицеймейстер. Только, позволь, Иван Андреевич, ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и ноги, а у Чичикова?..

Почтмейстер (хлопнув себя по лбу). Ах, я телятина!

Грохот в дверь.

Чиновники вздрагивают и смотрят на дверь.

Полицеймейстер открывает дверь, и в ней появляется Самосвитов, фигура в черных бакенах и в темных очках, в штатском.

Самосвитов. Господа! В губернию нашу назначен генерал-губернатор! Уже едет! (Скрывается.)

Полицеймейстер (вскрикивает). Ах! (Бросается вслед за Самосвитовым. За полицеймейстером - председатель и вице-губернатор.)

Прокурор (хватается за сердце, меняется в лице и падает на пол).

Инспектор врачебной управы и почтмейстер остолбенело смотрят на прокурора, потом начинают метаться.

Инспектор. Батюшки! Что ж с прокурором-то?! Батюшки! (Бросается в другую дверь, кричит.) Доктора!

Почтмейстер (выбегая вслед за ним, кричит). Воды!

Ноздрев просыпается на диване, поднимается, оглядывается, видит прокурора, лежащего на полу, берет свечу, наклоняется к нему.

В дверях показывается с перекошенным лицом инспектор, у которого в руках графин и стакан с водой.

Ноздрев (властным жестом берет у инспектора стакан, выпивает воду, указывает на прокурора пальцем). Умер!

Темно.

Раннее утро. Дорога. Канава. Через канаву мост. Тут же роцца. В роцце деревенская церковь.

Бородатый староста распоряжается, а несколько мужиков яростно метут дорогу, лопатами ровняют ее края.

На мосту двое мужиков стучат топорами, чинят полуразрушенный мост.

Та же дорога. Мост в полном порядке. У ограды церкви стоит священник в полном облачении, рядом дьячок, староста, толпа мужиков и баб, - с беспокойством глядят вдаль на дорогу.

На дороге вдали показывается столб пыли. Увидев эту пыль, мужики тотчас снимают шапки, и сейчас же на колокольне начи-



нается звон.

В клубах пыли появляется тройка, в которой, стоя, летит капитан-исправник. Пролетая, капитан-исправник пальцем грозит мужикам.

За тройкой капитан-исправника вылетает карета шестериком с зеркальными стеклами.

В зеркальных стеклах видно лицо генерал-губернатора.

За каретой летит конвой из четырех жандармов верхами.

Священник поднимает крест.

Звонят колокола.

Темно.

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ

Зала в гостинице. Двое купцов пьют чай и тихо разговаривают. Дверь открывается и тихо появляется Чичиков, садится за стол.

Купец (другому купцу). Чичиков-то этот, который мертвые души скупал, говорят, переодетый Наполеон... Англичане, вишь ты, выпустили его с острова Святой Елены...

Чичиков резко меняется в лице и тихо уходит из зала.

Номер Чичикова.

Чичиков (взволнованно и громко кричит в дверь). Петрушка! Петрушка!

Номер гостиницы. На полу обрывки бумаги, веревочки, вещей Чичикова нет.

Чичиков, со шкатулкой в руке, в шинели, в картузе, делает движение к двери, чтобы выйти.

Навстречу ему из двери входит Ноздрев, в фуражке и в венгерке.

При виде его Чичиков отшатывается и садится на стул.

Некоторое время Чичиков и Ноздрев созерцают друг друга.

Ноздрев. Чичиков, ты рискованное дело затеял! Ох, рискованное!

Чичиков. Какое рискованное дело?

Ноздрев. А увезти губернаторскую дочку!

Чичиков (поднимается со стула в ужасе). Какую дочку?!

Ноздрев (таинственно). Они с ума сошли со страху... Нарядили тебя в разбойники, в шпионы... А прокурор с испугу умер! (Ноздрев крестится.) А тут еще и генерал-губернатор приехал! Ну, изволь, я готов тебе помогать: так и быть, поддержи венец тебе! (Таинственно.) Исайя, ликуй! (Еще таинственной.) Но только с уговором, ты должен дать мне три тысячи взаимы.

Чичиков в ужасе, не сводя глаз с Ноздрева, смотрит на него.

Внезапно в коридоре послышалось бряцанье шпор, топот ног.

Ноздрев выглядывает в коридор, потом беспокойно озирается, видит открытое окно и через это окно скрывается.

В дверях появляются два жандарма, полицеймейстер и за ним Самосвитов.

Чичиков в ужасе застывает.

Кабинет генерал-губернатора. Громадный портрет Николая I.

Генерал-губернатор стоит у стола. Перед ним стоит Чичиков, трясется от ужаса.

Чичиков. Ваше сиятельство... я не виноват... Меня обнесли враги... Ноздрев...

Генерал-губернатор (в бешенстве). Врешь! В острог! С последними мерзавцами!..

Чичиков (валится на колени). Ваше сиятельство! Умилосердитесь!.. Я виноват! Точно, виноват! Но, бог свидетель, я всегда хотел иметь жену, исполнить долг человека и гражданина, заслужить уважение начальства!.. Ваше сиятельство!.. (Подползает к генерал-губернатору и обхватывает его сапог.)

Генерал-губернатор отпихивает Чичикова ногой, но тот опять схватывается за ногу. Генерал-губернатор звонит.

Появляется чиновник особых поручений. Генерал-губернатор. Позвать, чтоб его взяли, солдат!

Чиновник машет рукой в дверь.

Вбегает жандарм и схватывает Чичикова за руки.

Темно.

Канцелярия генерал-губернатора. Шкаф. У шкафа стоят полицеймейстер, чин особых поручений и Самосвитов.

У полицеймейстера в руках запечатанная шкатулка Чичикова. У чиновника особых поручений - толстая книга купчих крепостей.

И шкатулку и книгу вкладывают в шкаф, и шкаф начинают запечатывать. Самосвитов держит свечу.

Острог. Окно с решеткой. На деревянной скамье лежит Чичиков в безмолвном отчаянии, с растрепанными волосами, в разорванном фраке.

Сперва далеко, потом ближе послышался печальный колокольный звон, а затем - мощный хор, который поет: "Святой Боже, святой крепкий..."

Чичиков прислушивается, поднимается к решетке, глядит в нее.

Чичиков (злобно смеясь). А! Прокурора хоронят!.. Жил, жил и умер!.. И вот напечатывают в газетах, что скончался почтенный гражданин и был сопровождаем плачем вдов и сирот!.. (В злобе грозит кулаком.) Весь город мошенники! Один был порядочный человек, да и тот свинья! (Плюет в окно.)

Хор постепенно удаляется и затихает.

Чичиков опять валится на скамью и лежит неподвижно.

Дверь камеры беззвучно отворяется, в камеру появляется Самосвитов.

Чичиков приподнимается, всматривается, потом всхлипывает, вытирает слезы.

Самосвитов (тихо подсаживается к Чичикову). Самосвитов. Встречались у губернатора. Знаем все о вашем положении. (Тихо на ухо.) Тридцать тысяч!

Чичиков, вздрогнув, отшатывается.

Самосвитов. Тут уж всем, и нашим, и генерал-губернаторским...

Чичиков (страстным шепотом). И мне удастся освободиться?

Самосвитов кивает головой.

Канцелярия генерал-губернатора. Полицеймейстер стоит на страже у дверей. Самосвитов срывает печать со шкафа, вынимает шкатулку. Из-за полицеймейстера выглядывает чиновник особых поручений.

Острог. Чичиков сидит перед раскрытой шкатулкой, вынимает оттуда бумаги, прячет их на груди, потом вынимает пачку денег, подает их Самосвитову.

Самосвитов отделяет часть, отдает ее полицеймейстеру, который стоит около двери, и чиновнику особых поручений, который смутно виднеется за полицеймейстером.

Самосвитов берет шкатулку Чичикова.

Рассвет. В канцелярии генерал-губернатора полумрак. У шкафа на цыпочках возится Самосвитов, сгребает в кучу бумаги, подкладывает к шкафу, высекает огонь и поджигает шкаф.

Повалил дым.

Самосвитов на цыпочках скрывается в дверь, закрывает ее за собой.

Рассвет. Двор гостиницы. Стоит снаряженная бричка Чичикова. Селифан на коз-

лах. Петрушка выносит чемодан. За Петрушкой выходит, закутавшись в шинель, закрывая лицо, Чичиков. Садится в бричку.

В этот момент послышался вдали набат.

Чичиков беспокойно оборачивается. Чичиков (Селифану). Пошел! Дурак! Селифан бьет по лошадям.

Окна канцелярии генерал-губернатора - на улицу. Из них сквозь треснувшее стекло валит дым. Дым этот становится все гуще, застилает все.

Клубы дыма переходят в клубы пыли. В этих клубах пыли летит тройка Чичикова. Лепечут колокольчики.

Вдали глухо слышен набат.

Чичиков в бричке беспокойно засовывает бумаги, проверяет их, опять прячет, оборачивается, со злобой грозит кулаком городу.

Конец

12 августа 1934 года
Москва

Договор М.А.Булгакова с 1-й кинофабрикой "Союзфильм" (Москва) на сценарий "Мертвые души" был заключен 31 марта 1934 года. Фильм должен был осуществиться в 1935 году режиссером И.А.Пырьевым.

Создание инсценировок и киносценариев было вынужденным занятием для писателя, чьи произведения находились под цензурным запретом. Невольно чужие тексты становились проводниками идей и образов автора, лишенного возможности прямого общения с читателем и зрителем. Работа над гоголевским материалом была благодарной в плане такого опосредованного творчества: на путях учителя, коим почитал Булгаков Н.В.Гоголя, на почве его текстов органично осуществлялись попытки собственного высказывания.

Постановка "Мертвых душ" во МХАТе в 1932 году мало удовлетворила творческие интересы Булгакова. Известно, что его первоначальный план, похожий на замысел пьесы о Гоголе: Великий чтец в Риме пишет "Мертвые души" - был сразу отвергнут театром. Впоследствии Булгаков пытался сохранить мотив Рима и образ Автора, сочиняя роль Первого для спектакля: Первый в пьесе, лирический герой Булгакова, он же Гоголь, открывая и завершая представление, видел Рим на закате солнца. Римский лейтмотив служил рамой комическому сюжету, подтверждал "авторство" Первого по отношению к изображенному миру смешных и мучительных видений. Вечный город возникал как идеальный образ, контрастный скучным дням и сумеркам отечества и провоцировал эсхатологические ассоциации. "Прекрасное далеко", откуда созерцал Россию Гоголь, у Булгакова словно за чертой земного бытия, в пространствах того покоя, каким награждают и Мастера.

Основой спектакля К.С.Станиславского, как известно, стал другой вариант текста - без Рима и Первого, - послуживший опорой для концертной формы спектакля, виртуозных дуэтных сцен Чичикова с помещиками.

Всеной 1934 года, получив заказ на кино-

Елена Кухта

поэму по "Мертвым душам", Булгаков снова вернулся к неосуществленным планам. В последних кадрах первой редакции² сценария возникли видение Рима в луче закатного солнца и силуэт человека в плаще в вечерних тенях на балконе. Вечный город выводил к высокой, космической точке зрения на происходящее, и финал кинопоэмы оказывался в несомненном родстве с последними страницами "Белой гвардии" и "Мастера и Маргариты". Римский эпилог сценария - своего рода росчерк пера в углу законченной картины, монограмма автора, подписавшего свою транскрипцию "Мертвых душ".

Булгаков строил сюжет по образцу "авантюрной" фильма. Сценарий в первой редакции начинался "остроумным путешествием" испанских баранов, пронесших через границу в двойных тулупчиках на миллион брабантских кружев: Чичиков сразу был раскрыт перед зрителем как мошенник. Отказавшись от фантазмагорических теней на портрете героя, Булгаков не поддержал символистскую концепцию бесовства в Чичикове. Его увлекло комическое и жуткое путешествие плута среди двойников. Гоголевские герои - одного корня, физиономия каждого - вариация на тему "мертвой души". Булгаков следит, как взаимоотражаются участники дуэтов, ему удобнее их рифмовать, изъев из колоды персонажей Коробочку. Она мешает чистоте рифмы, как затесавшаяся в ряд мужиков Елизавет Воробей.

Последовательность помещичьих сцен в сценарии изменена. Чичиковские визиты Булгаков стремился выстроить как напряженную интригу: рок стережет хитроумного приобретателя. Сквозь контрастную пару "бескорыстного" Манилова и кулака Собакевича Чичиков устремлялся к кульминации визитов: к воплощению крайней предела страсти к приобретению - плюшкинская сцена вроде "трубного гласа" на его пути. Чичикова настигает его "видение гробовое" - в лице Плюшкина. После него Чичикову неизбежно "срезаться", дорога ему - к Ноздреву, потенциальному погубителю. Ноздрев - картежник и плут, таинствен, поскольку непредсказуем. Чичиков терпит фиаско перед лицом абсолютной стихийности Ноздрева.

В любимой булгаковской сцене - камеральной (допрос и сплетни Ноздрева) - Чичиков получает еще пару двойников, фигурирует как комический Наполеон и разбойник. Император в чичиковском фраке бежит с острова Св.Елены и, прижимая к груди знаменитую шкатулку со списками мертвых душ, молчаливо заглядывает в окна спящего города Н. У Гоголя сорасположение персонажей - Чичиков и капитан Копейкин - пародия на антигетическую пару: денди, скучающий интеллект и разбойник (по наблюдению Ю.М.Лотмана).³ В сценарии такая пародийная парность Копейкина и Чичикова ярко обнаружена. Герой-денди - мнимый Наполеон, пародия на героя-приобретателя Чичиков. Разбойник у Булгакова рядом с таким героем: "физиономия наглая", "на груди - звезды, посредине - икона на цепи. Показывает фигу".

Параллель между Чичиковым и капитаном Копейкиным получила у Булгакова дополнительный смысл, когда в сценарий вошел новый герой, Самосвитов, человек в

штатском, не предусмотренный Гоголем (хотя герой с фамилией Самосвитов действует во втором томе поэмы).

В первой редакции киносценария Самосвитов, личность в черных бакенах и темных очках, невесть откуда вынырнувшая, возникает перед заключенным в тюрьму Чичиковым внезапно и освобождает его за куш в тридцать тысяч. Всесилие загадочной личности - выражение современного для человека 1930-х годов ощущения "тайн" и закономерностей нового управления страной. Комические и богохульные манипуляции Чичикова индивидуалиста блекнут при свете пожара, учиненного уверенным в безнаказанности Самосвитовым. И тонкий плут Чичиков, и облеченный официальной властью генерал-губернатор, как и мифический разбойник капитан Копейкин, одинаково бессильны перед тайной властью секретной службы: Самосвитов что-то вроде представителя НКВД, пробравшегося в гоголевский сюжет. Такая параллель не подцензурна, и Булгаков дает Самосвитова намеком, рассчитывая на ряд ассоциаций.

Первая редакция кинопоэмы не была принята заказчиками, И.А. Пырьев и И.В.Вайсфельд потребовали переделок. Рим с силуэтом на балконе, большая баллада о капитане Копейкине подверглись "полному разгрому": "Удастся сохранить только Копейкина, и то сузив его. Но - Боже - до чего мне жаль Рима!" - сообщал Булгаков П.С.Попову.

Третья редакция текста кинопоэмы, завершенная 12 августа 1934 года, как и черновая вторая, направила сценарий в традиционную колею: "Мертвые души" здесь переложены в серию классических дуэтов, Самосвитову же отведена служебная роль. Не он, но Чичиков, сохранивший купчие, выходит победителем и "со злобой грозит кулаком городу".

Условия предельной краткости понуждали Булгакова жестко концентрировать действие, создавать образные формулы дуэтных сцен, лаконично, как бы в эмблемах, представлять суть каждого дуэта. Темнота поглощает сладкого Манилова, едва Чичиков сообщил о желании купить мертвых, то есть в минуту ужаса героя. Темнота покрывает и Плюшкина - в такую же минуту. Преследуемый багровой капитанской физиономией Плюшкин потрясен предложением Чичикова: "внезапно валится на колени..." Сцена у Собакевича - цепочка аттракционов: Чичиков прикладывает к ручке величественной Феодулии Ивановны и визжит (Собакевич тяжело наступает ему на ногу); следует уморительный эпизод "мертвого молчания", когда Чичиков укладывается портрету Маврокордато; чичиковские похвалы городским чиновникам встречают "несветские" аттестации Собакевича; за обедом хозяин рассуждает о котлах, подаваемых к губернаторскому столу; наконец, разворачивается собственно торг, и Собакевич,

подымая цену на мертвых, готов уверить покупателя чуть не в посмертной трудоспособности усопших, таинственно демонстрирует сработанные ими сапоги, печь и пр. Сцену у Ноздрева перечеркивает косая молния, гроза, как всегда у Булгакова, аккомпанирует судьбе героя.

Сценарий в третьей редакции, предлагаемой вниманию читателя, был утвержден к постановке 2 сентября 1934 года. Художником будущего фильма был приглашен Н.П.Акимов, Д.Д.Шостакович дал согласие писать к нему музыку, В.Э.Мейерхольд обещал сыграть Плюшкина. На роль Ноздрева предполагался Н.П.Охлопков, Манилова - Ю.А.Завадский. Пырьев уговаривал

нике избранных произведений Пырьева⁸. Понятно, что один из соавторов, Булгаков, о существовании этого текста не знает.

Сценарий в редакции Пырьева трудно назвать булгаковским. Пырьев возвратился к повествовательному подробному помещичьим сценам, к быту на экране. Ввел в сценарий Коробочку, но, в отличие от булгаковской комедии для театра, где Чичиков встречал свою "даму пик" в результате череды визитов и Коробочка принимала роль комической Немезиды, Пырьев намечает встречу с нею сразу вслед за маниловской сценой, разлучая драматургически важную Булгакову контрастную пару: Манилов-Собакевича. В пырьевской редакции отсутствует баллада о капитане Копейкине... Наконец,

стилистически сценарий - целиком произведение Пырьева, булгаковское письмо просвечивает лишь кое-где: внезапно прорвутся гиперболы в описании чичиковского сна или капитанской багровой физиономии. Плюшкин больше не возится в чаше фонтана, Павлушка и Порфирий нехотя засучивают рукава, надвигаясь на Чичикова, и молнии не освещают путь героя. Авторство такого сценария вернее было бы определить так: И.Пырьев по мотивам М.Булгакова - и не числить редакцию 1965 года среди булгаковских текстов.

Публикуемая ныне третья редакция кинопоэмы "Похождения Чичикова, или Мертвые души", в отличие от черновых первой и второй, является законченным авторским текстом, отвечающим пожеланиям заказчиков, но свободным от прямого редакторского вмешательства (поправок, дописок и пр.). Это своего рода образец творческого преодоления неволи чужих установок и ограничений. Булгаков здесь виртуозный мастер вариаций на мотивы поэмы, блестяще разрешивший серию классических дуэтов из "Мертвых душ".

„МЕРТВЫЕ ДУШИ“ В ТРАНСКРИПЦИИ



М.А. БУЛГАКОВА

М.М.Штрауха взяться за Чичикова, на эту роль намечался и К.А.Зубов.

Работа над текстом продолжалась. Режиссерский (монтажный) вариант сценария вызвал серьезные возражения Булгакова.⁶ Скоро отношения писателя с режиссурой и кинофабрикой решительно расстроились (перипетии этих отношений подробно прослежены Г.Файманом)⁷. Разочаровался в планах постановки и режиссер. Оставив кинопоэму, Пырьев переключился на "современную тему": в 1936 году на экран вышел его фильм "Партийный билет".

Много лет спустя, в 1965 году, Пырьев вернулся к мысли о съемках "Мертвых душ" и подготовил новый текст сценария на основе третьей редакции булгаковского текста и своего режиссерского варианта 1934 года. Этот текст под именами двух авторов, Булгакова и Пырьева, известен читателю по публикациям в журнале "Москва" и в двухтом-

¹ Публикуется впервые по машинописи. - Рукописный отдел ГБЛ, Фонд 562, Картон 15, Ед. хранения 5.

² Первая редакция комедии по поэме "Мертвые души" с введением в ее текст первоначального варианта роли Первого опубликована: М.А.Булгаков. Собр. соч. в 5 т., т. 4. М., 1990. С. 7-62.

³ Первая редакция киносценария по "Мертвым душам" опубликована: Киносценарии. Литературно-художественный альманах. 1987, №4, с. 174-188.

⁴ См.: Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 235-251.

⁵ И.В.Вайсфельд - заместитель директора кинофабрики в то время.

⁶ М.Булгаков. Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С.303.

⁷ См. письмо М.А.Булгакова на Фабрику художественных фильмов от 26 марта 1935 года. - Егоров Б.Ф. М.А.Булгаков - "переводчик" Гоголя. В кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978. С.78-79.

⁸ Г.С.Файман. Кинороман Михаила Булгакова. - Искусство кино, 1987, №7, с.75-91; №8, с.88-98; №9, с.80-92.

⁹ "Москва", 1978, №1, с.125-164; И.Пырьев. Избранные произведения. В 2 т. Т.2. М., 1978. С.189-249.

Многие считают, что если история осуществилась так, как она осуществилась, то иначе и быть не могло. Они даже не допускают того, что другие актеры на политической сцене, возможно, приняли бы другие решения и тем самым придали бы развитию событий совсем другое направление.

Как все пошло бы, спрашивают себя другие, если бы Гитлер был убит еще в 1916 году на Западном фронте? Германия наверняка не развилась бы в тоталитарное государство. Возможно, сложилась бы авторитарная система, как в Испании, Италии или Польше, но мир не знал бы никакого "гитлеризма", а потому и никакой второй мировой войны. На соседей бы Германия не нападала, Германию и Европу не разделили бы.

То есть встает извечный вопрос: порождает ли история действующих лиц или действующие лица делают историю? Или старая проблема: детерминирована ли история? Быть может, мы действуем совсем не по собственной инициативе, а лишь в соответствии с теми грандиозными планами, которые незримо начертал мировой дух?

Толстой, который в своем монументальном произведении "Война и мир" много размышлял над ходом истории, говорит: "Вождь есть по сути дела раб истории".

Так ли это? Надлежит ли истории развиваться так, как она развивалась, или все могло бы произойти совсем по-другому? Действительно ли воля тех или иных актеров значения не имеет, и мировой ли это дух избирает себе именно тех актеров, которые осуществляют его план?

Если это все же мировой дух, будучи гениальным режиссером, всякий раз подбирает себе новых актеров для следующего акта, то дух этот весьма коварен - именно коварство заставило его остановиться на Горбачеве как актере последнего акта XX столетия.

Почему коварство? И что значит: "именно на Горбачеве"? Потому что Горбачев вырос в мире, философия и система которого базируется на идее детерминированного развития общества к социализму; ибо для Маркса история - это как бы физический процесс. Вот и кажется парадоксальным, что глава империи, отличающейся детерминизмом, самопроизвольно и энергично принимается за изменение мира по собственному разумению.

Ведь новое мышление Горбачева означает ни больше ни меньше, чем попытку взглянуть на мир по-новому - то есть без догм, без предубеждений, попытку получить новые ответы. Этот смелый поступок, эта попытка вырваться из детерминированного мышления на свободу затронули за живое миллионы людей. Подспудное брожение охватило все восточное пространство: ничто больше там не останется таким, каким было до сих пор.

Не бомбы, и не ракеты, и не ядерные боеголовки - на которые

эти письма, потому что они пересылались обратно бургомистру для дальнейших распоряжений. Читая их, я понимала, как много надежд связывалось с этим псевдорелигиозным спасителем, так как все письма были написаны в библейском духе, - к фюреру всегда обращались на "Ты" - как к Господу Богу. Не только простые люди, но и часть буржуазии, для которой политика в силу традиции была "гнусной песней" - иные ведь даже хвастались тем, что аполитичны, - не могли осознать, что

Марион Денхоф

учить свои несчастные восемнадцать с половиной марок на целую неделю для семьи из четырех человек. А так жили шесть миллионов безработных - с семьями это, пожалуй, была четверть всего населения. Совершенно обеднела и буржуазия, этот в обычное время гарант стабильности. Инфляция была остановлена лишь при соотношении 4,2 миллиона марок за один доллар. Тут потеряешь любые сбережения.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

Америка ежегодно расходовала 300 миллионов долларов, - сотрясают другую половину мира, - это духовные импульсы: свобода, демократия и права человека. Вопрос остается - актеры ли они, все эти знаменитые люди, вызывающие и совершающие переворот в истории, - или это обстоятельства времени, некая неизбежность физического или материального толка? Конечно, в истории постоянно действуют обе причины. И часто они обуславливают друг друга.

Гитлер мог прийти к власти лишь потому, что таковы были обстоятельства. Существовал целый клубок наисерьезнейших причин, которыми он воспользовался. Определенную роль здесь сыграли "позорный Версальский мир" (так это звучало в ту пору) и репарации, продолжавшие разорять хозяйство, пока не перестала дымиться последняя труба, и тезис об "ударе ножом в спину", и катастрофа, неожиданно разразившаяся в стране самонадеянного народа, которому так долго говорили о победе и чести. Но огонь войны разжег бессовестный демагог Гитлер, предлагавший себя в качестве спасителя беспомощным и сбитым с толку людям.

Люди из нашей деревни в Восточной Пруссии часто писали Гитлеру письма с просьбами. Иногда мне доводилось читать

Гитлер не спаситель, а разрушитель Германии.

Прозорливый Конрад Гейден сказал однажды, - это было еще до захвата власти, - что у немцев странная склонность к абсурду; он охарактеризовал национал-социализм забываемыми словами: "...марш без цели, угар без хмеля, вера без бога...".

Я очень хорошо помню догитлеровское время, особенно год 1929-й, потому что в ту пору заканчивала школу. Я училась в Потсдаме. В моем классе - я там была единственной девочкой - учились два следопыта, великолепных полковника Гитлера, которые просто бредили сборищами у костра и все стремились крепить ряды партии. Они прямо-таки атаковали меня, чтобы в партию вступила и я.

Их аргументы были очевидны, да и у меня самой было такое чувство, что комбинация социализма с национализмом могла быть именно тем, что требовалось сейчас; все другие партии, это было совершенно ясно, не видели никакого выхода из становившегося все более безутешным экономического и социального положения. Слишком часто в Восточной Пруссии, когда доводилось приезжать в Кенигсберг, я видела длинные очереди серых, изуродованных людей, часами выстаивавших на холоде, чтобы пол-

Я еще никогда Гитлера не видела, мне хотелось быть во всем уверенной, прежде чем принять какое-либо решение. Вот я и отправилась однажды из Потсдама в Берлин, потому что "фюрер" должен был там произнести речь в каком-то доме местного самоуправления. Во время выступления он неистовствовал, брызгал слюной и нес, как мне показалось, сплошную чушь. Домой я вернулась в отвратительном настроении и друзьям своим заявила: "Без меня" - и: "С этим - никогда!"

В ту пору, в 1929 году, партия имела всего 12 мандатов, на сентябрьских выборах 1930 года неожиданно 107, а спустя два года 230 нацистов вошли в парламент. Чем дольше длилось бедственное положение, тем больший вес приобретали национал-социалисты и коммунисты, тогда как "середины" постепенно себя истощала. Что ни день, между нацистами и коммунистами происходили побоища, на улицах и задних дворах текла кровь, а очереди перед благотворительными кухнями становились все длиннее.

В подобные времена требуется не только спаситель, но и враг, на которого можно свалить любую вину. Врагом Гитлера, который должен был послужить этой цели, были евреи, марксисты и все, как он это называл, "надгосудар-

ственные власти". Мне бы хотелось немного задержаться на роли, которую играют подобные образы врага, потому что их значение в мире велико с самых давних пор и возрастает прежде всего там, где ими можно беспрепятственно пользоваться в пропагандистских целях.

Из соображений целесообразности, а точнее из инстинкта самосохранения в ГДР, к примеру, из Федеративной Республики сварганили образ врага, не имевший ничего общего с реальностью. "Программа учебной и воспитательной работы в детском саду", которая была вручена в 1985 году в качестве руководства к действию воспитателям тринадцати тысяч детских садов, предполагает вдалбливание схемы "Друг - враг" самым юным гражданам страны. В программе, разработанной СЕПГ, говорится: "Дети должны узнать, что есть люди, которые являются нашими врагами, против которых нам надлежит бороться, потому что они хотят войны".

Воспитателям рекомендуют направлять интерес детей на игрушки, с помощью которых стимулировалось бы стремление "играть в Народную армию". И это для четырехлеток. У детей старших групп ненависть разжигается еще более явно. Стереотип врага насаждается и в армии ГДР. В инструкциях говорится, что солдат "необходимо постоянно знакомить с реальным врагом".

Образы врага - своего рода универсальное оружие: они объединяют, освобождают от необходимости думать самому, они придают юридическую силу предрассудкам, санкционируют любой произвол. На всех "не таких" ничтоже сумняшеся навешиваются ярлыки: гомосексуалисты, коммунисты, евреи, интеллигенты, иностранцы. Враг всегда чужак, аутсайдер, на него направляются все отрицательные эмоции.

В основе такой позиции лежит представление о соотношении "друг - враг". Враг - это всегда зло, сам же ты - носитель только добра. И в нравственном отношении Ты всегда на более высокой ступени, другой же относится к "realm of evil"¹. Все это было действительно для примитивного строя, где соседский род изображали как опасного и злого врага, чтобы сплотить собственный клан. Но это оказалось действительно и в эпоху высочайших технологий для соперничающих супердержав.

Советский Союз и Америка годами пользовались одинаковой аргументацией. Оружие против-

ника всегда предназначено для агрессии, собственное же - исключительно для оборонительных действий. Свои партизаны - сам собой, борцы за свободу, партизаны противника, кто же в этом усомнится, - террористы.

Израсходованы были тысячи миллиардов. Каждый локальный конфликт в Азии, Африке и Южной Америке становился неотъемлемой частью спора между Востоком и Западом, воевали годами, и оплакивать приходится множество жертв. Сейчас же, когда наступила разрядка, выясняется, что якобы смертельные противоречия между соперниками явно искусственно обострялись, потому что, стоило двум великим державам признать, что в этом вселенском споре нет ни победителей, ни побежденных, да к тому же разоряешь собственную страну, как тут же с конфронтацией было покончено и повсеместно установлен мир. И за стол переговоров сели стороны, которые годами клялись, что именно этого они никогда не сделают: Вашингтон и Москва, Южная Африка и Ангола, Намибия и Свапо, в Польше коммунисты и Солидарность, в ГДР СЕПГ и оппозиция, и в ЧССР та же картина.

Изобретатели расточительной политики гонки вооружений утверждают, конечно, что именно эта "политика силы" принудила русских стать податливыми. Но доказать этого они не могут. Я думаю, что новое мышление Горбачева было важнее, чем ракеты и танки; если бы Генеральным секретарем оставался Брежнев, то о переменах, вероятно, не могло бы быть и речи.

Следовательно, в данном конкретном случае инициатором перемен стал один-единственный человек, глава одной из двух сверхдержав, без которого перемены не состоялись бы. Разумеется, и время для перемен созрело, в полный упадок пришла экономика марксистского режима: отчаяние, негодование и ненависть населения достигли точки кипения. Но без гласности, без призыва Горбачева к открытости, диалогу, критике все и далее продолжало бы находиться в прежнем оцепенении. Только когда люди избавились от страха, который глубоко в них сидел после стольких лет террора, они осознали обман, который дважды над ними совершала сверхдержава: "Народ - это мы" - таков был гневный протест массовых демонстраций в Лейпциге.

Видный историк Якоб Бурхардт, много размышлявший о переменах в мировой истории, более ста лет тому назад писал: "Когда час пробил, истина рас-

пространяется с быстротой эпидемии через сотни миль среди разных народов, едва ли знающих что-либо друг о друге. Весть передается по воздуху, и в том единственном, чего она касается, люди сразу начинают понимать друг друга, будь это даже весьма невнятное: "Пришло время перемен".

Он приводит два примера. Первый крестовый поход, который, как он говорит, заставил массы людей отправиться в путь буквально через считанные дни после проповеди, и Крестьянская война, где "в сотнях маленьких областей крестьяне одновременно сошлись во мнении...".

Ответственность в истории: тот, кто следит за ходом истории, должен констатировать, что решающими в истории являются не факты, а мнения людей об этих фактах. Но если это так, это означает, что субъективные взгляды могут становиться объективными фактами, а это, в свою очередь, выявляет, сколь невероятно тяжела ответственность, которая лежит на руководстве страны. Ибо все то, что оно допускает как образ врага (или даже само таковой создает), все те ожидания, которые оно пробуждает, а затем часто в них разочаровывает, все те традиции, которые на деле оказались вредными и от которых оно не отказалось, определяют судьбу народов.

Эрнст Ройтер, первый бургомистр Берлина, столетие со дня рождения которого мы недавно отмечали, блестяще суммировал то, что послужило причиной гибели Германии и среди многого другого привело также ко второй мировой войне: "Деполитизация ранее исключительно свободолюбивой буржуазии, губительное наследие Бисмарка, отделение университетов, институт резервистов, кастовость среди чинов-

ников, обращение буржуазии к чистому зарабатыванию денег, а интеллигенции к неполитическому решению проблем, - тысячи каналов питали это трагическое поведение среднего сословия, оно делало его предрасположенным к аполитичности и брожению, оно способствовало победе фашизма, охватывая все без исключения массы избирателей".

Мировую войну сегодня едва ли можно себе представить, но экономические кризисы и их дестабилизирующие общественную жизнь последствия нам еще несомненно предстоят. Но не только в таких случаях, а и в нормальные времена - и об этом мы никогда не должны забывать - ответственность несут не только те, кто за политику отвечает, но и рядовые граждане, ибо их субъективные мнения становятся объективными фактами.

Перевел Геннадий Каган

Марта Пессарродона

То ли песенка, то ли молитва

*Любовь, когда придет
пора бесплодных слов,
молю, одень безмолвьем
улицы и дома,
пометь разлукой
места и пути,
где мне тебя больше не найти.*

Перевела Александра Косс

¹ Царство зла (англ.)

Произносятся слово "провинциализм", мы обычно автоматически представляем себе тех, кто живет где-то вдалеке от главных путей, шоссе, автострад, авиа или паромных линий, тех, кого история каким-то образом обошла стороной или кто ее каким-нибудь способом сам обошел, чтобы постепенно оказаться чуть ли не на иной планете, в ином, разумеется, прошедшем времени, в иной, разумеется, менее великой истории и жить там иной, разумеется, менее интересной или даже совсем неинтересной жизнью, вдалеке от главных направлений развития цивилизации и культуры.

Правда, вполне могло произойти и нечто обратное. История по самым разным причинам нередко начинает искать новые главные пути, которые пересекаются на новых перекрестках и направляются к иным целям. Провинциализм мог стать, таким образом, уделом отнюдь не географическим и отнюдь не связанным с привычной отдаленностью от

тория их каким-то образом обошла и они из метрополии превратились в провинцию. По чьей вине? По собственной? По чужой? Положительно ответив на любой из этих вопросов, мы неотвратимо поддадимся провинциальному образу мышления. Угрызения совести, доходящие до коллективного мазохизма, равно как и слезы над упущенным шансом или несправедливостями географии и демографии, а чаще бессильная брань в адрес тех, кто во всем виноват, или ностальгическое воспевание, мифологизация утраченного прошлого - безразлично, давнего или не слишком давнего, - все это вместе или по частям означает: замкнуться в рамках своей периферии, в своем уезде, крае или деревне,

АНТОНИН ЛИМ ирландец
Джойс, норвежец Ибсен, датчанин Кьеркегор, чех Гашек или поляк Милош, если говорить только о литературе и только о последнем столетии.

Наряду с национализмом и с провинциальностью как его неизбежным спутником, отличительной чертой малых народов, малых культур в лице их лучших представителей бывает их большая строгость к себе, более жесткая критика собственного вклада и любой попытки внести его, обусловленные сознанием, что только таким образом можно преодолеть собственную данность и добавить

О ПРОВИНЦИАЛИЗМЕ

откуда, как правило, нет выхода. Обстоятельства, при которых был задан вопрос, и обстоятельства ответа на него столь тесно связаны с локальным уделом, мироощущением и контекстом, что такой выход они практически исключают.

Но можно ли избежать подобных вопросов? Можно ли на них не отвечать или хотя бы не пытаться ответить? По всей видимости - нельзя, наверняка - нельзя, однако это еще не повод, чтобы превратить их в исходную точку собственного интеллектуального существования, в меру и смысл вещей, чтобы противопоставлять человека здесь человеку там или где-то, а потом удивляться, что им интересуются только и в первую очередь здесь, хотя судьба его так значительна, так трагична и так неповторима, так безгранично заслуживает всеобщего внимания, восхищения, удивления или жалости. От такого подхода уже всего шажок до ненависти, презрения, упреков или безразличия к тем, кто там или где-то, кто нас не понимает, до отсутствия интереса к ним или, наоборот, до безоговорочного восхищения ими как раз потому, что они не здесь, а там, где-то; всего шажок до стремления не быть здесь, а быть там, где-то. В конце концов, это точно такой же признак провинции, как и самоуверенная гордость тем, что я именно здесь, словно бы всем назло, а кто этого не понимает, кто меня не понимает, тот дурак.

Если вы без гнева и злобы дошли до этого места, то вполне логически возразите: малым всегда хуже. Дракон провинциализма здесь куда сильнее, у него больше голов, и биться с ним обычно просто выше их сил.

Действительно ли это так? Не больше ли правды в том, что малые народы, замкнутые в малых языках, острее чувствуют опасность изоляции, энергичнее стремятся вырваться за пределы собственной данности, лучше, чем великие народы, понимают, что реально - отнюдь не по велению судеб, а по собственной воле - сами собой они могут быть лишь в том случае, если без предрассудков откроются миру, всему миру, впустят его в себя, впитают его, а потом добавят к нему еще какие-то собственные параметры, которые вовсе не обязательно будут чем-то небывало новым и революционным, а лишь еще какими-то параметрами донныне известного. Мир тем самым немножко расширится, увеличится, хотя, возможно, даже не заметит, что именно мы его таким образом увеличили. Так, к при-

меру, расширили мир ирландец Джойс, норвежец Ибсен, датчанин Кьеркегор, чех Гашек или поляк Милош, если говорить только о литературе и только о последнем столетии.

Наряду с национализмом и с провинциальностью как его неизбежным спутником, отличительной чертой малых народов, малых культур в лице их лучших представителей бывает их большая строгость к себе, более жесткая критика собственного вклада и любой попытки внести его, обусловленные сознанием, что только таким образом можно преодолеть собственную данность и добавить

нечто свое к результатам труда остальных. Разумеется, мы нередко слышим, что малых, слабых, униженных и поработанных нужно судить мягче, снисходительнее, учитывая их положение, изоляцию, историю, и прочее, и тому подобное. И, разумеется, малые чаще, чем великие, сами бранят именно тех, кто вышел из их среды, из их уезда и придал миру частицу своих качеств, - ирландцы Джойса, норвежцы Ибсена и Мунка, чехи Кундеру, но также и Дворжака или Гашека, - и таким примерам несть числа, - а потом ставят им памятники, создают музеи и греют в лучах их мировой славы собственную уездность. Но правда и то, что отличительной чертой малых народов бывает способность выдвигать из своей среды личности, которые бескомпромиссной критикой "своих", а значит и себя, неотступным требованием, чтобы их мерили только самыми строгими мерками, помогают преодолеть провинциализм и провинциальный национализм, тот, что служит лучшим прибежищем и защитой посредственности и менее чем посредственности. Всегда и везде.

Но существует и иной провинциализм, часто не замечаемый, хотя он сразу бросается в глаза, более опасный и ничуть не менее трагикомичный. Провинциализм великих, или точнее - провинциализм великих культур. Великие культуры - то есть, как вытекает из самого понятия, культуры великих народов, говорящих на широко распространенных языках, - слишком часто поддаются коллективной иллюзии, будто они могут жить сами по себе, будто они для того и сотворены, чтобы обогащать мир, дарить свет другим, будто они от природы наделены таким назначением, а если и соглашаются что-нибудь брать от других, то лишь по крупницам, скорее как особую приправу к собственной пище, как нечто такое, что им вроде бы не слишком-то и нужно, без чего вполне можно обойтись, но в обществе об этом говорят, в хороших ресторанах это подают - что ж, попробуем и мы.

Не случайно при нормальных, цивилизованных условиях, которые некогда хотя бы на краткий миг господствовали в Европе, норвежцы, датчане и чехи были далеко впереди всех по количеству книг, ежегодно переводимых с иностранных языков, не случайно великие мыслители или авторы гораздо быстрее переводились на языки малых культур, чем на языки тех исполинов, которые поделили между собой земной шар. Заго-

Томаш Лубенский

*Ты что бежал в похищенном мундире
в багажнике или на воздушном шаре
один пробился или с кем-то в паре
подкопы рыл спал на чужой квартире*

*ради ребенка ты ушел или ради
идей высоких в сумерках белесых
во тьме крошечной в ледяных торосах
не попрощавшись с горечью во взгляде*

*с автобусным билетом с рваной книжкой
с зубным скрежетом с листком кашны
с семьей уваленной наполовину
со шкурой пса любимого под мышкой*

*то с вызовом глядишь ты то уныло
опомнись лучше ты смешал понятия
здесь все свои все беглецы все братья
грань пройдена и то что было - было*

*отечеству сулишь ты возрожденье
молись грехи тебе простит Всевышний
а моралисты с их улыбкой лишней
исчезнут рухнут в омуты забвенья*

Перевел Святослав Свяцкий

центров цивилизации, а историческим, будучи результатом того, в чем одни видят колесо истории, другие - перст Божий, третьи - исторический процесс, развитие, если не сказать прогресс, и так далее.

В конце концов может показаться, что этот второй вариант - скорее правило, а первый - скорее исключение. Что на свете гораздо меньше тех, кто никогда не имел возможности проявить величие, быть в центре и для кого провинциализм вследствие этого стал уделом, и гораздо больше тех, кто такую возможность имел, ею пользовался, а потом ис-

ворите сегодня с представителями великих культур, и вы быстро выясните, насколько меньше в большинстве случаев знают они о культуре иных народов, чем представители малых культур. И тотчас поймете, что это одна из причин, отчего нередко и о собственной культуре они знают меньше, чем живущие с ними по соседству малые народы.

Поглощенные собственной данностью, которая на первый взгляд ставит их в столь выгодное положение, великие культуры погружаются в провинциализм, нередко просто поразительный. Речь идет не только о масштабах их незнания и неведения о других, об окружающем мире, который так дурно влияет на качество и оригинальность их собственного вклада. Но, что еще более странно, точно так же, как это присуще провинциализму малых народов, здесь имеет место нескритичное восхищение иными великими культурами *там и где-то*, касается ли это отношения нынешних французов к американской культуре (особенно массовой), американцев к французской или, скажем, европейской, не говоря уже о России, где налицо оба основных признака абсолютной провинциальности: изоляционистский культурный национализм и нескритическое преклонение перед *там и где-то*, прежде всего перед Америкой, - сливаются в устрашающую амальгаму, способную полностью скрыть под собой реальное величие русской культуры.

При этом провинциализм великих культур несет в себе явную опасность. Реши вдруг норвежцы или чехи во имя собственного величия и величия своей цивилизации спасти мир, человечество может спать спокойно. Но если, исходя из тех же доводов, такое решение примут американцы или русские, - дело плохо. Тем более что культурный организм великих обычно вырабатывает меньше защитных средств от провинциализма, чем культурный организм малых.

В широких современных дискуссиях о культуре тема провинциализма заслуживает особого внимания. Не только как материал для исторических размышлений о том, что появилось прежде - курица национализма или яйцо провинциализма (одно всегда служит причиной или оправданием другого). Но и как чрезвычайно важный первоисточник кризиса культуры, в смысле всеобщем и индивидуальном.

Перевела В. Каменская

Представление о поэте как о неисправимом Доне Джованни - относительно недавнего образца. Подобно многим понятиям, имеющим широкое хождение в массовом сознании, оно, по-видимому, есть побочный продукт промышленной революции, которая, вследствие качественных скачков в концентрации населения и распространении грамотности, породила сам феномен массового сознания. Иными словами, этим образом поэта мы, по-видимому, скорее обязаны читательскому успеху байроновского "Дон Жуана", нежели романическому спи-

ALTRA EGO

ску его автора - списку, может быть, ужасо-ущему, но в то время неизвестному публике. К тому же, на каждого Байрона всегда найдется Вордсворт.

Девятнадцатый век как последняя эпоха социального согласия и сопутствующего ему филистерства создал подавляющее большинство понятий и отношений, которые свойственны нам или движут нами сегодня. В поэзии этот век бесспорно принадлежит Франции: и может быть, экспансивная жестикуляция и экзотические склонности французских романтиков и символистов способствовали утверждению равно дурного мнения о поэте и расхожих плебейских представлений о французах как о записных развратниках. В конечном счете за этим очернением поэтов скрывается инстинктивное стремление всякого общественного порядка - будь то демократия, автократия, теократия, идиократия или пустократия - скомпрометировать или преуменьшить авторитет поэзии, который не только конкурирует с авторитетом государства, но и ставит под вопрос личность как таковую, ее достижения и душевный покой, ее самоценность. В этом смысле девятнадцатый век верен лишь традициям клуба: когда заходит речь о поэзии, каждый буржуа - Платон.

Однако античность, в общем и целом, отличало более экзальтированное, но и более здоровое отношение к поэту. Это было связано как с политеизмом, так и с тем обстоятельством, что поэт служил развлечению публики. Если исключить взаимную пикировку - принадлежность литературного ремесла в любую эпоху, - пренебрежительное обращение с поэтом в античности - редкость. Поэтов чтили как особ, родственных божествам: в общественном сознании они помещались где-то между прорицателем и полубогом. И действительно, как явствует из мифа об Орфее, сами небожители нередко бывали их слушателями.

Иосиф Бродский

Этот миф не имеет ничего общего с идеей Платона, а также с особенной ясностью раскрывает свойственные античности представления о душевной цельности поэта. Орфей отнюдь не Дон Джованни. Он полон такого смятения, оплакивая смерть жены своей Эвридики, что его стоны достигают ушей олимпийцев, и они дают ему позволение спуститься в царство мертвых и привести ее обратно. То, что этот поход (в поэзии подобные нисхождения совершались впоследствии у Гомера, Вергилия и, самое главное, Данте) заканчивается неудачей, лишь говорит о силе



чувства поэта к его возлюбленной и, конечно, о постижении древними сущности вины.

Сила этого чувства, как и дальнейшая судьба Орфея (он был растерзан толпой разъяренных менад, отказавшись - из-за принятого им в знак траура по Эвридике обета целомудрия - предать себя их нагим прелестям), свидетельствует о моногамной природе страсти по крайней мере этого поэта. Хотя у древних, в отличие от монотеистов последующих веков, моногамия не была в большом почете, следует отметить, что они не впадали и в противоположную крайность и верность, как особую добродетель, оставили в удел своему первому поэту. Вообще, в античности единственной женщиной, которая, помимо возлюбленной, присутствовала в повестке дня у поэта, была его Муза.

В современном сознании они почти сливаются: в античности - нет, потому что Муза едва ли была телесна. Дочь Зевса и Мнемозины (богини памяти), она была недоступна для осязания: свое присутствие перед смертными, в особенности поэтом, она обнаруживала лишь голосом: диктуя ему ту или иную строчку. Иными словами, она была голосом языка. Поэзия, как сказал Монтале, - безнадежно семантическое искусство, и это языку

в действительности внимает поэт, это язык на самом деле диктует ему следующую строчку. И, может быть, именно родом языка в греческом (glossa) объясняется женственность Музы.

С теми же символическими последствиями существительное "язык" женского рода в латыни, французском, итальянском, испанском и немецком. Но в английском "язык" - это "оно", в русском - "он". Тем не менее, независимо от грамматического рода языка, привязанность к нему поэта моногамна, ибо поэт, - по крайней мере, по роду своих занятий, - моноглот. Можно было бы даже утверждать, что способность к верности без остатка расходуется на Музу, как подразумевается романической программой поэта в байроновском варианте, - но это было бы справедливо лишь в том случае, если бы каждый был волсен в выборе языка. А так язык - это даннос, и сведения о том, к какому полушарию мозга относится Муза, представляли бы ценность, только если было бы можно управлять этой частью своего организма.

Поэтому Муза - не альтернатива возлюбленной, но ее предшественница. Вообще, как "старшая женщина", Муза, в девичестве - язык, играет решающую роль в душевном развитии поэта. Она определяет не только его эмоциональный склад, но нередко и выбор самого предмета страсти. Это она делает поэта фанатиком одной идеи, потому что его любовь становится выражением ее монолога. То, что в сердечных делах равносильно упорству и одержимости, есть, в сущности, диктат Музы. Если так можно выразиться, любовь - переживание всегда монотеистическое.

Этим, конечно же, не преминуло воспользоваться христианство. И все же есть нечто, что действительно связывает религиозного мистика и язычника-сенсуалиста, Джерарда Мэнли Хопкинса и Секста Проперция: эмоциональный абсолютизм. Сила этого эмоционального абсолютизма такова, что временами он бьет дальше ближней, а нередко и дальней цели. Как правило, ноющий, идиосинкразический, замкнутый на себя, настойчивый голос Музы выводит поэта за пределы как удачных, так и неудачных союзов, за пределы тягчайших бед и пароксизмов счастья - ценой реальности с присутствующей или отсутствующей в ней реальной и отвечающей взаимностью девой. Иными словами, тон повышается ради повышения тона, будто язык влечет поэта туда, где он возник, где в начале было слово или внятный звук. Отсюда множество распавшихся браков, множество длинных стихотворений, отсюда метафизические пристрастия поэзии, ибо каждое слово хочет вернуться туда, откуда оно пришло, хотя бы как эхо, мать рифмы. Отсюда же - навязанная поэту репутация пошлости.

Из всех многочисленных средств одурачивания публики пенки снимает биографический жанр с его пристрастием к копанию в простынях. То, что погубленных дев намного больше, чем бессмертных стихотворений, похоже, никого не останавливает. Последний оплот реализма, жанр этот исходит из той сногшибательной предпосылки, что искусство можно объяснить жизнью. Следуя этой логике, "Песнь о Роланде" должен был сочинить Синяя борода (ну хотя бы Жиль де Ре), а "Фауста" - Фридрих Прусский, или наоборот.

Объединяет же поэта с его менее вразумительно изъясняющимися собратьями то, что его жизнь - заложник его *metier*¹, а не наоборот. И дело не просто в том, что ему платят за его слова (редко и мало): важно, что и он за них платит (часто страшной ценой). Последнее и создает путаницу и плодит биографии, потому что эта плата принимает форму не только безразличия: приемлема и такая валюта, как остракизм, тюрьма, ссылка, забвение, отвращение к себе, неопределенность, раскаяние, безумие и разного рода пагубные пристрастия. Грубо говоря, чтобы продать написанное и чтобы избежать штампов, наш поэт должен постоянно стремиться в такие пределы - умственные, психологические или лексические, - где никто прежде не бывал. Оказавшись там, он обнаруживает, что вокруг действительно нет никого, кроме, может быть, исходного значения слова или того первого внятного звука.

За это с него взимается дань. Чем больше времени он проводит за этим занятием - изречением донны неизреченного, - тем более идиосинкразическим становится его поведение. Являющийся ему по ходу дела откровения и прозрения могут вызвать у него либо прилив гордыни, либо - что более вероятно - растущее чувство смирения перед силой, которую он угадывает за этими откровениями и прозрениями. Он также может проникнуться убеждением в том, что язык, самое старое и живучее из всего сущего, сообщает ему, своему глашатая, равно свою мудрость и знание будущего. Каким бы общительным или смиренным ни был он от природы, это еще больше выбивает его из социального контекста, который отчаянно пытается его востребовать, проводя свой общий знаменатель через его солнечное сплетение.

Это происходит вследствие якобы женственности Музы (даже если поэт оказывается женщиной). Однако истинная причина заключается в том, что искусство переживает жизнь, и за люмпенским желанием подчинить первое последней скрывается осознание сего неудобоваримого факта. Конечно всегда принимает вечное за бесконечное и возводит на этом свои построения. В этом, разумеется, виновато вечное, потому что оно не может время от времени не вести себя как конечное. Всякий поэт, будь он последний женоненавистник или мизантроп, когда-нибудь раздражается потоком любовной лирики, хотя бы в знак принадлежности к цеху или в качестве упражнения. Это дает достаточный повод к научным изысканиям, толкованию текста, фрейдистским интерпретациям и бог знает чему еще. Общий ход рассуждения таков: женственность Музы предполагает мужественность поэта. Мужественность поэта предполагает женственность возлюбленной. Эрго: возлюбленная является Музой или может таковой называться. Другое эрго: стихотворение есть сублимация эротических вожделений поэта и должно рассматриваться соответственно. Просто.

То, что Гомер, когда он писал "Одиссею", был, вероятно, уже весьма дряхлый старец, как, несомненно, дряхлый старец был Гете, дойдя до второй части "Фауста", не имеет значения. Что вообще нам делать с эпическими поэтами? И как можно постоянно сублимировать и при этом оставаться повесой? Поскольку без этого выражения нам, похоже, не

обойтись, не будет ли достойнее предположить, что и поэтическая, и эротическая активность - формы проявления творческой энергии, что сублимация имеет место в *обоих* случаях? Что касается Музы, этого ангела языка, этой "старшей женщины", то биографам и публике лучше бы оставить ее в покое, а раз уж они не могут, то, по крайней мере, пусть помнят, что она старше всякой возлюбленной или матери, что ее голос более неумолим, чем усвоенный от матери язык. Она будет диктовать поэту вне зависимости от того, где, как и когда он живет, и не этому поэту, так следующему, - отчасти потому, что жить и писать - это два разных занятия (вот для чего два разных глагола), и уравнивать их более нелепо, чем разделять, ибо прошлое литературы богаче, чем прошлое любого отдельного человека, какова бы ни была его родословная. Тембр этого голоса, тембр времени (в отличие от божества, говорящего обычно повелительным тоном) напоминает гул, скорее даже монотонный, чем утешительный, что несколько убавляет женственности Музе. Но поскольку количество наличных полов ограничено, сгодится и дева с флейтой.

"Облик девы, конечно, облик души для мужчины", - написал русский поэт, и именно это стоит за подвигами Тезея или святого Георгия, поисками Орфея или Данте. Сама обременительность подобных предприятий свидетельствует об ином мотиве, нежели просто похоть. Другими словами, любовь - дело метафизическое, цель которого - осуществление или освобождение души: выветривание из нее шелухи бытия. В этом заключается и всегда заключалась сущность лирической поэзии.

В эпоху, которую мы называем современной, и поэт, и его читатели привыкли к коротким планам. Но и наш век знает довольно исключений, когда по доскональности разработки предмета поэт соперничает с Петраркой. Примером может быть Ахматова, может быть Монтале, могут быть "темные пасторали" Роберта Фроста и Томаса Харди. Часто творчество поэта, если он живет достаточно долго, предстает как жанровая вариация одной темы, что позволяет отличить танцора от танца - в нашем случае, стихотворение о любви от любви как таковой. Если поэт умеет любить молодых, танцор и танец как бы сливаются воедино.

Хотя бы потому, что стихотворение о любви - чаще всего произведение прикладного искусства (то есть пишется затем, чтобы добиться девы), оно подводит автора к эмоциональному и, вполне возможно, лингвистическому пределу. В итоге, написав такое стихотворение, он знает себя - свои психологические и стилистические возможности - лучше, чем он знал их ранее, что и объясняет популярность этого жанра среди тех, кто в нем подвизается. Кроме того, иногда автор добивается девы.

Отвлекаясь от практического применения любовной лирики, ее обилие вызвано просто-напросто тем, что она есть продукт душевной необходимости. Зародившись в связи с конкретным адресатом, эта самая необходимость может остаться соразмерной этому адресату или обрести самостоятельную динамику и силу под воздействием центробежной природы языка. Следствием последнего бывает либо цикл любовных стихотворений, посвященных одному и тому же лицу, либо неко-

¹ Ремесло (фр.)

торое количество стихотворений, расходящихся, так сказать, в разных направлениях. Совершаемый при этом выбор - если можно говорить о выборе там, где действует необходимость, - не столько нравственный или духовный, сколько стилистический, и определяется продолжительностью жизни поэта. И вот здесь-то стилистический выбор - если можно говорить о выборе там, где властвуют случай и течение времени, - чреват последствиями духовного свойства. Ибо в конечном счете любовное стихотворение, в силу необходимости, - произведение нарциссизма. Оно запечатлевает, пусть даже с большой художественной выразительностью, собственные чувства автора и в этом качестве является собой скорее автопортрет, чем портрет возлюбленной или ее внутреннего мира. Если бы не наброски, картины, миниатюры и фотографии, то часто, прочитав стихотворение, мы бы и не знали, в чем же, вернее, в ком же, собственно, было дело. Да и при наличии оных мы мало что узнаем о изображенных на них красавицах, кроме того, что они отличались от своих бардов и что, на наш взгляд, не все они могут называться красавицами. Но и тогда картинка редко дополняет текст, и наоборот. Кроме того, портрет души и портрет на журнальной обложке заведомо подчиняются разным критериям. Во всяком случае, для Данте понятие красоты определялось способностью ее носительницы разглядеть в овале человеческого лица семь букв, составляющих выражение "Homo Dei".²

Таким образом, именно неслиянность создает метафизическую возможность, или, говоря иначе, различие между танцором и танцем: любовной лирикой и стихами о любви или одушевленными любовью. Стихотворение о любви не настаивает на реальности самого автора и редко прибегает к "я"; оно о том, что есть не он, о том, что он воспринимает как отличное от себя. Если это зеркало, то маленькое и расположенное слишком далеко. Для узнавания в нем себя, помимо смирения, требуется линза такой силы увеличения, при которой наблюдение неотлично от зачарованности. Предметом стихотворения о любви может быть практически что угодно: черты девы, ленты в ее волосах, пейзаж возле дома, плывущие облака, звездное небо, какая-нибудь вещь. Оно может не иметь отношения к деве; в нем может описываться диалог между двумя мифологическими или реальными персонажами, букет, снег на железнодорожной платформе. И все же читатели поймут, что они читают стихотворение, одушевленное любовью, по пристальности внимания, уделяемого той или иной детали вселенной.

Знаменитое восклицание Пастернака: - "Всесильный бог любви, всесильный бог деталей!" - пронзительно именно потому, что сумма этих деталей не имеет решительно никакого значения. Несомненно, существует соотношение между незначительностью детали и пристальностью уделяемого ей внимания, равно как между сим последним и мерой духовного совершенства, потому что любое стихотворение, независимо от предмета, - само по себе акт любви, не столько автора к своему предмету, сколько языка к фрагменту реальности. Ей нередко присуще элегическое настроение, тембр жалости, так бывает потому, что это любовь большего к меньшему,

²Человек божий (лат.).

постоянного к преходящему. Это, разумеется, не влияет на романтическое поведение поэта, поскольку он, физическая сущность, охотней отождествляет себя с преходящим, чем с вечным. Ему дозволено знать лишь то, что, когда речь идет о любви, самой адекватной формой выражения является искусство, что на бумаге можно достичь более высокой степени лиризма, чем на постельных простынях.

В противном случае мы не были бы обременены таким количеством искусства. Точно так же, как мученичество или святость подтверждают не столько существо убеждений, сколько возможности веры, заложенные в человеке, любовная поэзия говорит о способности искусства превзойти реальность - или полностью уйти от нее. Только фотография, может быть, вправе претендовать на то, что она способна *остановить* реальность. И некоторое время тому назад, в маленьком крепостном городке на севере Италии, я столкнулся с попыткой именно такого рода: запечатлеть реальность поэзии посредством камеры. Там устроили небольшую выставку фотографий возлюбленных приблизительно тридцати великих поэтов двадцатого века - жен, любовниц, сожительниц, юношей, мужчин. Вообще она начиналась Бодлером и заканчивалась Пессоа и Монтале, к каждой фотографии прилагалось знаменитое стихотворение на языке оригинала и в переводе. Счастливая мысль, думал я, влачась вдоль застекленных витрин, где в анфас, в профиль и в три четверти помещались черно-белые лица бардов и тех, кто явили собою судьбу - их или их языков. И вот они были - стайка редких птиц, пойманная в сеть этой галереи, и они в самом деле могли считаться отправной точкой искусства от реальности, а лучше сказать, средством перенесения реальности к высшему пределу лиризма, в стихотворение. В конце концов, для увядающих и обычно брезвых черт искусство - иного рода будущее.

Не то чтобы запечатленным там женщинам (и нескольким мужчинам) недоставало душевных, внешних или эротических качеств, потребных для того, чтобы составить счастье поэта: напротив. Некоторые были женами, другие любовницами или возлюбленными, третьи надолго задерживались в воображении поэта, тогда как их появление в его краях было, возможно, весьма мимолетным. Разумеется, при ошеломляющем разнообразии того, что может вписать природа в человеческий овал, выбор возлюбленной кажется случайным. Для поэта, как для любого другого человека, он сужается обычными факторами - генетическими, историческими, социальными. И все же, возможно, особой предпосылкой выбора, который совершает поэт, становится присутствие в этом овале некоего нефункционального выражения, выражения амбивалентности и незаконченности, претворяющего, так сказать, во плоти сущность его устремлений.

Вот что обычно силится передать такие эпитеты, как "загадочный", "мечтательный" или "потусторонний", и чем объясняется преобладание в той галерее визуально неустойчивых блондинок по сравнению с чрезмерно определенными брюнетками. В общем и целом, во всяком случае, эта характеристика, несмотря на ее расплывчатость, вполне подходила перелетным птицам, пойманым в ту самую сеть. Ощущающие направленный на

них объектив или застигнутые врасплох, эти лица, казалось, были отмечены общим выражением отсутствия, некоей рассеянности мысли. Конечно, в следующую минуту они будут энергичными, собранными, простертыми навзничь, сладострастными, они будут носить ребенка или сбегут с любовником, предстанут кровожадными или страдающими от неверности барда - короче говоря, более определенными. Однако в момент съемки они явили свою пробную, неопределенную сущность, которая, как незаконченное стихотворение, еще не имела следующей строчки, а очень часто предмета. И, как стихотворения, их не заканчивали, их только оставляли. Короче, они были черновиками.

Значит, именно изменчивость одушевляет лицо для поэта, заставляет Петрарку уподобить краткость жизни взмаху ресниц или обретает почти осязаемое отражение в знаменитых строчках Йейтса:

*И вспышки беззаботной красоты,
И как ее любили - впрямь и ложно,
Но лишь один, паломницы тревожной,
Твоей души любил и знал черты.*³

Способность читателя сопереживать этим строчкам говорит о том, что изменчивость обладает для него такой же притягательностью, как для поэта. Точнее, здесь мера его лирического проникновения - есть мера его отчужденности от этой самой изменчивости, мера связанности определенным: чертами или обстоятельствами, или же и тем и другим. Вместе с поэтом он различает в этом меняющемся овале гораздо больше, чем семь букв "Homo Dei"; он различает в нем весь алфавит, во всех его комбинациях, то есть язык. Вот как в конце концов Муза становится женщиной. Четверостишие Йейтса звучит как момент узнавания одной формы жизни в другой: дрожания голосовых связок самого поэта в смертных чертах его возлюбленной, неопределенности в неопределенности. Иными словами, вибрирующему голосу все пробное и запинаящееся отзывается эхом, которое временами возводится в alter ego, или, с поправкой на пол, *altra ego*.

Невзирая на императивы пола, давайте не забывать, что *altra ego* - не Муза. В какие бы солипсические глубины ни ввергал поэта плотский союз, ни один поэт не примет свой голос за эхо этого голоса, внутреннее за внешнее. Необходимым условием любви является автономия объекта, желательно в пределах непосредственной досягаемости. То же самое относится к эху, определяющему диапазон голоса. Те запечатленные на выставке - женщины и, более того, мужчины - сами не были Музами уже потому, что находились в пределах досягаемости своих бардов. Они не были Музами, потому что были смертны и их можно было сфотографировать.

Они были (или стали) женами других: актрисы и танцовщицы, учительницы и разведенные супруги, медсестры: они имели положение в обществе и, таким образом, поддавались определению, тогда как главное свойство Музы - позвольте мне повторить - в том, что она неопределима. Они были неврастеничны и безмятежны, распутны и

³ Пер. Э.Л. Линецкой. Последняя строчка в дословном переводе звучит так: "И любил печали твоего изменчивого лица". (Прим. пер.)

строги, набожны и циничны, щеголихи и неряхи, изощренно умны и едва грамотны. Некоторым было наплевать на поэзию и они охотней обнимали обыкновенного хама, чем страстного обожателя. Вдобавок они жили в разных странах, хотя приблизительно в одно и то же время, говорили на разных языках и не знали друг друга. Короче говоря, их связывало лишь то, что нечто сказанное или сделанное ими в определенный момент запустило и привело в движение машину языка, и она покатила, оставляя за собой на бумаге "лучшие слова в лучшем порядке". Они не были Музами, потому что заставили Музу, старшую женщину, говорить.

Пойманные в сеть галереи, думал я, эти птицы певческого рая, по крайней мере, получили подобающий им опознавательный знак, если не собственно кольца. Большинство из них, как и их певцы, уже умерли, и умерли их позорные тайны, моменты триумфа, обширные гардеробы, продолжительные *malaises*⁴ и особые пристрастия. Осталась же песня, в наименьшей степени обязанная своим появлением способности птиц упархивать, чем певцов - щебетать, и все же переживающая обоих - так же, как она переживет своих читателей, которые, по крайней мере в момент чтения, участвуют в ее дальнейшей жизни.

В этом заключается различие между возлюбленной и Музой: последняя не умирает. То же с поэтом и Музой: когда его уже нет, она находит себе другой рупор в другом поколении. Иначе говоря, она всегда бродит около языка и как будто не возражает, если ее принимают за обыкновенную деву. Ее забавляет эта ошибка, и она старается ее исправить, диктуя своему подопечному то страницы *Paradiso*, то стихотворения Томаса Харди 1912-1913 годов, то есть строки, где голос человеческой страсти уступает голосу лингвистической необходимости.

Возможно, наилучшее тому подтверждение - главенствующее место, которое в поэзии занимает элегия. По определению, стихотворение "in memoriam" всегда нефункционально, потому что его адресата нет. Его практический смысл - лишь в излиянии горя. Но у любого достаточно стеснительного человека, каким неизбежно является поэт, этот механизм преодоления горя либо вызывает сопротивление, либо, когда к нему прибегают, усиливает чувство вины. Если же тем не менее он раздражается элегией, то потому, что профессиональная часть его существа полагает, что стилистические аспекты разработки предмета могут открыть в нем новое измерение, новую перспективу его видения. Осознание такой возможности есть голос лингвистической необходимости, диктат Музы.

Прекрасный пример в нашем случае - великий стихотворный цикл Томаса Харди 1912-1913 годов. Будто бы оплакивая смерть жены поэта Эммы Харди, этот цикл, слава английской поэзии, следует буквально по пятам "Слияния Твейна", центральная метафора которого - несчастливый брак. Следует добавить, что брак продолжался тридцать восемь лет и что меньше чем через два года после смерти героини цикла поэт женился опять. Следует также отметить, что поэтическая продукция Харди при-

близительно на одну треть так или иначе состоит из кладбищенских медитаций.

Это соотношение определяется не продолжительностью жизни самого поэта и не частотой потерь. Оно определяется родством между брэнностью самого средства (стихотворения, стремящегося к концу) и человеческого удела (конечностью жизни). Так, могильная плита часто служит Харди отправной точкой: действительно трамплином для постижения реальности. Агностик, он обладает гораздо большим вкусом к метафизике, чем верующий, который обычно довольствуется тем, что предлагает вера. К этому нужно добавить антилирическую, я бы сказал, антиутопическую (ибо в своем удалении от обычной речи лиризм равносильен обещанию утопии), фактуру стиха Харди, его отвлечение к гладкой строке и тяготение к грубой поверхности, что не столько убеждает читателя в искренности высказываний поэта, сколько предохраняет самого поэта от самообмана.

И он не был обманут в этом цикле: ни горем и раскаянием, ни самим стихом. Стихи 1912-1913 годов замечательны тем, что посвящены они памяти не жены, а невесты. Иными словами, бесконечность, над которой размышляет и которую постигает поэт в своем цикле, - это не бесконечность загробной жизни, а скорее та бесконечность, которая отделяет его от Эммы Гиффорд какой она "явилась ему там/ На склоне, видимом лишь немногим,/ Который спускается на восток/ К солонному краю моря" в Корнуолле в 1874 году. Это Эмму Гиффорд, увиденную впервые в том небесно-голубом платье, он старается различить сквозь мутный, темный, уже холодный телескоп Эммы Харди в 1912-1913 годах, это она преследует его повсюду. Это и есть любовная поэзия в самом подлинном смысле, потому что она говорит читателю о том, как толсты линзы, как далека и недостижима звезда, - словом, о том, что становится с любовью, к чему прибавляет или от чего отнимает любовь.

Так сказать, смерть Эммы Харди выпускает в мир, по крайней мере на бумаге, Эмму Гиффорд, позволяя ей занять место, если не время, заказанное ей в настоящем: она становится стихотворением, принадлежностью Искусства, реальностью языка. В этом отношении у Харди происходит нечто подобное тому, что Секст Проперций сделал для своей Цинтии. В "Твоей последней прогулке" героиня цикла Харди корит поэта так же горько, как Цинтия корила Проперция две тысячи лет тому назад. Это не просто совпадение притязаний: это чистая лингвистическая необходимость, которая возрастает с каждой потерей, которая пропорциональна неспособности мертвых говорить. Как и у римлянина, когда умолкла Эмма, Муза продолжала.

Перевела с английского
Ирина Нинова

Эта лекция была прочитана 11 октября 1990 года и напечатана в "Литературном приложении к "Таймс" в выпуске 26 октября - 1 ноября. Иосиф Бродский был приглашен газетой "Литературное приложение к "Таймс" для прочтения первой лекции из задуманной этим изданием серии ежегодных лекций о взаимодействии британской и европейской культур.

Почти два года назад американец Фрэнсис Фукияма объявил, что история человечества подошла к концу. Нет, он не вселенского Чернобыля ожидал, а, напротив, благоприятных событий. Решив, что либеральному западному обществу нет альтернативы, доказательством чему он счел крушение марксизма-ленинизма, Фукияма настаивал, что хоть не все еще перешли к либеральной демократии, но, поскольку стало очевидно, что всякий иной путь неразумен, история как арена идеологического противостояния завершилась - и начинается просто жизнь.

О подобном конце истории не Фукияма первым заговорил. Это ведь Марксу в середине прошлого века показалось, что с концом капитализма придет конец истории, поскольку при коммунизме люди смогут видеть вещи как они есть, не оглядываясь на идеологические стандарты, и уже поэтому смогут жить разумно. Скажи кто Марксу, что его собственная теория составит канву для идеологии нового общества, что там вообще будет идеология, он сильно бы подивился. Да конец истории предрекал еще и Гегель.

И про Маркса, и про Гегеля Фукияма помнит и сам их помнит. Но коммунизм для него - лишь альтернатива либерализму, а суть ведь не в том, какой именно порядок станет окончательным, а в том, возможен ли вообще окончательный порядок. У Маркса, пожалуй, было больше оснований уверять в окончательности, связанной с освобождением человечества от идеологических пелен. Как проповедник материалистического понимания истории, он немало сделал для демистификации людских представлений. Казалось, когда общество и впрямь будет откровенно в своих материальных делах, станет называть кошку кошкой, для идеологии места не останется. Ан вышло наоборот, и приходится радоваться, когда кошку дозволено называть не крокодиллом, а хотя бы собакой, - все-таки тоже домашнее животное.

Прежде чем класть в основу своих пророчеств крушение коммунизма, прежде чем именовать крушением нынешний кризис в СССР, открывший возможность высвобождения восточноевропейских стран, Фукияме стоило призадуматься, почему не сбылись надежды на деидеологизацию, поманившие Маркса. Сам Фукияма исходит из противоположного - отрицает материаль-

⁴ Болезни (фр.)

ные предпосылки идейной жизни и зовет вернуться к Гегелю, повторяя, что "согласно Гегелю противоречия, движущие человеческой историей, существуют прежде всего в сфере человеческого сознания, то есть на уровне идей". Но этому противоречит тут же приводимое в качестве примера провозглашение Гегелем конца истории в 1806 году: "Уже тогда в разгроме Наполеоном прусской монархии в битве при Иене Гегель усмотрел победу идеалов Французской революции и неизбежное повсеместное

мы, - в их избирательной одномерности. Ход истории сведен в них к единому, хоть у каждого своему, стимулу, к единой первопричине, к некоему богу, лишнему религиозных атрибутов, а вместе с ними и оправдания, поскольку в любой религии бог в качестве неопровержимого для верующих аргумента творит чудеса, а наука остается наукой лишь в пределах естества, в пределах объективной реальности, и постижения этого естества и этой реальности в меру доступной достоверности.

ственного самопознания, и участие человека в общественном самопознании, его приобщенность к бытующим формам общественного сознания, - важнейшее проявление его причастности к обществу. В этом, конечно, большая доля правды. Общество долго живет установившейся системой представлений, где светской, где религиозной, и не только не тяготеет к ней, но держит ее за достоверную, а попытки независимого, стороннего анализа принимает за ересь. Но в кризисные эпохи в идеологиче-

Поэль Карп

естественный плод недостаточного гносеологического самоконтроля и сведения происходящего в сознании либо к его духовному источнику, либо - как в марксизме - к отражению текущего бытия. Есть тут и нежелание вдаваться в происходящее в сознании за порог доступного ему познания, а там-то и деформируются и абсолютизируются наши относительные знания.

Лишь потом выясняется, что одно - сами по себе идеи Маркса, по ходу его жизни обновлявшиеся, нередко противореча сами себе, другое - сложившееся на их основе марксистское мировоззрение, повлиявшее на социалистическое движение, и совсем уже третье - марксистско-ленинская идеология, возникшая в советском государстве. Ощутимые перемены при переходе от первого ко второму и, в особенности, от второго к третьему, давно известны. Идеи Маркса не были изначально утопией, обманом, прельстившим человечество, как часто уверяют сегодня, но, как многие крупные идейные явления, были воплощением частичной правды, - иначе не понять, как сумели они привлечь не кучку, а десятки миллионов последователей.

История велит признать, что экономическая теория Маркса подметила и впрямь существеннейшее для целого столетия противоречие буржуазного мира. Серьезные упущения этой теории, роковым образом проявившиеся потом, различали уже современники, однако в XIX веке это имело в основном теоретическое значение: роль физического труда в промышленном производстве была решающей, и, соответственно, всеобъемлющей казалась роль рабочего класса, под знаменем Маркса не столько, впрочем, мечтавшего о светлом царстве коммунизма, сколько отстаивавшего свои конкретные права. Аналогичную борьбу рабочий класс вел и на базе других теорий и без всяких теорий, объединяясь в профессиональные союзы. Все это, вопреки распространенному мнению, не разрушало либеральное общество, а, напротив, укрепляло его либеральность, как раз и позволившую прийти в развитых странах к довольно успешным методам экономического самосознания и саморегулирования.

Экономическая теория Маркса радикально разошлась с реальностью лишь в ходе научно-технической революции, которую не могла принять, поскольку та на практике показала, что плоды

ОКОНЧИЛАСЬ ЛИ ИСТОРИЯ?



распространение государственности, воплощающей собой принципы свободы и равенства". Сбудутся ли предположения Фукиды, еще можно гадать, но предположения Гегеля явно не сбылись. Ни Бисмарк, ни тем более Гитлер не сочтешь воплощением свободы и равенства, если, конечно, соотносываться с объективной реальностью, что и составляет главное преимущество либерального общества.

Беда подобных пророчеств - и у Гегеля, и у Маркса и у Фукиды -

Но в том-то и дело, что характер постижения лишь относительно адекватен постигаемому, и соотношение наших представлений и объективной реальности в ее развитии меняет меру своей адекватности и тем затрудняет понимание вещей. Гегель в гносеологические проблемы не слишком входил, практически отождествляя субъекта с объектом, а теорию познания с онтологией. Для Гегеля, да и для Маркса, выработка общественных знаний - это процесс обще-

ских системах нарастают трудности с объяснениями новых поворотов событий, что и побуждает осознавать привычное восприятие как идеологизированное, мифологическое, и творить новые мифы, новые идеологии, или воскрешать былые.

Неизбежность подобных ломок предопределена самим гегелевским отношением к познанию, но Фукида, всецело доверяясь Гегелю, не хочет различать корни идеологизированности, которая не выдумка и не порок, а

умственного труда - не бесплатный дар божий, как получалось по Марксу, и умственный труд тоже создает стоимость, а стало быть, рабочий класс хоть и безусловно важный, но отнюдь не единственный вершитель судеб современного производства и общества. Более того, оказалось, что и собственные его интересы несовместимы с мессианским назначением, которое отвел ему Маркс, и без эффективного сотрудничества рабочего класса с другими участниками производства оно отбрасывается к прежним грубым формам, а сам рабочий класс к обнищанию, предсказанному Марксом, но преодоленному развитием, которого Маркс не предвидел, поскольку пренебрегал значением умственного труда. Можно бы добавить, что аграрное производство в западных странах еще раньше и резче разошлось с идеями Маркса, изначально не содержащими в себе столь большой доли объективности, как его представления о промышленном производстве.

Вроде бы теория Маркса уже в середине нашего века потерпела наглядное поражение, а либеральное общество не только выжило, но и заново расцвело. Не стоит, однако, упускать из вида, что оно при этом усвоило едва ли не важнейшую из идей Маркса, признало, что развивающееся производство не может довольствоваться одним лишь либерализмом, одной лишь экономической (и соответственно политической) свободой, и - вот она, ирония истории! - отчасти осуществило на практике важнейший призыв Коммунистического манифеста: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Сила современного западного общества не в последнюю очередь заключена в предоставлении человеку не только свобод, как требует классический либерализм, но и некоторых материальных гарантий. Политические соображения мешают либеральному обществу признать, сколь глубоко проросло оно социалистическими идеями. Современная Германия, широко практикующая социальную защиту своих граждан, именуется себя не социалистическим, но социальным государством. И это верно в том смысле, что осуществление важнейшего из принципов Маркса, как продемонстрировала его родина, отнюдь не требует новой общественной формации, но возможно в рамках буржуазного общества, не довольствующегося, однако, одним либерализмом.

Подобные перемены внутри либерального общества тоже составляют исторический процесс,

и сама социализация этого общества временами подрывает его либеральность. В то время как в Германии социалистические идеи трансформировались под влиянием либеральных, способствуя развитию национального хозяйства и на его базе социальной защите, в Англии они проявились более архаически, предприятия и целые отрасли промышленности, отчасти по нашему примеру, хоть и несколько иначе, огосударствлялись, что, в конечном счете, ослабляло хозяйство, снижало уровень жизни людей и порождало сочувствие к контрнаступлению либерализма, хоть и сокращавшего социальную защиту, но поднимавшего уровень жизни большинства. Наивно считать такую яркую носительницу либеральных идей, как Маргарет Тэтчер, фигурой внешнеисторической! А ведь она сражалась против практики государственного социализма не в восточноевропейской стране с марксистско-ленинской идеологией, а в цитадели классического либерализма, в Британии, и уже одно это побуждает усомниться в предсказаниях Фукиды, будто повсеместное торжество либерального общества покончит с историей на вечные времена и освободит экономическое развитие от социальных и политических преломлений.

Да и предполагать повсеместное торжество либерализма серьезных оснований покажет нет. Отнюдь не идеализируя либеральное общество, я тоже думаю, что оно предпочтительнее других и для современного производства, и ради благополучия большинства людей. Но наивно думать, что дело лишь за тем, чтобы людям это понять. На примере развития марксистской мысли в России видно, что не столько восприятие общественных идей зависит от их понимания, сколько, напротив, само их понимание зависит от восприятия, диктуемого обстоятельствами.

Марксистское мировоззрение, пропагандировавшееся в России Н.Зибером, Г.Лопатиным, Н.Даниельсоном, а затем П.Струве, М.Туган-Барановским, Н.Бердяевым, С.Булгаковым, даже в социал-демократической трактовке Г.Плеханова, П.Аксельрода, Н.Ленина, Ю.Мартова и их младших современников, при всех различиях, долго не теряло единства с западными единомышленниками. Конечно, в России, не пережившей еще и буржуазной революции, многие проблемы стояли острее, и большевики, вступая в противоречие с основоположниками, клонились к упреждающему захвату

власти, не дожидаясь необходимой по Марксу для революции экономической зрелости, но и они в согласии с Марксом представляли себе революцию происходящей во всей Европе и даже во всем мире одновременно. Ни о каком национальном социализме, ни о каком построении социализма в одной отдельно взятой стране до Октября 1917 года большевики и не заговаривали. Единственным существенным прибавлением к традиционному марксизму, какое выдвинул Ленин, было его учение о партии, призванной, как бы вместо пролетариата, составляющего в отсталой стране явное меньшинство, осуществить революционный переворот, чтобы присоединиться к более развитым странам.

Отдаленность такой цели и зависимость ее от происходящего в других странах уже тогда, конечно, придавала большевизму известную утопичность, однако на практике и большевики до поры стремились прежде всего к общедемократическим переменам и даже буржуазному преобразованию самодержавного государства - не зря они получали солидные субсидии от крупных капиталистов вроде Саввы Морозова. Да и вообще преобладала в русском революционном движении крестьянская партия эсеров, что подтвердили поздней и выборы в Учредительное собрание. Свообразие русского марксизма, названного ленинизмом, по существу, проявилось, когда силы, победившие в феврале 1917 года, не сумели совершить важнейшие буржуазные преобразования, разрешить аграрный и национальный вопросы, что и привело к Октябрьской буржуазной революции, в ходе которой большевики захватили власть в надежде на скорую социалистическую революцию в Европе.

Не только большевики, да и не только в России, предавались подобным иллюзиям, но буржуазное общество сумело переступить через свои противоречия и остановить революцию даже в Германии, на которую большевики надеялись больше всего. Между тем, провозгласив "Декрет о земле" и "Декларацию прав народов России", большевики, не довольствуясь славой русских якобинцев, чтобы продержаться до европейской социалистической революции, разогнали Учредительное собрание и оставили буржуазное развитие, которому они-то как раз и расчистили дорогу. Этот национальный социалистический выбор, обернувшийся эпохой военного коммунизма, разорил страну гражданской войной и повернул

против большевиков пошедшее сперва за ними крестьянство.

Трудно сказать, сознавал ли Ленин уже тогда тщетность надежд на революцию в Европе, но он понял, что она, во всяком случае, не близка, и предпринял отступление к капитализму, которое ему еще казалось временным. Лишь после его смерти до конца обозначилась жесткая альтернатива: продолжать ли это отступление, способное привести к какому-то типу либерального правового общества со стоимостными отношениями, либо, как это и случилось, повернуть к обществу нефеодалного типа. Поскольку капитализм, вопреки распространенному мнению, в старой России далеко еще не возобладавал, то и реставрация означала возвращение не к капитализму, а к обновленному феодализму, к новому самодержавию.

Тут-то, в соответствии с природой феодального общества, и возникла нужда в новой идеологии. Идеи Маркса в ней причудливо сплелись с крайними взглядами русского революционного народничества, одновременно вбирая в себя нормы военного коммунизма, государственной хозяйственной монополии, нового закрепощения крестьянства и внеэкономических отношений. Новая идеология, названная марксистско-ленинской, объявила сложившееся в тридцатые годы государство социалистическим, хотя для Маркса и даже для Ленина социализм был противоположностью государства, а теперь оно провозглашалось высшим его воплощением.

Конечно, нынешний кризис - кризис не только внеэкономического хозяйствования, но и сопутствовавшей ему идеологии, мешающей ныне адекватному пониманию накопившихся трудностей хозяйства и социальных противоречий. Но, чтобы объявить этот кризис концом коммунизма, надо бы показать, что внеэкономическое хозяйство настолько себя исчерпало, что ни при каких обстоятельствах уже не в состоянии будет состязаться с либеральным даже по одним только жизненно важным, и в частности военным, показателям. И надо бы еще показать, что такое хозяйство не может существовать под знаменем другой идеологии. Ни того, ни другого Фукида не сделал. Тем временем Саддам Хусейн продемонстрировал возможность создать под флагом исламского социализма в небольшой стране четвертую армию мира.

Фукида говорит, что люди "способны сносить самые крайние материальные невзгоды во имя идей, существующих иск-

лючительно в сфере духа, - будь то священные коровы или природа святой Троицы", - и это, конечно, правда. Но из преданности идеям никак еще не следует, что объективное содержание этих идей в конкретной жизни исчерпывается самосознанием их приверженцев, что за священными коровами или спором о единственности или подобности Христа своему отцу нет человеческого и общественного содержания. Из того, что мы часто не сознаем происходящего, отнюдь не следует, что ничего не происходит, а ведь этот, не всегда сознаваемый нами, процесс и есть история, и определить, длится она или окончилась, как раз и значит определить, имеют ли место некие, пусть не сразу замечаемые нами, социальные процессы.

Ход этих процессов, ход истории, понятно, оставляет на своем пути величайшие сокровища человеческого самопостижения, подъемы духа, научные открытия и художественные шедевры. Ценность многих из них непреходяща, но всякое стремление объявить ее окончательно установленной неизбежно приводит в противоречие с реальностью, поскольку процесс так или иначе продолжается. Не случайно и отношение людей к прежним духовным ценностям порой разительно меняется: то их оплевывают, то воскрешают, оплевывая другие, то оттесняют и те и эти, создавая новые. При всем почтении к духу, человек все же смертное существо, индивидуальные возможности которого ограничены, и разум постоянно предостерегает его от слепой веры в силу внеэкономического порыва, раз и навсегда исправляющего общество и насаждающего абсолютную справедливость. Мы не знаем, в каком состоянии либеральное общество способно предаться подобным порывам, и тем более не знаем, способно ли оно им разумно противостоять. Уверения Фукиды, что социальный процесс окончен и неожиданностей не будет, рождают благодущие и толкают либеральное общество к кризису и, вопреки его предсказаниям, к продолжению истории.

Нынешние уверения, будто коммунизму пришел конец, столь же малоосновательны, сколь и бывшие уверения, что пришел конец капитализму, в пору великого кризиса 1929 года. Разумеется, нефеодалная российская держава уперлась в тупик, из которого в сложившихся формах ей без колоссальных потерь не выбраться. Вот ее лидеры и стремятся эти формы перестроить. Но делать отсюда вывод, будто происходящее является ре-

волюционным наступлением на самые фундаментальные институты и принципы сталинизма и заменой их принципами, хоть и не равнозначными либеральным, но ведущими к таковому, да еще ссылаясь в доказательство на то, что Николай Шмелев не имеет ничего против того, чтобы его сравнивали с Милтоном Фридманом, все-таки смешно. И если говорить о сегодняшнем дне истории, то статья Фукиды - ярчайший пример того, как плохо мы понимаем этот сегодняшний день, как плохо поняли современники - и дома, и в особенности за рубежом - намерения Михаила Горбачева и его незаурядную, конечно, общественную роль.

Горбачева на Западе часто изображают чуть ли не врагом коммунистического порядка и коммунистической идеологии, тогда как на деле он стремится их спасти и сохранить. Горбачев не первым понял, что тотальное общество с вневещной хозяйством обречено на отставание. Это ощутил еще в 1921 году Ленин, потом Хрущев, интересовавшийся экономическими проектами харьковчанина Е.Либбермана, потом Косыгин, доведший свою реформу до утверждения ее Пленумом ЦК КПСС. Горбачев, однако, совершил следующий и важнейший шаг: он признал, что компромисс с реальностью не может быть стабильным без политических перемен. Фукида согласен, что усилия Горбачева направлены на то, чтобы узаконить и тем упрочить власть КПСС, и все же он верит, что санкционированная Горбачевым "критика советской системы явилась столь основательной и решительной, что почти не оставила возможности возврата как к сталинизму, так и к брежневщине каким-либо простым путем". Но главное даже не в том, что возможности такого возврата отлично сохранились.

Прежде всего, покамест нет оснований утверждать, что в стране вообще вводится стоимостное, рыночное хозяйство, о котором столько говорят. В течение шести лет перестройки шли как раз обратные процессы - неограниченная эмиссия, прямые конфискации, драконовские налоги, директивные повышения цен, при том, что монополия хозяйственная структура не только не претерпела сколько-нибудь серьезных, сущностных изменений, но, располагая государственной властью, могла успешно тормозить возникновение независимых от нее хозяйственных единиц.

Меняются лишь формы, в которых элита КПСС управляет

хозяйством и обществом. Ее правление являлось, по существу, нелегальным с конца двадцатых годов, с тех пор как его осуществляли непосредственно партийные органы при содействии карательных, а так называемые советские, то есть государственные органы только проводили в жизнь предначертания партийных. Горбачев стремился передвинуть властные полномочия в государственные органы высшего этажа, приняв на себя и возложив на своих помощников руководство ими. Это шаг навстречу реальности, не умаляющий, однако, значения партийной элиты, - Съезд народных депутатов на треть составлен из депутатов, назначенных общественными организациями, то есть самой КПСС и подведомственными ей комсомолом, профсоюзами и т.п., а Верховные Советы СССР и РСФСР образованы не прямыми, но двухступенчатыми выборами. И все же и на Съезды и в Верховные Советы попали инкомыслищие, что прежде практически исключалось. Настаивая на избрании Председателями Советов всех уровней руководителей соответствующих партийных комитетов, Горбачев также шел на определенный компромисс, поскольку депутаты Советов обретали возможность отвергнуть наиболее бесчестных и бесчеловечных партийных деятелей, прежде назначавшихся центром без оглядки на рядовых партийцев, не говоря уже о беспартийных. Компромиссом с реальностью явилось и допущение публичной критики и вообще некоторой гласности.

Эти уступки реальности не столь, конечно, значительны, чтобы лишить партийную элиту власти. К тому же законодательная власть выборных органов была сразу почти целиком официально передана Президенту с его безмерными полномочиями. Изменения, правда, покамест завершились лишь на всесоюзном уровне; республиканские и тем более местные Советы, служившие некогда лишь для декорирования партийных директив, так и не обрели подлинных рычагов власти, и то и дело раздаются призывы к назначению Президентом для руководства на местах губернаторов и префектов, располагающих объемом полномочий, равным тому, каким обладали прежде секретари соответствующих территориальных партийных комитетов.

Перенос правящих функций от партии к государству, принятый миром за переход к либеральному обществу, мог осуществиться лишь в виде отказа от неограниченной партийной дик-

ОКОНЧИЛАСЬ ЛИ ИСТОРИЯ?



татуры, в виде демократизации. Резонно спросить, в чем смысл этого переноса, разве прежде Генеральный секретарь ЦК КПСС не обладал всей той властью, которую обрел Президент, разве власть обкомов не была более широкой, чем власть Советов? Так-то оно так, да только все снижавшаяся эффективность прямых команд побуждала менять рычаги воздействия на хозяйство и общество.

Речь шла не об отказе от внеэкономического хозяйствования, но все же о чуть более объективном учете критериев хозяйствования, о создании хоть какой-то обратной связи, которая при прямом партийном руководстве могла быть лишь идеологической, а порой и вовсе номинальной. Единство и всеобщность прежнего хозяйства позволяли не считаться с реальными результатами хозяйственной деятельности, кроме, может быть, военных ее областей, поскольку предполагаемый противник задавал ориентиры, и гонка вооружений, разорявшая страну, была вместе с тем единственной областью, где страна участвовала в конкуренции за достижение мировых стандартов. Однако достижение этих стандартов "любой ценой" привело при Сталине и Брежневке к колоссальной растрате национальных богатств - и сырьевых и людских, равно как к разорению других областей хозяйства и культуры, что, в свою очередь, привело к нынешнему кризису, но одновременно и к некоторому осознанию наиболее дальновидными коммунистами необходимости как-то сообразовываться с экономическими законами. И поскольку прямое партийное внеэкономическое управление совладать с этой задачей не может в силу самой неограниченности своей власти и веры в неограниченные возможности власти, возникла нужда переориентироваться на государство, которому доступна большая гибкость.

Гибкость эта предполагает, однако, не отказ от внеэкономического управления, но осуществление его в квазиэкономиче-

ских формах. Характерно, что чуть ли не тройное увеличение количества денег в обороте и резкое повышение цен осуществляются при сохранении государственной хозяйственной монополии, даже без большой косметики. Между тем движение к либеральному обществу, требующее, конечно, и другой финансовой системы и другой системы ценообразования, должно бы, прежде всего, разорвать тотальную государственную монополию.

Нынче нет недостатка в рассуждениях о "разгосударствлении" и даже "приватизации" хозяйства, но стоит вспомнить, что и форма колхоза, коллективного хозяйства (разумеется, при подлинной его добровольности и независимости), могла быть эффективной, однако прямое внешнеэкономическое подчинение колхозов райкомам партии и райземотделам лишило колхозы экономической эффективности, обратило их в феодальные хозяйства со сменяющимися помещиками-председателями. Точно так же рекламируемое "разгосударствление" предполагает не подлинную самостоятельность предприятий, но их круговую зависимость от директив государства. Поддерживается такая зависимость многообразно, - тут и преимущества кооперативам и малым предприятиям, открывающимся при больших, подчиненных министерствам заводах, тут и создание подобных предприятий самой КПСС, тут и акционирование, при котором контрольный пакет остается в руках государства, КПСС или ее влиятельных функционеров, тут и преобразование министерств в якобы независимые концерны и компании, тут и право милиции вторгаться без санкции прокурора в любые служебные помещения, тут и создание территориальных объединений промышленных производств, способных сообща оказать неодолимое давление на местную власть, от которой они практически не зависят. Весь разрыхленный на первый взгляд комплекс предприятий по-прежнему так или иначе управляется из единого центра. Лишь с гражданами, являющимися и рабочими этих предприятий и покупателями их продукции, могут возникать более свободные, вроде бы рыночные отношения, но частичный рынок товаров и рабочей силы без рынка капиталов и идей остается, в сущности, монопольным и может повышать цены, не соотносясь с реальной стоимостью, - ведь возникновение конкурирующих независимых производителей и продавцов, способных

цены сбить, по-прежнему не предполагается.

И все же переход от чисто партийного, при котором народу отведена роль быдла, к государственному управлению позволил бы лучше ощущать народное мнение, передавать исполнение определенных функций людям, пользующимся народным доверием, а не посаженным сверху, позволил бы даже как-то стимулировать производство. Понятно, переход от партийного управления к государственному лишь создает для всего этого возможности, а использование их зависит уже от воли народа, от его активности, от избрания им депутатов, выражающих его волю, от стойкости и проницательности этих депутатов в борьбе за демократию. Горбачев, конечно, надеялся, что затеянное им частичное отступление к реальности, совмещающееся с народным стремлением вырваться из нарастающей бедности, будет казаться совершенствованием системы, которую в действительности коренным образом усовершенствовать невозможно. И так бы, должно быть, и казалось, начнись такое сразу после смерти Сталина или хотя бы падения Хрущева, но обломись иллюзии шестидесятников о броню танков, кативших по Праге. Но, когда приступили к политическим реформам, хозяйственный кризис был слишком глубок, чтобы его быстро преодолеть; судорожные действия нового правительства, прежде всего безудержная эмиссия, его лишь усугубляли. А новые органы высшей государственной власти продолжали издавать законы и указы, кодифицировавшие намерения реформаторов. Лучшей надежды еще какое-то время выстоять в состязании с либеральным обществом, чем, по ленинскому примеру 1921 года, частичное отступление к реальности, у обнажившей свою природу системы и впрямь не существовало. Но с каждым днем отчетливее было расхождение интересов правящего слоя и человека с улицы, влачившегося от одного пустого прилавка к другому.

Разумеется, новая политика требовала идеологических правок, и на смену догматизации идей Маркса и Ленина выдвинулась канонизация великодержавности и государственности как высших народных благ. Для укрепления идеологии, утратившей сообщность с происходящим, вместо беспощадной рациональности все больше требовалась нерассуждающая вера, и началось прямое сближение с религией, прежде противопоставившей марксизму-лениниз-

му, и особые возможности получило православие. Оно и впрямь не хуже ислама способно срастись с идеологией государственного социализма. Не случайно врастают в эту идеологию и великодержавно-шовинистические мотивы. Уже провал европейской революции и переход к социализму в одной стране привел при Сталине к трактовке социализма как национального явления и даже национального преимущества, неизбежно сближавшейся с другими шовинистическими идеями. Не случайно интернационалистами теперь именуют солдат, погибающих ради присоединения к национальной социалистической державе других народов, которыми она призвана руководить. Но перемены в идеологии и ослабление ее повсеместной неприменности не упразднили идеологический характер государства. Все это показывает, что перестройку нельзя счесть отказом от основополагающих принципов феодально-социалистического порядка, что она призвана лишь его упрочить.

Понятно, реальный ее ход не вполне идентичен намерениям реформаторов. Перестройку поддерживали прежде всего демократические круги, не задумывавшиеся о пределах возможных перемен внутри сложившегося порядка. Если даже они желали либерального общества, то чаще всего связывали переход к нему с лидером перестройки и, закрывая глаза на то, что его цели куда умереннее, порой даже ратовали за предоставление ему чрезвычайных полномочий, в полной уверенности, что пользоваться ими он станет лишь для расширения демократии, для революции сверху. Одновременно значительная часть партийного аппарата и руководства промышленности и колхозами опасалась даже умеренных реформ и саботировала их, не позволяя государственным структурам стать эффективнее, чем были партийные. Демократическое движение оказалось слишком слабым, чтобы такому саботажу противостоять, и в итоге не то что переход к либеральному обществу, но даже задуманный компромисс с реальностью так и не осуществился.

Есть, конечно, парадокс в том, что реформатор Горбачев ограничивал, главным образом, демократов, которые, сопротивляясь реакции, только и могли помочь хотя бы умеренной перестройке, и не давал в обиду реакционеров, не желавших и самого скромного компромисса и грезивших брежневскими и даже сталинскими идеалами. Но и этим подтверждается, что даже

удача перестройки не привела бы к либеральному обществу. Не будем уж напоминать, что вполне сохраняется возможность восстановления правления сталинского типа, поскольку создание Коммунистической партией без официальной санкции законных властей комитетов общественно-го спасения, использующих армию для подавления демократических движений, является, как выяснилось, ненаказуемым, то есть высшая власть принадлежит фактически по-прежнему Коммунистической партии, независимо не только от исхода выборов, но и несмотря на то, что провозглашавшая такую власть статья шестая Конституции СССР формально отменена.

Ни одна партия, пользующаяся сколько-нибудь широким влиянием, покамест не выдвинула у нас либеральную программу ни буржуазного, ни социалистического толка. Лишь в национальных движениях, да и то не во всех республиках, подобные тенденции просматриваются, хотя смысл всех национальных движений прежде всего в противостоянии государственной хозяйственной монополии. Но спасение от нее нередко ищут не в либеральном хозяйствовании, но в национальном внешнеэкономическом правлении, пусть и не достигающем сталинской или брежневской жестокости, хоть и ее не исключаящей. Словом, коммунистическое государство, которое Фукияма поторопился вытолкать со сцены, нигде в обозримое время уходит не собирается. Другое дело, каким оно станет, не сумев перестроиться.

Фукияма пишет: "Непонимание того, что корни экономического поведения лежат в сфере сознания и культуры, ведет к часто совершаемой ошибке, когда явления, по природе своей идеальные, пытаются объяснить материальными причинами", - и продолжает: "Глубинные изъяны социалистических экономических систем были очевидны и тридцать-сорок лет назад любому, кто готов был не закрывать на них глаза. Почему же эти страны отошли от централизованного планирования только в 80-х годах? Ответ следует искать в сознании элит и руководящих ими вождей..." Но, во-первых, и в восьмидесятые годы Советский Союз не отошел от директивного хозяйствования, напрасно именуемого плановым, да и не может от него отойти, покуда существует единая государственная хозяйственная монополия, покуда не существует реальной конкуренции в экономике и, соответственно, в политике. А главное, ложно само по себе чрезмерное

противоставление материального и идеального, заимствованное с перевернутыми оценками из официальной марксистско-ленинской идеологии. Там оно хотя бы прагматически оправдано: государственная идеология внушает людям, что их дело - гнуть спину, трудиться, а не разговаривать, не размышлять, как их труд организован и на что направлен. Эту идеологию выражают и повсеместные упреки депутатам, которые "только разговаривают", а не сеют хлеб и не стоят у станка.

После Макса Вебера нелепо отрицать роль сознания, характера ментальности или этики в экономическом поведении. Но это не значит, что, как в советской философии, все зависит от решения "основного вопроса": что первично - материя или дух? Что бы ни было исторически первично, экономическая жизнь непрерывно демонстрирует сложнейшее взаимодействие материального и идеального. Тут пагубна абсолютизация как материи, так и сознания. Заявляя, что изъяны социалистических систем были очевидны уже тридцать-сорок лет назад, и тут же утверждая, что причину отказа от них в наши дни следует искать в сознании элиты, Фукияма побуждает думать, что все кругом эти изъяны видели, только элита не замечала, чем ставит под сомнение умственные способности элиты и самую ее элитарность. Не верней ли признать, что элита, обращая эти "изъяны" себе на пользу, лишь в восьмидесятые годы начала сознавать, что чудесным для нее возможностям приходит конец.

Невозможно отрицать, что материальные факторы играли важнейшую роль в продлении жизни советской директивной системы. Ее укрепляло, к примеру, вовлечение в ее орбиту Восточной Европы: батевские ботинки и польские швейные изделия помогли смягчить напряжение в разоренной войной стране. Еще существеннее была роль огромных запасов нефти и газа, брошенных Брежневым на мировой рынок. Не будь подобного, за перестройку, видимо, принялись бы раньше. И ведь принимались, - и Хрущев, и позднее Косыгин, - но выяснялось, что есть еще порох в пороховницах, есть еще материальные возможности погодить с реформами. Вот и годили дальше, усугубля хозяйственную нескладицу, и ныне страна расплавляется за желание элиты продлевать прежний порядок.

Уже в XIX веке у Российской Империи были причины переходить к либеральному обществу, и она совершала шаги к нему: это

были и проекты Сперанского, и восстание декабристов, и реформы Александра II, и предложения Витте, и революция 1905 года, и Февральская, и Октябрьская, после которой, что ни говори, были проведены выборы в Учредительное собрание. И всякий раз власть останавливала перемены или проводила их половинчато и с опозданием, что вело ко все более резким социальным взрывам.

На любимый русский вопрос: "Кто виноват?" - история дает ответы. В революции 1905 года виноват Николай II, отклонивший в 1903 году предложения Витте о коренной аграрной реформе, - дело не только в расстреле 9 января, послужившем детонатором всеобщего недовольства. В Февральской революции виноват все тот же Николай II, так и не облегчивший народную участь, да еще обременивший ее войной. В Октябрьской революции виноваты князь Львов, Милуков, Гучков, Керенский и другие деятели Временного правительства, за 8 месяцев у власти не создавшие Учредительное собрание и слишком мало сделавшие для разрешения аграрного и национального вопросов. В революции виноваты те, кто до них довели, а не те, кто их совершали. А Ленин, которого ныне изображают виновником всех бед, виноват в том, что разогнал Учредительное собрание и, не назначив новые выборы, устремился к социализму в стране, и феодализма-то еще не преодолевшей.

Нынешние сторонники принципов, которыми нельзя поступиться, крайние реакционеры, подобно прежним упрямам, сами подрывают существующую систему. Но это не значит, что они способствуют созданию либерального общества, а не еще одной внеэкономической системы с другой идеологией. Горбачев, как разумный консерватор, не хотел этим довольствоваться, и ради преодоления отсталости страны взялся за перестройку. Но верность убеждениям побуждала, а народная мученическая пассивность позволяла, все больше оберегать от перемен своих единомышленников и все меньше искать компромиссов со своими идейными противниками - демократами, а в реалистическом компромиссе только и заключалась возможность выхода из кризиса.

Большая и влиятельнейшая часть нашей элиты, вопреки Фукияме, предпочла не "протестантский" жизненный стиль - стиль богатства и риска, но "католический" путь - путь бедности и безопасности. А безопасность внеэкономической элите в XX

веке гарантирует лишь единая монополия система, в руках которой всеобщее распределение, непосредственно не зависящее от производства. Да и кто отнимет у такой элиты питающую ее упрямоту надежду, что вдруг обнаружатся новые неслыханные запасы нефти или золота, или либеральные общества сочтут, что в их интересах помочь рушащемуся внеэкономическому порядку укрепиться, как это уже не раз бывало? Так что не стоит спешить с провозглашением конца истории.

Летописец у Щедрина ставит роковые слова: "История прекратила течение свое..." - лишь после того, как глуповцев поразило нечто неслыханное: "Хотя оно было еще не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и, по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца".

Щедрин писал о городе Глупове более ста двадцати лет назад, когда еще и предположить было нельзя, что возникнет катастрофическое оружие. И все же он понимал, что даже история Глупова не может окончиться, пока не грянет подобная катастрофа. Вот и не стоит вслед за Фукиямой

ОКОНЧИЛАСЬ ЛИ ИСТОРИЯ?



впадать в эйфорию. Ведь свобода не устанавливается раз навсегда, и даже славные имена вчерашних борцов за свободу порой уже на следующий день служат попранию свободы, - в этом трагедия коммунистического движения и попыток его усовершенствовать. История - это процесс повседневной борьбы за свободу, и только понимание этого, только каждодневная защита своей и чужой свободы позволит либеральному обществу избежать катастрофы конца истории, который может стать лишь концом свободы.

1 марта 1991 г.

Эрнест Брыль

Выписка из энциклопедии

...это была страна на полуострове Пелопоннес, край горьких трав. Озера, болота вросли в ее шкуру. Редко отсюда ходили в Афины. Во-первых, и далеко, а во-вторых, Спарта, союзник Аркадии, косо смотрела на все эти новшества, моды, мелодии из Одеона. Лучше - советовали спартанцы - тихо пасите веселые ваши стада...

И вот разводили здесь коней и прекрасных ослов в такой тишине, что ее до сих пор принимают за счастье...

Перевел Л.Цыбян

ЭСТОНИЯ:

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Новая концепция международных отношений в Эстонии возникла и была зафиксирована почти три года назад на Форуме народов Эстонии и первом Конгрессе Народного фронта. Форум народов Эстонии - это действительно звучало странно по отношению к республике, насчитывающей едва полтора миллиона жителей. И тогда, в 88-м, казалось, что население Эстонии составляют эстонцы и все остальные, которых очень удобно было называть "русскоязычными". Казалось, что население раскололось на два фронта - Народный, то есть эстонский, и Интердвижение, то есть русский. Интердвижение сразу же присвоило себе право декларировать от имени этого русскоязычного населения. И, соответственно, последовательно от его имени торпедировать все демократические программы Народного фронта - суверенитет, гражданство, статус государственного языка и так далее. А неэстонское население - это, вместе с контингентом войск, около сорока процентов. И такое количество враждебно настроенных к эстонцам людей, живущих на одной с ним территории, казалось ужасающим. Однако тогда же, по инициативе Народного фронта, был создан Форум народов Эстонии. И он явил обществу факты удивительные. Представители более тридцати народов зарегистрировали себя на этом Форуме. Два дня в здании Таллиннского политехнического института переполненный зал потрясенно внимал исповедям о судьбах отдельных людей, о судьбах целых народов и национальных групп. Как они выживали в условиях тоталитарной социалистической системы, как полвека носили в себе свое унижение, бессилие и боль, как лишались своего родного языка, религии, земли и дома. И как, преодолев страх перед режимом, решились выйти на эту трибуну, о самой возможности

существования которой тогда и предполагать-то было нельзя.

Участники Форума узнали об исчезновении целых народов. Например, ижорских финнов. О том, как были изгнаны с территории Эстонии потомственные рыболовы, эстонские шведы, и распилены на куски их лодки. Как ребенок-финн записывался в советском паспорте "русский", потому что официально его национальности не существовало. Как эстонские турки лишились своих культовых зданий и тайно совершали обряды свадеб и похорон. И многое-многое другое...

Не будем сейчас давать оценку этим процессам - все равно нормальный человеческий разум не в состоянии понять, зачем и кому это было нужно. Исповеди участников Форума народов Эстонии уже легли страницами и главами в новую книгу бытия. Социалистического бытия, история которого пишется сейчас народами огромной территории, называемой Советский Союз.

А что же наши интернационалисты? В те же дни, в сентябре 88-го, они созвали свой митинг в Таллине на ледовой арене спортхолла им. Ленина.

- Мы считаем Форум народов Эстонии самозванным и незаконным. Кто эти люди, кто их выбирал? Кого они представляют? Мы не знаем. Хорошо еще, если это какие-то представители каких-то культурных обществ. А то выступают просто люди, которых никто не выбирал, - сказал тогда О. Морозов, член Координационного совета Интердвижения Эстонии. Он выразил также протест против принятия Закона о государственном языке, назвав его дискриминационным по отношению к русскому населению, и счел неприемлемой идею культурно-национальной автономии для русскоязычного населения. Тогда же он призвал сторонников Интердвижения начать политическую борьбу "на местах, в трудовых коллективах, профсоюзных и партийных комитетах".

Другой оратор, тоже член Координационного совета Ин-

тердвижения, В. Коновалов, поддержал эти призывы, добавив, что республиканскую прессу следует поставить под строгий партийный контроль, так как на ее страницах "отсутствует классовый анализ событий". По логике В. Коновалова, выходило, что Народный фронт - это движение эстонской творческой интеллигенции, а Интердвижение - движение рабочих. Их разделяют будто бы "классовые противоречия", так как в Эстонии "большинство рабочих - русские".

Каким-то удивительным образом вычленив из "народа" всех остальных, В. Коновалов убеждал своих слушателей, что и конфликт Народного фронта и Интердвижения носит "классовый характер".

Участник Форума народов Эстонии, член Тартуской секции Народного фронта доцент ТГУ Р. Григорян назвал эти заявления лидеров Интердвижения "проповедью антиинтеллектуализма", "развращением рабочих шовинистическими лозунгами", попыткой "стравливания рабочих с интеллигенцией".

Принятие Закона о государственном языке Р. Григорян счел вполне демократической мерой, подчеркнув, что в Эстонии по примеру европейских стран следует создавать государственную систему эффективного обучения эстонскому языку тех, кто в этом

нуждается, тем более что здесь, в Эстонии, есть богатый опыт обязательного обучения местного населения русскому языку.

- Нам надо учиться жить вместе по справедливым законам цивилизованного общества, - сказал Р. Григорян. - Демократизация в Эстонии нужна всем нам, а не только эстонцам.

И тогда же Форум принял свою Декларацию о демократизации международных отношений в Эстонии, предложив выработать законодательную защиту культурных автономий национальных меньшинств на территории республики. А председатель Форума Хаги Шейн, известный в Эстонии телекомментатор и общественный деятель, сказал:

- Серьезную озабоченность вызывает бытовой национализм, отсутствие терпимости, но все это естественно для того состояния, в котором мы находимся... Сталинская национальная политика так ловко заминировала национальные отношения, что и по сию пору существует опасность на этом минном поле подорваться. Административный социализм подорвал надежду и веру в саму возможность демократизации международных отношений. Лишь теперь мы вступаем на путь, выводящий из этого униженного состояния. Будем же трезвы и терпеливы,



сохраним чувство реальности, и тогда мы выйдем из этого положения - все вместе и каждый в согласии со своей совестью.

И еще Хаги Шейн сказал:

- Форум народов Эстонии, этот мини-парламент, базирующийся на гражданской инициативе, начал свою работу и надеется послужить примером для всех народов Советского Союза...

Позиции определились таким образом и, по существу, остались неизменными по сей день. Только к Интердвижению Эстонии добавились ОСТК - Объединенный совет трудовых коллективов предприятий союзного подчинения, промышленная ассоциация "Интеграл", образование которой подписано экс-премьером Н.И. Рыжковым, Коммунистическая партия Эстонии на платформе КПСС, Межрегиональная группа депутатов "За равные права", которую называют "русским лобби в эстонском парламенте". Это пальцы одной руки. Точнее, кулака. Того самого имперского кулака в Эстонии, который делает ставку на силу.

У этой мощной силы противодействия возникли свои средства массовой информации: газеты - "Вестник Интердвижения", "Вестник ОСТК" и явно сочувствующая им государственная русская газета "Молодежь Эстонии". Обнаружилась, поначалу анонимно, радиостанция "Надежда", детище Министерства обороны и Интердвижения, городские газеты северо-востока Эстонии, контролируемые местными партийными органами, и другое. Шла и идет форменная борьба не только за умы и души людей, но и с законно избранным правительством республики. Что только не пережила Эстонская Республика за эти три года: забастовки, на которые вели свои коллективы коммунисты-директора, митинги протеста, призывы к гражданскому неповинове-

нию, попытки путча и насильственного снятия национального флага Республики с Дома правительства, листовки - от призывов к противодействию до откровенной брани, неожиданные военные маневры с невразумительными объяснениями генералов - зачем они? (Газета "Советская Эстония" даже пошутила как-то по этому поводу: "Если вы сидите в кафе, и туда въехал танк, не волнуйтесь, - военные отдыхают".)

Надо сказать, что страсти кипели в среде некоренного населе-

частей, угрозы отключения энергосистем, сосредоточенных в Нарве, обращения гражданского населения и Союза врачей Эстонии к энергетикам с мольбами не совершать этой акции. Энергетики вняли...

Ну а что же эстонцы? В силу национального характера и воспитания, внешне, по крайней мере, они вели себя достаточно индифферентно и достаточно вежливо. Старались как бы всего этого не замечать. И это производило свое впечатление. Остывали некоторые горячие головы, и в

Татьяна Зажицкая

ких-либо условий и не навязывает политических идей. Если сравнить с нашей предыдущей общественной жизнью, полной забот и регламентировавшей всякую частную и гражданскую инициативу, это уже свобода. Помимо трудностей материальных и организационных, национально-культурные общества столкнулись еще с одной проблемой, которую собственными силами им было не решить. Это отсутствие системы распространения информации о своей деятельности. И, представьте себе, связали свои надежды не с "Надеждой", радиостанцией Интердвижения и Министерства обороны, а с государственным Эстонским радио.

Первыми с петицией на Эстонское радио пришли украинцы и белорусы. Все решалось нелегко. Но Эстонское радио, на своей изрядно обветшавшей к этому времени материальной базе намного увеличившее собственное и иностранное вещание и втрое - объем вещания на русском языке (сейчас оно составляет 5,5 часов в сутки), все-таки уплотнилось еще. И нашло средства, время и место в эфире для национальных программ.

В конце ноября - начале декабря 1990 года в эфире Эстонского радио зазвучали позывные двух первых передач новой многонациональной программы "Родник" на украинском и белорусском языках. А в январе и феврале 1991-го к ним добавились еще две передачи этого цикла: Армянского и Еврейского культурных обществ Эстонии.

Теперь население республики привыкает к тому, что по субботам в эфире второй республиканской программы слова "Говорит Таллинн..." звучат на пяти языках - русском, украинском, белорусском, армянском и еврейском (иврите).

Радиопередачи этих национальных культурных обществ Эстонии - гуманитарно-просветительские. Их темы: музыка, литература, страницы национальной истории, новости жизни общин, вести с Украины, Армении, Израиля, Белоруссии, уроки родного языка.

Познакомимся с ведущими этих национальных программ: Нина Охрименко - инженер; Геннадий Гранберг - преподаватель иврита и председатель Еврейского общества; Гайане Африкян - преподаватель литературы и танца воскресной Армянской школы в Таллинне и

ФОРУМ НАРОДОВ ЭСТОНИИ

Из политической хроники 1988-1991 гг.

ния. Все по тем же позициям: суверенитет, закон о республиканском гражданстве, о государственном языке.

В последние месяцы 90-го года к ним добавились бурные протесты населения Нарвы и Кохтла-Ярве против экономической границы и повышения цен на продукты питания и товары. В этом, как показал ход событий, Эстония не намного опередила центр, сохранив, впрочем, стабильный ассортимент продуктов в государственной торговле.

"Русское лобби" - дирижеры противостояния в парламенте республики, используя все те же "парламентские формы", потребовало отставки эстонского правительства. Это было уже в декабре 1990 года. И по их призыву - новая волна забастовок, новая передислокация военных

грохоте политических заклинаний просыпалось нормальное человеческое чувство - совесть. А громкие политические заклинания, а то и взрывы, которые начались в Эстонии, давали основания "лепить" республике все что угодно - от "фашизации" правительства до гражданской войны между эстонцами и "русскоязычными". Между тем все указы, указы, ультиматумы, листовки звучат здесь на одном языке - русском. И естественно, этот имперский кулак ассоциируется с русскими. Хотя очень многие сейчас уже поняли, что любой язык - это всего лишь инструмент, на нем могут звучать как благородные, так и мракобесные идеи, и сам по себе язык, как и национальность, тут ни при чем.

Республиканский референдум 3 марта 1991 года внес ясность - больше половины неэстонского населения сказали "да" независимости республики.

Ну, а как реализовались за эти три года благородные декларации Форума народов Эстонии? Национальные культурные общества Эстонии на фоне экономического кризиса, массы политических и прочих проблем оказались, в общем, предоставлены сами себе. Кое в чем, помещениями, например, республика им помогает. Но, главное, им никто не мешает, не ставит ка-



студентка факультета журналистики Ереванского университета. Все они - не профессионалы журналистики, но уже свободно работают в прямом эфире, готовят материалы, поддерживают контакты с радиокомитетами и журналистами своих республик. И как-то ухитряются находить время для этой непривычной для них работы, сочетая ее со своей профессиональной деятельностью, с нашим нелегким, сумасшедшим бытом...

- В Эстонии 48 тысяч украинцев, только в Таллинне живет половина из них, - рассказала мне Нина Охрименко, - многие семьи живут здесь по 20-30 лет, другие приехали недавно. Кто-то забывает родной язык, а кто-то не знает его вовсе. Наше землячество собирается по субботам в бывшем Доме политпросвещения, и знаете - это такое счастье говорить на своем языке, петь свои песни, слушать свою музыку. Мы встречаемся с поэтами, писателями, отмечаем праздники и юбилеи - свои собственные и национальные. Наша радиопередача называется "Червона калына" в честь очень любимой украинцами песни. Наши передачи, видимо, всколыхнули что-то очень сильное в сердцах моих земляков здесь. Я получила много писем, теплых, благодарственных. Есть и злые, - кому-то очень хочется считать нас политической организацией. Но мы - Общество культуры. Это не значит, что нам безразлично, что делается в Эстонии, как развиваются события в Украине.

- Я считаю, - говорит Нина Охрименко, - что эстонцы вправе сами решать свою судьбу, как и украинцы. А главное, что я поняла здесь, в Эстонии, где живу уже 14 лет, - гарантия моей собственной свободы - это свобода и благополучие народа, который меня принял. И конечно же на референдуме в Эстонии я сказала "да" ее свободе.

- После Еревана для меня здесь слишком спокойно, - говорит мне Гаяне Африкян, ведущая армянской программы. - Но иногда нужна и такая передышка. Я чувствую себя в Таллинне хорошо. Мне говорили, что эстонцы - холодный народ, но я этого не чувствую. Я вижу другое - здесь уважают малые народы и понимают их проблемы. Меня все спрашивают, и эстонцы, и русские, - что в Ереване? Я отвечаю: света нет, газа нет, в квартирах холодно, но к этому мы уже привыкли, это уже как бы второй план. Я вижу, как у людей грустнеют глаза... Самая большая наша боль - Карабах, независимость Армении. Вокруг Ар-

мени - информблокада, и я понимаю, какую ответственность взяла на себя вместе с этой передачей, буду делать ее честно. Когда я была в Ереване в январе, собирала материалы и зашла на Армянское радио, сказала, что готовлю такую программу в Эстонии, то, поверите, знакомый редактор чуть не плакал, так он разволновался. Вы не представляете, что значит для нас, армян, вот такой свободный выход в эфир вне Армении. Я уверена, что все мои земляки, живущие здесь, сказали "да" независимости Эстонии на референдуме. Я не голосовала, я здесь временная жительница. Но я тоже сказала бы "да", как человек, как армянка, желающая независимости и своей республике...

Считается, что отношение к еврейскому вопросу - это индикатор состояния общества.

- В Эстонии никогда не было антисемитизма, - утверждает Геннадий Гранберг, знаток еврейской истории и иврита. - Здесь никогда не было погромов, здесь в 1925 году впервые за всю свою историю евреи получили свою официальную национально-культурную автономию. За это правительство независимой тогда еще Эстонской республики было награждено международным Золотым сертификатом...

Есть и темная страница в отношениях местных евреев с Эстонией. В годы Второй мировой войны здесь, на оккупированной территории, сформированный нацистами из эстонцев полицейский батальон принял участие в геноциде против евреев Прибалтики. Я никогда не разговаривал на эту тему с эстонцами, но много над этим думал. Считаю, что чувство исторической вины перед евреями они ощущают, хотя никогда громко не говорят об этом. Иначе чем объяснить такие факты, что в годы разгула антисемитизма здесь, в Эстонии, он проявлялся в несравненно меньшей степени, чем это негласно предписывалось центром. Например, Таллиннский политехнический институт - его аббревиатуру в шутку расшифровывали как Табор Питерских Изгнанников - ТПИ. А имелись в виду, между прочим, еврейские юноши и девушки Ленинграда, у которых не было никаких шансов на высшее образование в родном городе, будь они хоть семи пядей во лбу. Таким же пристанищем для советских "изгоев" из разных мест был и Тартуский университет. Что касается общества Еврейской культуры в Эстонии, то, зарегистрированное в 1988 году Министерством культуры республики, оно стало первой в Со-

ветском Союзе легальной еврейской организацией. Сегодня оно имеет свою газету - "Хашахар" ("Рассвет"). Из небольшого информационного листка она превратилась в публицистическую газету, имеющую своих подписчиков не только в нашей стране. Мы создали свое спортивное общество "Маккаби" и наконец сумели открыть свою дневную школу-девятилетку, насколько я знаю, тоже пока единственную в Советском Союзе.

Вам интересно знать, что это за школа? Отвечаю: в Таллинне после войны сохранилось единственное здание, построенное еще в 1920-е годы на деньги евреев. Это здание старой еврейской гимназии. К сороковому году, с приходом советской власти, эта гимназия была закрыта, так же как и все остальные институты еврейской жизни. После войны в этом здании разместилось ПТУ. Когда возникло Еврейское общество, мы вспомнили об истории этого здания и попросили нас в нем приютить. За нас ходатайствовал Фонд культуры Эстонии. Дирекция ПТУ потеснилась, и нам отдали два этажа. Так мы снова обрели свой дом. Днем здесь школа, вечером - Еврейское культурное общество со своими клубами и редакцией.

Итак, о школе. Мы считаем ее альтернативной общеобразовательной государственной школе. Во-первых, она живет по еврейскому календарю. Мы отмечаем все национальные праздники, как это у нас принято. В пятницу зажигаем свечи, поем наши песни вместе с учениками. В субботу не учимся. Преподавание ведется на русском языке, но с первого класса, кроме общепринятых предметов, наши дети изучают четыре языка - русский, английский, эстонский и иврит. И еще: наша школа абсолютно деполитизирована. В ее стенах не разрешается никакая-либо политическая деятельность: левых, правых - все равно. Это касается как учителей, так и учеников. За стенами школы - пожалуйста. Я не знаю, чем это объяснить, но с самого начала между учениками и педагогами сложились теплые, почти домашние отношения, очень доверительные. Классы небольшие, ученики выбирают удобную им форму общения с учителем. Например, меня называют на "ты". Кстати, на иврите и нет другой формы общения. Школа звенит детскими голосами с утра до вечера. У детей обнаружилась масса интересов. И мы стараемся, чтобы они получили все, что возможно. И последнее. Когда летом прошлого года мы заявили программу школы и на-

чали набор детей, то столкнулись с таким фактом: огромное число родителей неевреев, русских в том числе, захотели отдать сюда своих детей. Мы растерялись. Объясняли каждому персонально, что в школе есть своя еврейская специфика, а у евреев не принято навязывать и пропагандировать свою традицию, она очень замкнута в себе, хотя нам приписывают другое. Но ничего не помогало. В конце концов мы приняли столько детей, сколько смогли, школа ведь небольшая. И вот сейчас, наблюдая этих детей в школе, на уроках и переменах, я чувствую, я вижу, как хорошо и свободно они себя чувствуют. У них нет никаких комплексов, они расппевают наши песни, танцуют наши танцы, и каждый раз я думаю, какое счастье, что в наших детях нет злобы и ненависти...

Национальных культурных обществ сейчас в Эстонии 17 или 18. Объединившиеся в них люди - тоже ведь часть и "русскоязычного" населения Эстонии.

Эти люди - не политики. Они, как правило, не являются лидерами каких-либо движений и партий, это рабочие, служащие, творческая и научная интеллигенция, школьники и студенты. Они не произносят громогласных речей с высоких трибун, не предьявляют ультиматумов и не грозят гражданской войной. Они кропотливо, день за днем, шаг за шагом, выстраивают эту - хрупкую пока еще - модель межнациональных отношений, которая предполагает прежде всего гражданский мир и согласие на земле Эстонии. Они создают по возможности комфортную и гуманную для человека среду. И эта их деятельность, по-моему, сейчас и является альтернативой мощной еще имперской идее. И все-таки, какие же мы здесь, русские Прибалтики? Наш феномен в том, что наше русское население и многонационально и многолико. Очень многие считают себя русскими и не собираются считаться кем-то другим. И, отделяя себя от Интердвижения и иже с ним, очень многие, как я сама, к примеру, не можем отделить себя от этой русскоязычной общины - мы ее плоть и кровь.

Сейчас, оглядываясь назад, можно сказать, что демократически настроенная часть русскоязычной общины не сумела активно проявить себя политически, не сумела провести в парламент своих кандидатов-демократов. И в результате мы имеем в Верховном Совете СССР депутата от Интердвижения Е. Когана, а в парламенте Эстонии - группу "За равные права", кото-

рая последовательно торпедирует все начинания и реформы эстонского правительства. Но есть и русские социал-демократы, и политический клуб "Референдум". Русское население Эстонии традиционно продолжает поддерживать государственные структуры, мы имеем государственные газеты, радио и телевидение на русском языке, русские школы. Есть и независимые русские издания, такие, как "Новая ганзейская газета", "Республика", "Дайджест", и свой Русский театр, русские журналы и так далее. Возникло в Эстонии уже и несколько Русских культурных обществ - в Таллинне, Нарве, Тарту. Складывается особая, я бы сказала, культура - культура русских Прибалтики. Она имеет свои черты. Она уже определенно отличается, скажем, от русской культуры России или от культуры русских Средней Азии. И лицо нашей многонациональной, многоликой русской общины, может быть, точнее всего можно рассмотреть сейчас именно через культуру. Но это особая, отдельная тема.

А жизнь в Эстонии, как говорится, идет своим путем. Когда становится слишком спокойно или слишком напряженно, что-то обязательно взрывается. Без жертв, слава Богу, пока. Последний взрыв в Таллинне потряс родильный дом. По телевидению показали опустившегося человека, который бормотал что-то насчет своей обиды на сожительницу, которую (обиду) он таким вот образом выместил. На вопрос, где взял взрывчатку, сказал - дома. Решили, что эта акция не имела политических мотивов, на этом и успокоились. Наш мощный КГБ со всем своим сверхбдительным аппаратом до сих пор не рассмотрел в упор ни одного террориста в Прибалтике, так же как, впрочем, и таинственных боевиков Цхинвали. Во всяком случае, сообщений из пресс-центра КГБ к общественности не поступало.

Ну, а референдумы в Прибалтике независимо от того, будут они или не будут признаны юридически действительными, имеют для нас очень большое значение.

Они добавили нам оптимизма, которого, честно говоря, уже не хватало. Это было как рукопожатие сотен тысяч незнакомых людей; мы словно сказали друг другу: нас много, мы вместе, и мы не намерены помогать вновь ставить на штыки обветшавшую кровлю империи.

Вальмар Адамс

Inferno

Данные Данте об Аде
не соответствуют истине.
Ад обладает весьма
целесообразной структурой.
Он одноэтажный, о кругах
нет и речи.
У каждого здесь свое место.
Перед воротами две
цветочные клумбы.
Никто там не пьет,
не бузит.
Никто не вещает, не думает.
Ад отапливается теплым
дыханьем его обитателей.
Курить там разрешается
всем, потому что и это
повышает температуру.
Есть в Аду и кино, а по ночам
у каждого
свой театр.
Днем же никто ничего
не смотрит
из-за недостатка времени.
В Аду нет никаких проблем,
ни мировых, ни женских,
ни прочих,
и вообще ничего.
Только бухгалтер.

Добро пожаловать!

Юхан Вийдинг

я стал умней. где прежде
ни бельмеса -
я разобрался, как в густом
лесу.
про что была моя одна
пьеса?
про зайчика? про хитрую
лису?
нет! вы меня толкуете
превратно.
там жизнь людей. она сложна
хитра.
вот рукопись. я взял ее
обратно.
я не засну пожалуй до утра.
но хватит о животных.
жизнь клокочет
и наши взгляды надо
защищать
от тех кто нас захочет
опорочить
а то еще и громко осмеять

хочу чтоб и В ТЕАТРЕ
жизнь сама
бурлила и сводила нас с ума
чтоб каждый приходил
на представленья
и там смеялся хлопал и рыдал
и в жизни полной
жизне-утвержденья
он сам себя на время забывал.

Ильмар Лаабан

Жить свободным или умереть

Взвесить тяжесть солнца на
весах листвы
признать правду каждого
порыва ветра
носить на лбу отзвук
колодцев
жить свободным или умереть
Целовать ключи камней и
небесной лазури
и животных среди грозы и
завенья
петь среди пустыни голосом
снега
жить свободным или умереть

Собрать все исчезнувшие
слова
содрогаться от оргазма
цветов
рушащего тусклые небесные
своды
жить свободным или умереть

Внимать журчанью фонтана
истинной крови
говоря посреди ужасающей
зелени
знать цену возмездья и цену
звезд
жить свободным или умереть

Знать что истлевшие глаза
предателей
становятся плотью рыб
несущих надежду
мечтать о папоротниках о
железе
жить свободным или умереть

Оплакать окаменевших пчел
отыскать ту щель
откуда выходит
новорожденный месяц
встретясь со смерчем
засмеяться ему в лицо
жить свободным или умереть

Разглядеть цветущую
черную тучу
над пестротой бесплодной
ландшафта
обнять лимфу безумья
обнять изваянье
жить свободным или умереть

Вспомнить позор вспомнить
море
понять землистый вопрос
ребенка
остаться верным
растаявшей льдине
жить свободным или умереть

Наблюдать рассвет
растущий деревом среди
долины
с вершины горы собственной
ненависти
в лице человеческого
соединить град и бабочку
жить свободным или умереть

Жить как живут летучие
рыбы
жить в зимнем огне и в ночи
доброты
жить бесконечно нетленным
жить продолжаясь
в прекрасном тумане

Жить травой на могиле
убийцы
жить со скалою в руке в другой
радость
жить открывая сердце
прибою
жить свободным или умереть

Перевел с эстонского
Светлан Семеновна

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Стихи этих трех эстонских поэтов не случайно выбраны мною для публикации. Во-первых, я был движим мыслью охватить возможно больший временной диапазон; во-вторых, их стихи были неизменными спутниками моих трудов и дней вот уже более четверти века.

Именно тогда, еще в университете, в Тарту, мне впервые попало на глаза стихотворение поэта-эмигранта Ильмара Лаабана (р. 1920) "Жить свободным или умереть", своим рефреном напомнившее мне известное обращение Элюара к Свободе; с него, собственно, и началась моя карьера переводчика (1964), причем завершил я этот перевод только теперь, специально для Lettre Internationale. Ныне Ильмар Лаабан, живущий в Стокгольме, вновь вернулся на родину - книгой стихов, изданной в прошлом году таллиннским издательством "Ээсти раамат".

Вальмар Адамс (р. 1899) - патриарх эстонской поэзии, член Пражского ПЕН-клуба еще с начала 30-х годов и (мне лестно упомянуть об этом) мой университетский наставник и мэтр. Стихотворение "Inferno" написано им в лагере, в Казахстане, под Карагадией.

Мой приятель Юхан Вийдинг (р. 1948), на мой взгляд, самый изящный из современных эстонских поэтов. Он актер. Он играл Гамлета - и этим все сказано.

Светлан Семеновна

Когда умер Сталин, мне было пять лет, и я слушал радио. Только благодаря радио я имею возможность сказать пару слов о том трагическом и историческом дне похорон. Иначе я бы ничего не заметил. Газеты мы не выписывали, а в присутствии детей даже о живом Сталине в доме особо не говорили, а уж тем более о его смерти или об отношении к ней.

Один из моих друзей - Андрес, художник, любит вспоминать о том, как в начале пятидесятых годов он, проезжая на электричке из Пяэскоула в Таллинн, видел из окна вагона стоящего на перроне станции Кивимяэ мальчика, в белых гольфах и сандалиях, в зеленой тирольской шляпе с заткнутым за ленту пестрым перышком на боку. Он испытывал такую зависть к этому мальчишке, что готов был убить его.

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ О СМЕРТИ

РАССКАЗ

Однако выяснилось, что этим мальчишкой был я.

Я знаю, что это неопровержимая правда. Не было ни одного другого мальчика, который носил бы такую же тирольскую шляпу и жил в пятидесятых годах в тех краях, неподалеку от станции Кивимяэ. Это меня по торжественным дням заставляли натягивать белые гольфы и водружали мне на голову эту жуткую шляпу, которую я ненавидел и которую не смел ни за что на свете сдвинуть на ухо, если она уже была раз надета на голову. Шляпа эта хранилась в задней комнате, в платяном шкафу, на третьей полке снизу. Время от времени мне измеряли рост. И когда открывали шкаф, прижимали меня спиной к внутренней стороне дверцы, клали на голову толстую книгу и проводили черту, я видел шляпу.

Такого пацана мой друг действительно мог созерцать, когда поезд мчался мимо нашей станции.

Но он не видел, как я вел себя в день похорон Сталина. Тогда меня снова нарядили в чистую одежду и напялили на голову шляпу, потому что собирались взять с собой. Мать работала на дому. Было время артелей, и мать входила в одну из них, где шили женские подвязки. К нам домой привозили тяжелые черные мешки из хлопчатобумажной ткани, в которых таинственно позвякивали пряжки из никелированной проволоки. В других мешках хранились крохотные резиновые носики с жестяными петельками, через которые нужно было продергивать кусочки ленты. Потом мать протягивала ленточки сквозь пряжки и на старой зингеровской машине аккуратно сшивала концы, и когда резиновый кончик цепляли за край пряжки, штрипка была готова.

Мать приносила домой огромные куски розовых, голубых и белых лент шириной в палец. Имелось особое приспособление, чтобы разрезать их на кусочки. По концам грубо обструганного деревянного бруска вбивались острые иголки. На них натягивали ленту, на бруске умещалось до десяти полосок. И потом этот слой единым махом разрезали бритвенным острым ножом по намеченным на бруске меркам.

Звук бритвы, перерезающей хлопчатобумажные ленточки, таил опасность. Казалось, будто нож, вторгаясь в ткани, выдыхает сквозь зубы. На местах разрезов на бруске образовывались глубокие, сверху пошире, а снизу узкие, как острие ножа, бороздки.

Мать частенько что-то приносила и уносила. Артель размещалась в городе, и в бесчисленные поездки туда и обратно нередко брали и меня, так как, оставшись один, я мог что-нибудь натворить. Между прочим, я совершал весьма невинные и серьезные проказы. В четыре года я забрался на высокую сосну и стал раскачиваться в кроне. Однажды развел в печке огонь и намешав воды с мукою, решил запечь в тесте каштаны. Я же не знал, что это не парижские каштаны.

Я уже носил ту отвратительную зеленую шляпу, когда строгий голос по радио объявил, что вся страна замрет в минуте молчания. Я переспросил у матери, не застыть ли мне тоже. Мать, даже не взглянув в мою сторону, сказала, стано-

вись, мол, если хочешь. Я не стал пускаться в рассуждения. Самому мне казалось, если все застынет в минуте молчания, то странно, если я этого не сделаю. И встал в почетный караул поблизости от окна. Между мной и стенкой с подоконником была только полка и радио на ней. Оно потрескивало на уровне моего живота. Вероятно, на лице у меня снова появилось то выражение глубокой задумчивости, которое сейчас мы видим на старых фотографиях. У меня круглое лицо, надутые щеки, прямая спина и взгляд, обращенный в себя.

Я стоял и смотрел в окно. Меня не распирало чувство торжественности или трагичности, потому что я не совсем понимал, что происходит. Лишь сознавал, что нужно быть сопричастным и что-то сохранить в памяти, а дальше будет видно. Однако я не знал, что разумнее оставить в памяти, и на всякий случай запомнил все, в том числе и то, что видел за окном. Там стояли высокие сосны с ветками на самой макушке. Внизу же, на высоте нескольких этажей, виднелись лишь голые красновато-бурые стволы. Сосны мне очень нравились. Прямо под окном росла чахлая ива. На мой взгляд, она была некрасива: изогнутый, толщиной едва в запястье, противный зеленый ствол с редкими случайными сучьями был искривлен и в верхней части словно не знал, куда расти.

Еще я подумал о том, что повсюду люди стоят и молчат. Мои мысли улетели далеко, а воображаемая картина выглядела весьма привлекательной. Забылись и зеленая шляпа, и белые гольфы с белыми помпошками. Однако представить себе людскую массу, застывшую в печальном молчании, было нелегко. Выполнили ли все приказ? И кто успеет за такое короткое время проверить, все ли делают так, как велено по радио? Я разглядывал деревья за окном, занавески, выкрашенные белой краской рамы и думал, можно пошевелить пальцами или нет. Я был маленьким мальчиком рядом с огромным деревянным ящиком и стоял по стойке смирно в зеленой тирольской шапочке. Миллионы мальчишек сегодня с крохотными разноцветными коробочками на поясе или в карманах, с клапанами на ушах таскают за собой музыкальные машины повсюду. Я же не мог утащить с собой коричневую деревянную коробку, а в ней менялся мир.

Потом радио освободило меня, и уже через полчаса я был озабочен своей шляпой, думал о ней с возрастающим стыдом и отвращением, потому что ходить в ней по улице было для меня настоящей мукой. Я не знаю родственников своих друзей. Мать Андреса составляла исключение. Странно, что именно Андресу, единственному из моих нынешних знакомых, посчастливилось увидеть меня в свое время в том странном наряде.

До сего дня помню неторопливые, весьма однообразные рассказы матери Андреса о том, какая жизнь была в разоренной войной Нарве. Город разбомбили и сровняли с землей. Мать Андреса жила там довольно долго и тоже работала в какой-то артели, как и большинство матерей в то время. Артель выпускала маленькие ручные зеркальца, и квадратные, и круглые, на обратную сторону которых приклеивали фотокарточку с видом Медного всадника или Зимнего дворца. Мать Андреса содержала бухгалтерские счета в порядке. А их начальник, живший в целях конспирации в плохонькой железной хибаре за Темным садом, оказался на самом деле большим жуликом. И вовсе он не был беден, наоборот, ловко мошенничал. Когда махинации затынулись, все эти сомнительные дела всплыли в бухгалтерских книгах. Догадавшись, что мать Андреса учуяла неладное, и понимая, что она не тот человек, которого можно подкупить, директор-махинатор написал на мать Андреса жалобу напрямую Сталину.

Мать Андреса делала в этом месте паузу.

Это была самая прелестная пауза, когда-либо имевшая место в послеполуденных беседах, которые велись в 1978 году в Таллинне. В этой паузе скрыто бесчисленное число тайных доносов и трагических ударов судьбы.

Для матери Андреса все сложилось на редкость удачно. Жалобу с полдороги вернули на место для расследования. Бюрократия в тот раз сработала против доносчика, письмо попало непосредственно в руки махинатору. Разумеется, мать Андреса вскоре покинула Нарву, оставив шулера один на один со своими проделками. Что с ним стало потом, неиз-



*Защитный слой.
Стихотворения.
Таллинн, 1975 (на
эст. языке);*

*Речь на
определенную тему.
Стихотворения.
Таллинн, 1977 (на
эст. языке);*

*Черные грифы.
Роман. Таллинн,
1983 (на эст. языке);*

*Мужские танцы.
Новеллы. М., 1984.*

вестно. Зеркальца с Медными всадниками на обороте делают где-то и по сей день.

Наверняка это было именно в 1978 году, когда я впервые узнал, что Рене Магритт нарисовал "Империю света". Мысленно я вновь и вновь возвращаюсь к ней.

Я не встречал ни одной другой картины, где бы так ненавязчиво, без ужасающего страха и излишней символики одновременно присутствуют два мира. Тот, что впереди, и тот, что за ним. Как первый, так и второй. Как один, так и другой. Как этот, так и тот. Или как пожелаете. С помощью этой картины вам просто дают об этом знать, и называйте это как хотите. Свет и тьма. День и ночь. Жизнь и смерть. Жизнь и бессмертие. Будьте любезны!

Мать Андреса похоронили на кладбище Рахумяэ, и все мы там были.

В крохотной, сложенной из плитняка промерзлой часоушке наш общий знакомый играл на скрипке, а священнослужитель, к счастью, обошелся без излишней патетики. Его речь была по-настоящему человеческой. В середине его проповеди в оконное стекло ударились синичка. Многие наверняка даже не заметили глухой слабый стук, но я услышал его и птицу увидел тоже.

Какие бы легенды ни умещались в людских умах, я знаю, что столкновение птицы с оконным стеклом связано со смертью. Это знак. Но многие знаки не имеют объяснения, и нет на них ответа, и кто задает вопрос, встает на запретный путь или выглядит глупцом.

Полет птицы, оконное стекло, скрипка, все мы - вот похороны матери Андреса.

На следующий год осенью, в день поминовения усопших, мы, несколько человек, отправились в дальнюю прогулку. Отнесли цветы на могилу матери Андреса и зажгли там свечу. Был послеполуденный час, но в конце ноября здесь рано и быстро темнеет. Мы отошли от могилы, нам предстояло еще долгий путь по кладбищу. Под деревьями на могилах, припорошенных свежим тонким снегом, полыхали, насколько хватало глаз, крохотные огоньки кладбищенских свечей.

Мы шагали по снежной слякоти, и Андрес рассказывал истории о своем учителе немецкого языка.

Этот человек имел обыкновение ходить в ядовито-зеленом костюме и сандалиях апельсинового цвета. У него была особая манера наблюдать за классом, когда он писал мелом на доске. Он опускал очки на самый кончик носа, сдвигал их чуть в сторону и подглядывал, что отражалось в стекле. Свет падал слева, а доска была темная. Стоя к ученикам спиной, он мог резко обернуться и заорать, брызгая слюной:

- Меньш, что ты делаешь?

Фамилия Меньш в его устах звучала в зависимости от настроения: то Меньш, то Ментц.

Однажды он повез класс на экскурсию в Москву и раздобыл себе билет в Большой театр. Но запонки он забыл дома, и девочкам пришлось шить ему манжеты, чтобы они не торчали расстегнутыми из рукавов куртки. Потом они зашили ему и воротник, потому что там тоже не оказалось пуговицы. В театре, в мягком кресле, он мгновенно сладко заснул. Когда вечером он добрался до общежития медицинского училища, где они ночевали, на другой стороне улицы, напротив их окон, вспыхнул пожар. Дом горел, языки пламени выбивались наружу. Учитель немецкого языка немедленно распахнул свое окно и стал поучать пожарных, как потушить огонь. На улице стали собираться кучки любопытных зевак. Учитель оказался настоящим вдохновителем, истинным оратором. Он грозил, что если так отвратительно тушить, опять все пойдет, как в двенадцатом году. Он имел в виду, разумеется, 1812 год, когда сгорела Москва.

Позднее он, говорят, эмигрировал, завел где-то прачечную и, наконец, печально кончил жизнь в автокатастрофе. И все-таки о нем вспоминают как о хорошем человеке.

Нам, ни разу в жизни не видевшим этого человека, показалось, что в нем был сокрыт один архетип?

Мы брели по кладбищенским дорожкам, смеялись, однако без злобы, над странностями этого чудака. Текла довольно призрачная беседа, если учесть время и место.

Наконец мы сменили тему, нам предстояло немало пройти.

Совершенно свободно фабулируя, мы описывали Андресу, какую картину он мог бы нарисовать.

Внизу расстилается крышка письменного стола. На ней разгуливают петух и куры. Они клюют маленькую фигурку бронзового человека. Это часть письменного гарнитура. Гарнитур - с четырехугольными чернильницами из толстого стекла, и между ними на каменном постаменте этот бронзовый старичок. Кроме того, на столе растет земляника, а между листьями извивается змея. И надо всеми - огромное, с розоватым отсветом, небо, а из-за облаков выглядывают пышношекие ангелы.

Любой предмет что-то символизирует, может быть вещь в себе. Однако - живи как хочешь, пиши или рисуй, как пожелаешь, - жизнь показала, что так или иначе во всем есть символика. Во всяком случае, получилась бы занятая и роскошная картина. Куры и старичок изображали бы глупость, змея - мудрость, а ангелы напоминали бы ренессанс.

Сразу за ними начинался сосновый лес и поросший кустарником склон, где ребенком я любил кататься на лыжах. Мне нравилось мчаться с горки вниз, нравились страх, риск и скорость. К сожалению, в Таллинне нет спусков круче, чем те, что начинались здесь, сразу за кладбищенской оградой.

Длинная ровная лыжня на синеем снегу, холодное февральское небо, розово подкрашенное на западе, неспешно скользят лыжи, легко поскрипывает снег под ногами; я еду к дому, где мне вот уже много лет не грозит зеленая шляпа лесничего, потому что голова выросла, однако ждет приятная расслабленность и чай с лимоном - волна таких воспоминаний настигает меня, когда подходит к концу наша длительная прогулка.

Когда умер Молотов, в газетах появилось краткое сообщение. Ему было за девяносто, давно на пенсии, жил в Москве. В тот день, когда он умер, мне исполнилось тридцать девять лет.

Накануне вечером я смотрел по телевизору выступление танцевального театра из Упперталя. Спектакль показывали поздно вечером, ближе к полуночи. Место действия - безлюдное кафе, где стояли лишь венские стулья и маленькие круглые столики черного цвета. Танцоры с аскетическими лицами двигались между столиками и стульями, извиваясь вокруг черных предметов, приподнимали их, кружились, как роботы, повторяя по-человечески мягкие движения. Три женщины и четверо мужчин. Это была история трагической любви. Ясно, что во время войны. Движения артистов не были символическими в прямом смысле этого слова, они разговаривали между собой на каком-то новом языке с помощью шагов и жестов. Драма развивалась то в тишине, то в сопровождении мрачных арий, исполняемых низким женским голосом, особенно когда они погибающими птицами металась в закрытом помещении.

Смотреть выступление труппы было интересно, но на душе становилось тяжело.

Следующий день, то есть день, когда сообщили о смерти Молотова, прошел у меня в трудах и заботах, был скучен и утомителен. Кто знает, может, я все еще находился под впечатлением ночного танцевального театра, или надвигались перемены в погоде. Состояние природы в мире ухудшается, и погода бывает самая разная. Низкое и высокое давление перемежается на севере с привычной быстротой. Но это неважно. Вялый день утомляет даже в самую хорошую погоду, а какое-нибудь дурацкое собрание способно вызвать отвращение ко всему роду человеческому.

Когда я в этот день добрался до дома, то обнаружил в почтовом ящике письмо. Пятилетний сын моих знакомых, единственный, кого я знаю и хочу знать из своих друзей-детей, перепутал мой день рождения. Он прислал свое поздравление с двухнедельным опозданием. Своей счастливой рукою он для подарка вложил в конверт рецепт. Это единственное, что меня в тот вечер развеселило. Письмо пришло как привет из другого мира и содержало столько утешения и надежды, что я привожу его здесь дословно.

"Возьми простую рыбу.

Возьми одну чашку муки и четыре чашки соли.

Возьми грецких орехов и разрежь пополам сверху вниз.

Положи рыбу на масло.

Поставь в печь и держи при двадцати пяти градусах до 6 часов".

Перевела с эстонского Нэлли Абашина

Когда-то мой маленький мир казался нерушимым. Просторные комнаты в деревянном двухэтажном некрасивом доме на очень тихой таллиннской улице, близ Кадриорга.

Моя семья: Женя, мой муж; маленький Женечка, сын с серьезными, задумчивыми глазками на круглом лице; Иришка, которая будила нас по утрам веселым щебетом. А рядом - комната с вещами из прошлого: старинные кресла и овальный стол из красного дерева, немного датского фарфора, фотографии, старое-престарое пианино - мама. Не старинный портрет в этой красивой раме, а живая мама, которая жила в нашем мире и ни-

Татьяна Кашнева

промышленники, собственники фабрик и магазинов, потом, со скорбью расставаясь со своими вековыми, но уже обедневшими гнездами, старое немецкое балтийское дворянство. И наконец, люди без роду и племени, люди, отрекшиеся от своего имени и отчества. Эти, правдами и неправдами доказывая свое немецкое происхождение, как милости, выпрашивали покровительства и приюта. Дер фюрер руфт - и тысячи людей с детьми и вещами устремились в гавань...

Это было хорошо организованное, продуманное бегство "нах фатерлянд", на ту родину, которая уже столетиями ни для кого из этих людей не была родиной. Многие не спасут этим бегством ни своего имущества, ни даже своей жизни, война настигнет и поразит их всюду. Некоторые выкарабкаются, и не только приспособятся, но и будут пользоваться

многими благами. Но у всех у них будут минуты, когда с тоской вспомнят они холодный родной город, шум сосен на берегу Финского залива, и серое небо, под которым они родились.

И вот в этом летнем небе загудели первые советские самолеты. Теперь в Эстонии военные базы. А в суровую зиму с непривычно жгучими морозами, - птицы замерзли на лету, - в затемненном городе

мы услышали дальний гул орудий. Началась финская война. В нашу жизнь вошли теперь новые люди, и мы с любопытством приглядывались друг к другу. Это были наши случайные постояльцы - советские офицеры-летчики. Простые парни, молчаливые и чуть недоверчивые. 14 июня 1941 года в три часа ночи в нашей квартире раздался звонок. Женя спал, но я ждала, я их давно ждала. Я знала, что они придут, на душе было тревожно и смутно. В городе начались аресты, а теперь вот уже три дня и три ночи увозили людей. Самых обыкновенных. В чем их вина - никто не знал, многие погибли, немногие вернулись...

Звонок был повелителен и резок. Я вскочила. "Женя, вставай скорее! За нами пришли". Они вошли, стуча сапогами. "Вы арестованы и высылаетесь бессрочно с семьей в одну из областей Советского Союза". Мама вышла из своей комнаты причесанная и одетая. Она, видимо, не ложилась. Сестра пришла поздно с работы, она крепко и молодо заснула и сейчас, еще ничего как следует не понимая, быстро собиралась. "Живо поднимайтесь! Теплые вещи с собой, а так - поменьше всего, самим тащить придется. Ну, давай, давай живо!" Они ходили следом за каждым из нас, громко командуя. Грузовик с вооруженными солдатами ждал внизу. Светало. Муж сидел в столовой и подписывал бумаги. Он был спокоен, но рука у него все-таки дрожала. Мама упаковывала вещи, не обращая на пришедших никакого внимания. Я одевала сонную Иришку.

За Таллинном, на незнакомых путях, стоял бесконечно длинный товарный поезд. "Все мужчины отдельно, в другие вагоны, живо". Я быстро прощаюсь с мужем, вынимаю ему пару белья, подушку, коврик, чтобы спать в вагоне не на досках. Этот коврик моего детства - единственная вещь, которую он, через много лет, привезет из лагеря в сером мешке за спиной. Загремели засовы, и враз закрылся мир за стеной вагона. Света мало, только два маленьких зарешеченных отверстия наверху, но и их закрыли. Поезд стоит недолго, видимо, мы последние. Вот он дернулся, пошел, и оборвалась ниточка, связывающая нас с прежней жизнью. До свидания, Женя!

Только много позже, проехав долгий, трудный путь, где на каждой остановке испуганные женщины будут спрашивать: "А где же мужья, отцы?" - мы поймем, что это расставание надолго, а для многих и многих навсегда...

НЕВЫДУМАННАЯ ПОВЕСТЬ



Т. Б. КАШНЕВА. Е. А. ЗОЛОТОВ. ТАЛЛИНН. 1937

когда не старела. И еще моя сестра, русая девушка с певучим именем Аленушка, с чуть загадочной улыбкой и детскими глазами. И в этот бездумный сегодняшний день с книгами, друзьями, поездками на дачу вошло что-то чужое и страшное. Немцы напали на Польшу. Франция в огне войны. С запада приходят неясные вести: никто не знает, верить им или нет. В покоренной Польше людей выгоняют из своих домов и квартир. Евреев куда-то увозят. В Таллинне заседает комиссия из Германии. Немцев приглашают заселить Польшу - "исконно немецкую землю". Будет война с Россией - здесь оставаться нельзя, - шепчут иные. Надо уезжать, там безопаснее. И вот потянулась длинная вереница. Сперва

... Я иду за телегой мягким осенним днем. Ни о чем не думаю, с одним желанием: скорей, скорей дойти. А тощая лошадь еле плетется. На телеге лежат, покрытые старым ватным одеялом, две молодые девушки: наша Аленушка и Вайке, эстонка, золотоволосая и красивая. Может быть, тиф? В районной больнице уже нет мест. И нам дали направление в глухое, далекое село за 20 километров от совхоза. Ах, как медленно плетется лошадь! Нескончаемая дорога. Кругом поля и поля... Солнце еще греет, но уже по-осеннему печальна тишина этих пустынных, затянутых серебряной паутиной полей. Аленушка открывает глаза. Она смотрит на меня с тоской и молчит. А у Вайке голова мотается при каждом ухабе из стороны в сторону, глаза приоткрыты и уже ничего не видят. На пустынной дороге мы встречаем путника. Худого и оборванного. Он подходит, снимает свою смешную кепочку с бритой головы и молча кланяется. Это журналист из Риги. До войны он немало разъезжал по свету, говорит на многих европейских языках. Теперь он - рабочий совхоза, сактированный по болезни из лагеря. Он стоит на обочине и долго смотрит нам вслед, грустными еврейскими глазами. В больнице нас никто не встретил. Я бегала то к врачу, которая жила тут же, то к завхозу, умоляя принять сестру и Вайке, ведь у нас направление, не везти же умирающих обратно. Но завхозу надо было кормить свиней, а врач к себе не пустила. "Если старшая сестра согласится - пусть принимает. А у меня - выходной". Старшая сестра нас наконец приняла. Уходя, - ночевать мне здесь нельзя было, - я увидела уже остриженные головы; на подушке лежала голова Вайке, с чужим, бессмысленным лицом, и Аленушкина маленькая головка с большими испуганными глазами. Их положили без осмотра и диагноза в палату сыпного тифа. Позже выяснилось, что у них был брюшной. Через неделю я добилась разрешения привезти маму. Мне казалось, без нее Аленка умрет. И опять, теперь уже с мамой, мы тряслись по ухабам, а впереди бесконечно тянулись сжатые, побуревшие поля. А вдруг поздно? Нас встретила сиделка. "Ничего, не померла еще. Хорошо, что ты мать привезла, нам-то возиться некогда. Вишь, сколько больных - всех не накормишь". Аленушка была похожа на маленького мальчика. Она лежала спокойная, с широко открытыми глазами. "Алечка, Аленушка, мама приехала. Ты слышишь меня, ты рада?" Она повернула ко мне свою наголо остриженную головку, но большие синие-синие глаза ее смотрели мимо меня, на то, что я не могла видеть. Волнуясь, втолковывала я ей, что мама останется здесь, с ней. "Ты ведь рада, не правда ли?" Наконец я увидела огромные уши, которые она сделала над собой, чтобы понять, и вдруг она посмотрела на меня, и что-то на мгновение озарило ее лицо. А потом она отвернулась и продолжала лежать, не произнося ни слова. Но она жила, и теперь мама не даст ей умереть. А Вайке, радостная, золотоволосая, смешливая Вайке, оставалась неподвижной, и что-то очень страшное было в ее застывшем лице, покрытом сине-лиловыми пятнами от укусов мух, которых никто не отгонял. Я наклонилась над ней. Она дышала с легкими хрипом, и тонкая струйка слюны стекала с ее серых губ. Это была уже не она...

И еще раз тот же путь. Колеса стучат по мерзлой уже земле. Снег еще не выпал. Я везу для Вайке грубо сколоченный в совхозе гроб. Он подсакивает и гроыхает на телеге. Рядом со мной сидит сводная сестра Вайке, девушка лет семнадцати. Темными суровыми глазами смотрит она на нитку дороги и молчит. Почему, за что эта красивая девушка, не окончив школы, попала сюда? Почему она должна валить деревья, и работать целый день на сплаве, спать, не раздеваясь, на холодных твердых досках? Она не понимала, и мрачный огонек в глазах делал ее лицо жестким. Много позже я узнала, что из ссылки она попала в лагерь. За что - неизвестно. Осталась ли жива эта когда-то красивая и нежная как цветок девушка, или не выдержала? Больше я о ней никогда не слыхала. Мы ехали хоронить Вайке. Мама нас встретила в коридоре больницы. Она очень похудела. Остриженная, с белой марлевой повязкой на голове, она показалась мне совсем другой, лицо ее было строгим и измученным. Здесь никого не волновало, что она переносила тиф на ногах, ухаживая за Аленушкой и за всеми в палате. А больных было много. Сиделки заглядывали редко. Утром принесут черный

хлеб и кипяток, в обед поставят миску воды, забеленной ложкой молока, в которой плавают несколько кусочков картошки - и все... Вечером никто даже не заходил. Аленушка две недели лежала в полном беспамятстве. Она бредила по-человечьи, которая прошла далеко от нас: в кого-то стреляла, куда-то убегала, и мама неусыпно сидела около, она утешала и отгоняла кошмары и страхи. Но теперь глаза у Аленки смотрели уже не мимо меня; только лежала она очень бледная, с завязанной щекой: у нее распухли десны и болели зубы.

- Не говори, что Вайке умерла, - предупредила меня мама. - Аля думает, что ее просто перевели в другую палату.

Вайке лежала внизу, под лестницей. Она была неузнаваема. Почему-то голая. С нее все сняли, прикрыта только старым рваным одеялом. Мы тщетно пытались натянуть на нее ночную рубашечку, которую захватили с собой, но смогли только прикрыть ее. Она уже заковенела. Тут же, в стороне, лежало тело еврейского юноши, которого я часто видела в совхозе. Я вспомнила его глаза, когда он, тощий, в лохмотьях, стоял на пороге нашей барачной комнаты, с благоговением держа в руке кусок хлеба, полученный от нашей мамы. В этих огромных глазах жила мука человека, испившего чашу страданий до дна.

- Я знаю, вам тоже не хватает хлеба. Я вам очень благодарен, - губы его дрожали. - Вы всегда так добры. Но, знаете, спасти меня может только собака, это мне говорили еще в лагере, а где взять собаку? Собак нет. Вы знаете, там был человек, он уже не мог стоять на ногах, и потом он съел собаку и поправился. Я еще стою на ногах, только работать уже не могу. Там меня не кормят. - Лицо его, обтянутое пергаментной кожей, дрогнуло, он закрыл лихорадочно глаза. - У меня никого нет, но я очень хочу жить. Может быть, я поправлюсь еще? Как вы думаете?

Его недавно привезли в больницу умирать. И теперь он лежал здесь, безымянный и никому не нужный. На старом деревенском кладбище яма была уже вырыта. За эту работу, как оказалось, отдали последние Вайкины вещи, платье, в котором я ее привезла, рубашку. Мы медленно опускали гроб, но веревка заскользила в наших закоченевших от холода руках. Он покачнулся, сорвался и с грохотом ударился о дно ямы. Сестра ее закричала и, отбежав, закрыла лицо руками. В этот миг нам показалось, что крышка гроба отлетела, и мы боялись взглянуть вниз. Но на дне спокойно лежал некрашенный гроб. Темнело. Мы быстро забросали неглубокую могилу комьями мерзлой земли и прикрыли маленький холмик ветками ели. Пошел колючий снег, припорошил ветки. Скоро он скроет их совсем...

...Летом я уйду спать в клеть. Там сквозь щели в стене пробивается ночная прохлада и видна полоска потухающего неба. Чуть пахнет сухой травой, гнилым деревом. И хорошо дремлет под привычные шорохи и скрипы. От них тишина деревенской ночи кажется еще глубже. Но кто это меня будит громким стуком в ворота? Кто там? "Эй, Борисовна, вставай! Из райцентра звонят, твой приехал!" За оградой стоит радостный паренек. Видимо, он дежурил в конторе сельсовета. Я бегу, бегу по деревенской улице в одной рубашке, не чувствуя августовского ночного холода... "Таня! - слышу я далекий голос, хрипловатый и чужой. Время ли его изменило, или это провода гудят? - Утром я выхожу к вам, как тебя найти?" - как плохо слышно, голос мой дрожит от волнения, и я кричу в ненадежную черную трубку: "Утром из райцентра в глубинку идут мимо нас машины с зерном. Попроси, тебя подвезут. Найди их!" Вот и все слова, после стольких лет разлуки. Теперь я бегу, задыхаясь, домой. "Мама! - кричу я. - Все хорошо! Все чудесно! Завтра Женя будет здесь!" Завтра надо встать пораньше, да нет, уж лучше совсем не ложиться. Какой сейчас сон?! На рассвете мама уходит на наш огород за огурцами, а я уже много раз хожу до того моста, откуда видна проезжая дорога, обходящая наше село, и снова иду обратно. Нестерпимо долго тянется время. Женя, неужели это правда, что мы сейчас встретимся?

За селом поднялось длинное облако пыли. Видно, там прошли машины. И вот наконец освещенный утренним солнцем

черный силуэт на дороге. Человек. Он кажется очень высоким, быть может, от худобы. Идет он медленно, тяжело и странно прихрамывая на обе ноги. Я не бегу ему навстречу, стою и жду. Вот он приближается, весь серый, в коротком сером ватнике, в рваных запыленных обутках на деревянной подошве, с серым мешком за плечами, к которому привязана какая-то жестянка. С серым, странно серым лицом. Женя, Женя, неужели это ты? Дети встретили его дома. Они не знали, кто этот чужой человек. Наверно, в их представлении папа был совсем другой. Они, чуть стеснясь, подошли поцеловать его, и я увидела, как он отвернулся. Он кашлял, на грязной тряпочке, которую он поднес к губам, расплылось яркое пятно. Кровь. Каким чудом доехал он сюда уже совершенно больной? Билет ему выписали до Кирова, но Вятка обмелела и пароходы к нам ходили только из Котельничей. А как туда добраться? В кассе билет не продадут, нечего даже и разговаривать. Указано направление до Кирова - поехал, и все. Что ж, остается вскочить на подножку поезда, уходящего в Котельничу. Рядом, держась за поручни, трясясь еще какой-то бродяга. Дождь хлестал по лицу, мелькали шпалы, кружилась голова, тело боролось с ветром, окоченевшие руки слились с железом, оторваться от поручней - смерть. В Котельничих безбилетный оборванец за кусок хлеба из Жениной дорожной пайки угостил его глотком водки.

Теперь он дома. Светит солнце, топится деревенская банька, на столе огурцы, горячая картошка, хлеб, молоко. Он ест осторожно, бережно сгребая в ладонь все оставшиеся крошки. Широко и нелепо болтается на нем серый костюм, единственный, который я ему сохранила. Весь день он странно неразговорчив, и темные глаза его смотрят устало и отчужденно. Ночью с его худого лица стекают струйки пота, я глажу его волосы: когда-то блестящие, темные, гладкие, они стали тусклыми. Даже когда мы остаемся одни, Женя молчит. Но это лучше, потому что чужим стал его голос, глухой и тихий. И совсем хрипло и страшно звучит его когда-то легкомысленно картавое "р". Туберкулез легких и горла. Это началось давно, там, в лагере. Он держался, он прошел, как во мгле, еле передвигая больные от голода ноги-палки, шаг за шагом, весь свой страдальный путь. Съеденные голодом мускулы на ногах уже никогда не нальются силой, останутся и другие знаки: укороченный палец на гнившей, отмороженной когда-то руке, и на теле - большой шрам - печать сибирской язвы.

- Я не хотел и не мог умереть. Я думал о тебе, о детях...

...Всю зиму Женя пролежал в нашей маленькой комнатке, отвернувшись к стене. На этой унылой, заклеенной старыми газетами стене рождались странные образы: леса, леса, белые, безмолвные, необъятные леса; из этого мира только один шаг в небытие. Пропадет человек, и никто никогда о нем не узнает. Белая смерть, - говорят там. Под холодным равнодушным небом копошатся люди. Их голоса приглушены падающим снегом, их движения безразличны и вялы. Но вот падают вековые ели, обрубаются сучья, уже горит костер, только не надо подходить к нему, - те, кто греется у огня, не выживают. Надо работать, пилить, валить деревья, пусть невероятная усталость. Надо гнать безразличие и жажду покоя, потому что все это - смерть. Женя ворочается на своей койке, потом вскакивает и, задыхаясь, долго, надрывно кашляет. Я смотрю на градусник - опять почти 39. Иногда он спокойно дремлет. "Как ты думаешь, где сейчас моя мама? - говорит Женя, открывая глаза. - Знаешь, я о ней теперь часто думаю. Может быть, ее уже нет в живых". - "Ну что ты, еще когда-нибудь встретимся". - "Нет, не думаю. Когда она уезжала к Леле в Германию, это уже было расставание навсегда..." И он опять отворачивается к стенке.

Трудно возвращаться к жизни человеку, который так долго был ничто. Машинально шагал, ел похлебку, спал, готовый сразу вскочить и снова куда-то шагать. Чтобы выжить, его сильное тело приспособилось ко всему. Мысли его были лишь о сегодняшнем дне, потому что всякая иная мысль губит человека. Она порождает отчаяние и гнев, лучше ни о чем не задумываться. Но теперь он лежал в этой тесной комнате, погруженный в свои думы, и казалось, на свободе к нему медленно подкрадывалась смерть. Кости его ныли от жесткой койки, кашель разрывал на части, с каждым днем все тише становился его хриплый голос, и все больше - пятна крови на платке.

Днем Женя почти не разговаривал. Но когда беззвучная ночь укрывала деревню, гасли редкие огоньки, затихали даже шорохи и в тяжелой тьме он лежал без сна, я подсаживалась к нему на койку и мы подолгу шептались, совсем тихо, чтобы не разбудить маму и детей.

- Женя, ведь суда не было. Они тебе хоть сказали, за что?

- Суда? Нет, какой там суд. Судила нас заочно тройка, что за тройка - мы понятия не имели. А приговор прочли уже там, в лагере. Я - ненадежный, мать и сестра за границей, а главное - отец. Знаешь, как страшно он умер? Их, 612 офицеров царской армии, посадили в Кронштадте на баржу и утопили в море. Это после убийства Урицкого. Они были заложниками, но в лагере мне сказали не так. Сказали, что он участвовал в ярославском восстании и его расстреляли. Ведь он никогда не был в Ярославле. Знаешь, я хорошо помню отца. Он был очень красив на коне: легкий, смуглый, настоящий кавалерист. Я помню, папа был в отставке, когда началась первая мировая война. Но он пошел воевать и больше к нам не вернулся. Рассказывали, что он мог удрать за границу в страшный для него год. Но не захотел. "Я русский, и никуда отсюда не уеду". Об этих его словах я думал там, в Эстонии, в сороковом году, когда многие говорили нам: уезжайте.

...Женя молчит. Я кладу руку ему на лоб, теперь он холодный и совсем мокрый. Но не в эти ночи и не сразу открылся мне весь страдальный Женин путь. Мало и неохотно говорил он о лагерных годах. Урывками, разодранную в клочья, увидела я только бледную тень тех лет...

...Первая благая весть коснулась наших детей. Все, кому в 54-м исполнится 16 лет, получают паспорта без ограничений. Они смогут ехать куда захотят и учиться в любом институте страны. Ну, а тем, кто был отправлен с родителями в ссылку в 41-м году в возрасте не трех, а четырех и больше лет, дороги пока закрыты. 17-летние ребята остаются ссыльными. Но с конца 55-го года то одного из ссыльных, то другого вызывают в Управление милиции. Это полное освобождение. Только в начале 57-го Женя вручают паспорт на основе реабилитации за отсутствием состава преступления.

Как же встретил нас город, о котором мы столько лет мечтали? Город равнодушно принял немногих вернувшихся и совсем забыл о многих недосчитанных. Ему не до них. Он погружен в свои дела, он строит новую жизнь и, как старый щеголь, наряжается в модные магазины, гостиницы, кафе и скверы. Он безразличен к людям. Со мной он молчит. Видно, никогда больше не расскажет он мне ни одной своей сказки. Днем по его улицам спешат прохожие. Деловито, озабоченно, с работы на обед, с обеда на работу, по дороге - в магазин. Сквозь толпу, осаждающую прилавки, не протолкнешся. Там выбросили zahraniчные кофточки, там дают эмалированную посуду, там появились чайные сервизы, там то да се. Город богат, город славен своим маслом, творогом, сливками. Город переполнен людьми. Приезжие с большими сумками, сетками, даже чемоданами теснятся у входа в магазины. Тут и хищные профили кавказцев с огромными плоскими кепками на голове, и краснолицые бабы с мешками и целыми связками валенок за плечами, и разодетые, громкоголосые москвичи в погоне за сувенирами, и сдержанные ленинградцы, приехавшие на выходной день. И всем что-то надо: надо то, надо другое. Ненасытно, алчно прибархляется человек. И ты бежишь в этой толпе, и тебе необходимы чайные чашки и занавески. В погоне за заработком, в погоне за вещами, не жалея сил, отмахиваясь от прошлого, не задумываясь о будущем, несутся безумные люди, перегоняя друг друга и зажавшихся. Но вот стоп, время для кого-то истекло; и он падает, недополучив чего-то, недокупив, недоустроив свою жизнь. И только древние, неизменно прекрасные, выдавшие немало нашествий башни города свысока глядят на всю эту суету. Им ли не знать, что все преходяще. Здесь, у туманного, овеваемого морскими ветрами берега, замкнулся наконец круг наших скитаний. И, странно, только здесь, уже утвердись на работе, завослав благополучие, обременясь вещами, я вдруг замечу, как неполноценна наша жизнь, как ко всему равнодушны привыкшие к пустому звону люди. И здесь, среди всеобщей немоты, я познаю всю легковесность нашей

веры в конец эпохи лжи и насилия. И прошлое, беспечно похороненное, предательски скоро забытое, зачеркнутое нами и историей, встанет передо мной и потребует слова. Да помним ли мы еще, что чувствовали голодные, глядя на голодных наших детей? Чем был для нас огонь в печурке, согревающий окоченевшее тело, чем был глоток воздуха после духоты тюремной камеры? Помним ли размытые дождями дороги, черные осенние ночи в вымерших деревьях? Бескрайние снежные равнины, ограждавшие нас от мира? Помним ли мы погибших друзей, трагические судьбы людей, которых мы встречали на нашем пути? Помним ли ушедших близких? Или все забыто, все замолкло? Многих упомянутых в этой повести больше нет. Вечная память там, где кончилось время. Пусть же короткая память земная хоть ненадолго сохранит их черты.

Уходит наше поколение, уходят свидетели прошлого. Много нашим наследникам еще придется узнать, много понять. Дай бог им силы не раболепствовать перед ничтожеством, дай бог мужества не переступить незримую страшную черту, за которой добро неприметно переходит в зло. Нелегким будет их путь. Что наследуют они после нас? Страх перед дерзанием? Обман? Мертвые слова? Нет. Верится мне, зазвучит Живое слово и станет звеном, связующим новое поколение с ушедшим, станет продолжением жизни, ибо без Живого слова нет ни прошлого, ни будущего, ни истории. Без него мы обречены на варварство и самоуничтожение.

О, земля, земля всех людей! Издревле и до конца дней насыщаемая кровью земля, вновь и вновь спасаемая божьими семенами красоты и разума, я люблю тебя, и не хочу тебя покидать. Я хочу бродить по твоим полям и лесам, смотреть, как плывут облака, набегают на берег волны, растет трава, зреют плоды. А часы неумолимо убыстряют бег, и убывает все еще мало ценимое, все еще не замечаемое время. Дорога, которой я иду, становится прямее и уже, все меньше людей встречаю я на ней, нет больше развилки, перед которыми можно постоять в раздумье: пойдешь направо - найдешь любовь, налево - богатство, прямо...

Я иду без большого груза, радуюсь твоей красоте, земля, и печалюсь твоим убожеством. А рядом со мной идет мой неразлучный и верный, мой нестареющий и сильный друг. Когда же, преодолевая дарованное мне Богом пространство, я подойду к самому краю земли и, оглянувшись, больше никого и ничего не увижу, и нестерпимый страх на мгновение остановит меня, кто-то, может быть, мама, протянет мне руку и скажет: не бойся! И поведет дальше...



Чтобы заполнить некоторые пробелы...

Самые решительные меры были предприняты 14 июня 1941 года и 25 марта 1949 года. Речь идет о высылке из Эстонской ССР кулаков и прочих антисоветских элементов. Эти события, несмотря на то, что они до последнего времени фактически не упоминались, всегда оставались в социальной памяти народа. Особое внимание следует обратить на утверждение, что выселение произведено якобы для того, чтобы под угрозой войны очистить тыл от враждебных элементов. Характерно, что именно 14 июня 1941 года в "Правде" было опубликовано заявление ТАСС, в котором резко опровергались всякие слухи об угрозе нападения Германии на СССР как провокационные. Истребление вероятных врагов было в свое время причиной депортации на Украине и в других местах. По имеющимся сейчас в моем распоряжении данным, в июне 1941 года из Эстонии было выселено 10157 человек, из них мужчин, которых в общем можно считать годными к военной службе, в возрасте от 20 до 49 лет, среди высланных всего 21,5%. Зато сколько стариков и детей. Таким образом, было вывезено множество людей, которые в случае войны едва ли могли нанести советской власти ощутимый вред. Какое влияние высылка населения, проведенная всего за неделю до начала войны, оказала на ход военных действий в Прибалтике в июне-августе 1941 года? Совершенно ясно, что вреда, нанесенного этой акцией советской власти, в десятки, а то и сотни раз больше, чем хоть какой-то пользы. Растерянность и подавленность, вызванные

высылкой, не исчезли и в годы войны, и в послевоенные, вплоть до новой депортации в 1949 году. Под влиянием этого события кое-кто и определил свой выбор, чью сторону принять в начавшейся войне. Не будь высылки в июне 1941-го, для подавляющего большинства эстонцев, независимо от политической принадлежности, проблема выбора не представила бы трудности - немцы, угнетавшие эстонский народ в течение 700 лет, были очень непопулярны. На борьбу с немцами во время первой мировой войны наши прадеды-эстонцы шли вполне сознательно и воевали тогда доблестно, но июньская депортация изменила очень многое. Высылка 1941 года, без сомнения, является актом административного произвола, так как ни одному из высылаемых не была предоставлена возможность защищаться. Людям зачитывалось постановление о высылке, приказывали собрать дома разрешенные вещи, препровождали на станции, где размещали в товарных вагонах. Мужчины разлучались с женами и детьми. Еще до июня 1941 года в Эстонии были произведены аресты бывших буржуазных политических деятелей, служащих и офицеров. Существует общий принцип, что человека можно наказывать только по тому закону, который в силе в момент совершения действия. Как известно, в Эстонии советская власть была установлена 21 июля 1940 года. А в состав Советского Союза она вошла 6 августа 1940-го. Следовательно, все, что совершено до этого времени, не должно подлежать суду по советским законам, тем более что буржуазная Эстонская Республика была международно-признанным государством. Причем Советская Россия признала ее первой еще 2-го февраля 1920 года.

Эвальд Лааси, историк.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кто-то из писателей заметил, что каждый человек может написать одну-единственную книгу. И она будет уникальной, если это правдивая повесть о собственной жизни. Именно такой назвала бы я "Невыдуманную повесть" таллиннки Татьяны Борисовны Кашневой.

Я не решаюсь назвать ее книгой, потому что автор никогда не думала о публикации этой вещи, и сейчас это просто рукопись объемом почти в 400 страниц.

Как же вообще узнала я об этой книге? Давно, лет 20 тому назад, познакомилась с Татьяной Борисовной и с ее сестрой, извест-

работал в этой области. Что же такое 14 лет, выбитых из жизни семьи? Для матери - последний этап ее жизни; для Татьяны Борисовны и ее мужа - годы, которые называют прекрасной порой человеческой зрелости, расцвета физических и творческих сил; для младшей сестры - начало первой ссылки совпало с началом юности; для детей она пришла на возраст перехода от младенчества к детству.

- Сколько вам было лет тогда? - спросила я Татьяну Борисовну.

- Тридцать, - ответила она.

Татьяна Борисовна и ее сестра в юности получили воспитание, подобающее их кругу, - закончили гимназию, владели иностранны-

„ВСЕГО ОДНА ЖИЗНЬ...”

ной в Эстонии переводчицей. И сразу безоговорочно мысленно объяснилась в любви к ним обем. И, как потом узнала, в этом чувстве была не одинока. Сестры пленяли изяществом, внутренним и внешним, деликатностью и умом, какой-то особой прелестью и красотой, присущей женщинам, возрасту неподвластным.

Я знала от одной общей знакомой, что Татьяна Борисовна написала повесть о репрессиях в Эстонии, которым дважды подверглись она и ее семья. Но факт этот, конечно, не подлежал огласке, и я не смела спросить ни их, ни кого-либо другого; тогда, в 73-74-м году, неосторожный вопрос или просто любопытство были и неуместны, и опасны.

Итак, рукопись "Невыдуманной повести", которая писалась 10 или 12 лет, еще столько же хранилась в глубокой тайне. Как многие люди ее поколения, Татьяна Борисовна никогда не заблуждалась насчет КГБ, и посему справедливо полагала, что если станет известен факт ее писаний о деяниях этой организации, то кара будет молниеносна и неумолима.

И только в 88-м, когда хлынул к читателям поток запрещенной литературы, в том числе и лагерной, она нарушила обет молчания. И не потому, что избавилась от иллюзий и поверила в "новые времена". Просто исчез страх. "Я уже стара, зачем я им?" - спокойно сказала она мне, развязывая тесемки пухлых, пожелтевших и обветшавших от времени папок, где хранилась рукопись.

О чем же эта единственная книга ее жизни? О ней самой и истории ее семьи. О том, как мерное и естественное течение жизни этой семьи было прервано насильственной высылкой. Один раз в 41-м году, второй - в 50-м. Никто из членов семьи Татьяны Борисовны политической деятельностью никогда не занимался, не состоял в каких-либо партиях, никаких антиправительственных действий ни в буржуазное время, ни в Советской Эстонии не совершал. Об этой семье можно сказать - типичные представители русской дворянской интеллигенции. Я бы еще добавила - высокообразованной и трудовой. Отец Татьяны Борисовны, поселившийся с семьей в Таллинне в 1914 году, был крупным и опытным инженером-строителем, и муж ее тоже

ми языками. Татьяна Борисовна училась в балетной школе в Париже, жила в Германии - словом, поехала по Европе. И к моменту "воссоединения", а затем высылки была не только полна жизни, впечатлений, молода и прекрасна, но и счастлива. Она вернулась в Таллинн, столицу еще независимой в ту пору Эстонской Республики, не предполагая, что вскоре станет без всякого ходатайства гражданкой СССР - великого восточного соседа, одну из столиц которого навсегда покинула ее семья накануне революции.

После всех своих европейских скитаний здесь, в Таллинне, она встретила в высшей степени благородного и достойного человека, ставшего ее мужем, отцом ее сына и дочери, ее единственным и дорогим спутником на всю жизнь.

Я пытаюсь приложить обстоятельства этих 14-ти лет к себе, своей семье, семьям своих знакомых, и воображение отказывает мне. Какими мы были бы там? Какими вернулись бы? И вернулись бы вообще? И главное, как бы мы стали жить дальше? Как сумели бы связать разорванные нити наших судеб? Не знаю...

Эти 14 лет какая-то аура оберегала большую семью. Какие-то силы провидения не дали ей погибнуть, раствориться, потерять друг друга, уйти в небытие... Может быть, это награда, не знаю кем данная? За ясность тех нравственных ориентиров, которые одно поколение указывало другому. И воспитание было таким, на всю жизнь, когда усваивались как данность понятия человеческой порядочности, достоинства, милосердия и любви к ближнему. И не подлежали перерождению ни при каких обстоятельствах. Честь оставалась честью, порядочность - порядочностью, доброта - добротой. Отсвет всех этих, я бы сказала, родовых качеств семьи, а если шире - качеств истинной русской интеллигенции, лежит на страницах этой книги о жизни, написанной Татьяной Борисовной Кашневой. Книги, которую она назвала просто - "Невыдуманная повесть", и страницы которой, как знак высшего доверия, предлагает нам. Оценим это.

Т.З.

Вийральт забыт. Не на родине, в Эстонии, а в Европе, где до войны интересующаяся графикой публика знала его достаточно хорошо. Одна из причин этого забвения, несомненно, в том, что забыли про существование самой Эстонии как маленькой независимой страны со своим народом и культурой. Отметка "эстонец" под именем Вийральта в каталогах международных выставок служила плохой рекламой. Основная же причина кроется в кардинальном изменении художественной ситуации в послевоенные годы, в абстрактных направлениях, пришедших на смену т.н. поэтическому реализму межвоенных лет, в отступлении культивированного техницизма перед культивированным субъективизмом манер самовыражения. Вийральт, следуя своим путем, отстал от времени.

Его самого это не очень терзало. В течение всей своей жизни он проявлял равнодушие к преуспеваю, по крайней мере, к внешним признакам его. Его позиция - яркий пример проявления эгоизма творческого начала. У него все было подчинено интересам творчества - отношения с домом, родителями, с которыми он годами не виделся, семейная жизнь, которой не было, преподавательская должность, от которой он отказался, быт, который был сведен до необходимого минимума, - закладные работы, которые он соглашался выполнять лишь в случае крайней нужды, и, наконец, выбор места жительства. Его артистической родиной был Париж, где он прожил 14 лет перед второй мировой войной, куда он возвратился осенью 1946 года и где умер 8 января 1954 года, - Париж, где он был готов перенести многое, потому что там, по его выражению, светило Солнце Искусства.

Родился он 20 марта 1898 года в Петербургской губернии, куда его родители попали в поисках работы. В 1909 году семья возвратилась в Эстонию, где отец Вийральта получил место управляющего поместьем Варангу в центральной части страны. Отец хотел, чтобы и Эдуард стал управляющим или канцелярским служакой. Но парень, одержимый страстью к рисованию, предпочел Таллиннское художественно-промышленное училище. Не окончив его, пошел воевать за молодую Эстонскую республику, а осенью 1919 года поступил в только что открытую художественную школу "Паллас" в Тарту. В 1924 году среди первых закончил школу, получив диплом скульптора и графика. В палласовский период, в 1922-1923 годах, получил стипендию в Дрездене, где совершенствовался при Академии художеств под руководством скульптора Зельмара Вернера, а также использовал возможность поработать в графических мастерских.

Его раннее творчество отражает типичную для эстонского искусства конца 1910-х - начала 1920-х годов смену вех: последние отзвуки югендштиля, символизма и национального романтизма начала века затмеваются патетикой, идущей от немецкого импрессионизма. В эстампах и рисунках Вийральта дрезденского периода особенно чувствуется влияние экспрессионистически окрашенного левого крыла новой вещественности (Neue Sachlichkeit) и его главного представителя Отто Дикса. Молодой художник



был явно поглощен впечатлениями от большого, больного от инфляции, социальных контрастов и морального кризиса города, его лихорадочного образа жизни. Созданное им в Дрездене является одним из ярчайших проявлений экспрессионизма-веризма в эстонском искусстве.

Еще до окончания "Палласа" Вийральт был профессионально уже вполне сложившимся художником с очень индивидуальным стилем, черты которого стали определяться уже во время учебы в таллинском училище. В основе этого стиля - на редкость сильный и уверенный рисунок, в своей особой, страстной точности настолько вникающий в форму, что та приобретает "сверхреальную" жи-

стей и пороков, то и дело приобретая характер фантастической импровизации.

Фантастическим нагромождением таких типов-голов является гравюра Вийральта "Ад" (1930-1932, офорт, резец), напоминающая композиции Иеронима Босха и наталкивающая на параллели с актуальным тогда сюрреализмом. Однако, в отличие от сюрреализма, "Ад" - символично-аллегорическое произведение, содержащее, помимо чистой фантастики, намеки на современное, технизирующееся и милитаризирующееся общество, на томящееся в плену собственных, внутренних монстров человечество. В этой аллегоричности гравюра близка к морализирующему Босху не только внешне. Парной

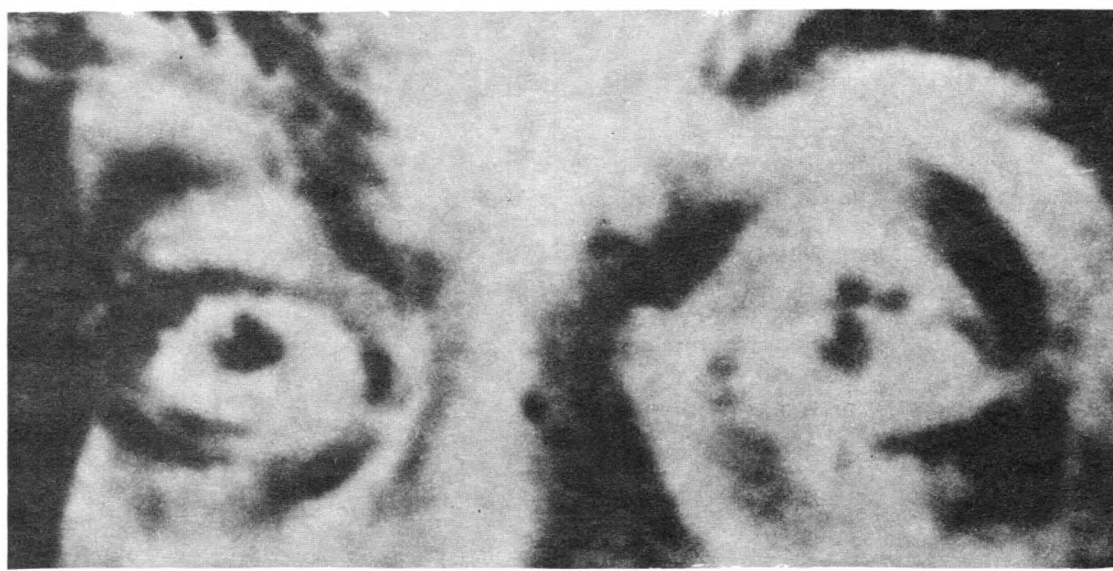
Май Левин

работ, прожигающие жизнь, в какой-то мере отражают образ жизни самого Вийральта. Богемная жизнь была модна на Монпарнасе в те годы. Надо признать, что среди кутежей он всегда сохранял способность видеть такую жизнь как бы со стороны, сохранял удивительную способность работать. Объем его творчества именно этих лет внушительен. Но огромное творческое напряжение, как и беспорядочный образ жизни, к 1933 году подорвали здоровье художника. Известие о смерти отца и другие обстоятельства личной жизни, со своей стороны, усугубили физический и моральный кризис. Из этого кризиса Вийральт вышел как бы другим человеком - не только трезвенником, но и художником, обретшим внутренний покой, уравновешенность, ясность. Гармония его последующего творчества, как бы она ни казалась противоречащей экзальтированности предыдущего периода, представляется второй стороной медали: стороны различны, но медаль одна. Вийральт по-своему продолжает читать нам

"СТРАСТИ

вость. На пластичности его образов, на чувстве формы, безусловно, сказалась пройденная им студия скульптуры. Начиная с 1916 года, когда Вийральт создает первые гравюры на дереве, арсенал применяемых им техник и приемов постоянно расширяется; он буквально одержим стремлением к техническому совершенству. Под руководством преподавателя графики школы "Паллас", дрезденского экспрессиониста Георга Кинда он "тренируется" в техниках глубокой печати, в Дрездене открывает для себя литографию; готовясь ехать в Париж, в 1925 году экспериментирует в самых различных графических техниках.

В Париже экспрессионистическая патетика и веристический натурализм отступают, но гротескность образов еще более усиливается. Под влиянием модного тогда арт деко стиль Вийральта становится утонченно ма-



ПО ВИЙРАЛЬТУ"

нерным, форма приобретает чеканную законченность. Любовь французов к цветной графике заставляет его заняться монотипией; изучение старых французских мастеров в Национальной библиотеке приводит его к резцовой гравюре. В его техницизме нечто более близкое к старым, нежели к современным мастерам. Virtuозными гравюрами иллюстрирует он библиофильные издания: поэму А.С. Пушкина "Гавриилиада" и "Дополнение к трактату Боссюэ о сладострастии" Ф. Мориака (1928), изданные издательством "Трианон". Их пряный эротический характер типичен для его творчества вплоть до начала 1930-х годов. В этот период его занимает ночная жизнь города, через его листы проходит пестрая вереница типов босяков, пьяниц, проституток. Интерес к остроконтрастному типу свойственен Вийральту с самого начала. Часто они являются у него олицетворением человеческих слабо-

гравюрой к "Аду" является "Кабаре" (1931, офорт, резец), своего рода сумма подобных сцен во всем раннем творчестве Вийральта, названная автором сначала "Пляской жизни". Это - торжество плоти, пиршество, в котором ничему духовному нет места. К этим, подытоживающим раннее творчество Вийральта листам можно причислить и литографию "Проповедник" (1932), отражающую, как и "Ад", актуальные процессы в современном обществе, возвышение диктаторов-пророков, завораживающих массы. Конечно, Вийральт в названных произведениях не остается на уровне политической злободневности, он в них дает многоплановые художественные обобщения; тем не менее, в них он острее, чем где-либо, реагирует на социальные проблемы.

Период до 1933 года можно назвать временем бури и натиска в творчестве художника, да и в жизни тоже. Персонажи его

мораль, но посредством других сюжетов, через другой взгляд на жизнь.

В 1925 году Вийральт прибыл в Париж стипендиатом; стипендия была сроком на год, и по его истечении началась довольно изнурительная борьба за существование в городе, населенном тысячами художников. В 1934 году Вийральт находит поддержку в лице эстонского коллекционера Альфреда Рюде, который берет на себя посредничество в деле экспонирования и продажи работ Вийральта на родине, получает работы взамен на регулярно посылаемые в Париж суммы. Это освободило художника от материальных забот. С другой стороны, Рюде отнесся очень серьезно к коллекционированию работ Вийральта, собрав более 3500 произведений, перешедших после его смерти, в начале 1980-х годов, Художественному музею Эстонии в Таллине. Он организовал также большие ретрос-



пективные выставки Вийральта в Таллинне, Тарту (1936) и Хельсинки (1937), положившие основу широкой популярности художника.

Уже с 1927 года Вийральт выставлялся в Париже. Его избрали участником Осеннего салона, его персональные выставки состоялись в 1927 и 1928 годах в Париже, в 1932 и 1939 годах в Страсбурге, в 1935 в Амстердаме, в 1939 году в Иоганнесбурге, не считая международных выставок. В 1937 году его пригласили в качестве единственного зарубежного гостя на юбилейную выставку Венского Художественного общества и удостоили Золотой медали. О нем писали известные критики Андре Сальмон, Пьер Морнан, Ба-

Начало второй мировой войны вынуждает его вернуться на родину. Его встречают как мэтра. После долгих лет на чужбине художник стремится восстановить внутренний контакт с родиной, с духовным миром людей, ищет характерный национальный типаж. В портретах, например в "Монике" (1942, месяцинто), отражается суровость военного времени, тревожные мысли о будущем. Символом страны, потрепанной в бурях истории и все же живучей, воспринимается "Пейзаж окрестностей Вильянди" (1943, сухая игла) с мощным дубом.

В 1944 году, ранней весной, Вийральт уезжает в Вену, где подготавливается его персональная выставка в Венском Художествен-

КАБАРЕ, 1931 (ФРАГМЕНТ)



зиль Бурдет и др. Слава стала приходить.

Во второй половине 30-х годов продуктивность Вийральта снижается, но почти все гравюры, созданные им, значительны и производят впечатление большой зрелости, художественной и человеческой. Он изображает детей, животных, ландшафты, ищет образ целомудренный, близкий к природе. Этот поиск продолжается в 1938-1939 годах в Марокко, где он рисует берберов и арабов, создавая образы, чарующие своей одухотворенностью и непосредственностью, рисует верблюдов, гравюрует ландшафты прямо на доске - эту способность он считал обязательной для настоящего графика.

ном обществе. По существу, он эмигрирует. Прожив полтора года в Швеции, он возвращается в Париж, где начинается последний период его творчества. Листы снова становятся экспрессивнее, они проникнуты философским, часто горестным духом; появляется шемящий образ одиночества.

Творчество Эдуарда Вийральта привлекает не только техническим блеском и разнообразием, не имеющим аналогий в современной графике, не только многоплановостью и богатством содержания. Это и захватывающий документ о времени и человеке.

КТО МЕШАЕТ ВОЗРОЖДЕНИЮ «ЛЕНИНГРАДА»

Письмо в редакцию

В начале 1989 года газета "Московский литератор" напечатала письмо С.Воронина, В.Пикуля, В.Козлова и П.Выходцева с доведением в скобках: "Всего четырнадцать подписей". Авторы письма сообщали о желании своем объединиться в группу "Содружество". Уже тогда нас поразил агрессивный тон и несправедливые, голословные нападки на Ленинградскую писательскую организацию и ее тогдашнее руководство, объявленное "мафией", равно как и сам призыв от имени "чисто русских литераторов" объединиться по амбициозным национальным мотивам, тогда как гораздо естественней для всех писателей, пишущих на русском языке и живущих в великом русском городе, объединяться по творческим интересам.

На недавнем пленуме правления СП РСФСР подтвердилось, однако, что речь идет об интересах отнюдь не творческих. Начать с того, что группу из четырнадцати членов Союза писателей, большинство которых даже не открыло еще своих имен, пленум поспешно наделил правами Ленинградской областной писательской организации, словно забыв, что такая организация уже существует и насчитывает более четырехсот человек. Административное обособление желающих того групп литераторов действующим Уставом нынешнего Союза писателей не предусмотрено и до 14 ноября с.г. не имело прецедентов. Достаточно указать, что московское объединение писателей в защиту перестройки "Апрель", насчитывающее почти семьсот человек, то есть треть Московской писательской организации, такого отдельного административного статуса (тем более "областного") не имеет. Группа "Содружество" получила такой статус и уже приступила к созданию параллельной "областной" организации, расположенной в городе.

Не задумываясь о последствиях, руководство СП РСФСР открыто поощряло раскол в Ленинградской писательской организации, а теперь решением пленума организационно закрепило этот раскол. Причины этих расколных действий ясны. Они вызваны тем, что демократиче-

ски избранное руководство Ленинградской писательской организации твердо стоит за перестройку и возрождение творческих сил города, выступает против административно-командных амбиций секретариата правления СП РСФСР, не приемлет в принципе литературных проработок и административных расправ, подобных произведенной над главным редактором "Литературной России" М.Колосовым, а теперь повторяемой по отношению к Анатолию Ананьеву, главному редактору старей-

писательской организации. Такое же решение принял секретариат правления Союза писателей СССР. В конце ноября 1989 года на общем собрании ленинградских писателей должны состояться выборы на альтернативной основе главного редактора журнала "Ленинград", и никому, в том числе и членам "Содружества", не возбраняется выставить свою кандидатуру для участия в конкурсе.

Руководство СП РСФСР, однако, предпочитает испытанные старые командные методы.

новым мышлением, к которому звали XXVII съезд КПСС и XIX партконференция. Перед нами, напротив, старое, только еще более ожесточившееся мышление.

Корень зла, на наш взгляд, в узурпации непомерной литературной власти небольшой группой писателей, привыкших за много лет командовать жизнью писательских организаций от Ленинграда до Владивостока, не вслушиваясь и не вглядываясь в перемены, которые там происходят. Нынешнее руководство СП

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПОЗИЦИЯ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

шего советского журнала "Октябрь".

Еще более возмутительна, на наш взгляд, резолюция пленума СП РСФСР, предлагающая отобрать у ленинградцев пока даже не выходящий журнал "Ленинград", с тем чтобы передать его в распоряжение литераторов Калининской, Псковской и Новгородской областей во главе с отколовшейся группой "Содружество". Следует напомнить, что у писательской организации Ленинграда, при населении города в пять миллионов человек, все еще нет своей, регулярно выходящей газеты, нет своего журнала, нет своего самостоятельного издательства. Журнал "Ленинград" был упразднен известным постановлением ЦК ВКП(б) 1946 года. После настоятельных просьб Ленинградской писательской организации Политбюро ЦК КПСС отменило это давнее постановление, как ошибочное, а Секретариат ЦК принял решение восстановить с 1990 года журнал "Ленинград" как литературный орган Ленинградской

Перспектива демократического решения вопроса о журнале "Ленинград" "снизу", силами самой писательской организации, его решительно не устраивает. Вызывающе, не считаясь с тем, что журнал "Ленинград" был вырван в свое время из рук ленинградских писателей и уничтожен Ждановым, этот журнал и через сорок с лишним лет не хотят возвратить тем, у кого он был отнят. Начальники из секретариата СП РСФСР хотят продемонстрировать своим приверженцам, что им под силу побудить Политбюро и Секретариат ЦК КПСС к ревизии своих только что принятых решений по восстановлению справедливости.

Мы, со своей стороны, считаем такую ревизию недопустимой, а действия руководства СП РСФСР не можем признать законными. Да и сам характер Пленума, напомиавший истерическим настроением некоторых ораторов и содержанием их речей собрания небезызвестной "Памяти", едва ли совместим с

РСФСР не заботится о расширении и развитии демократических прав писательских организаций на местах, о создании там новых журналов и издательств. Оно занято лишь переделом существующих журнально-издательских возможностей, крайне скудных и пришедших в упадок от избытка централизованной административной власти. Оно не утруждает себя созидательной конструктивной работой, сохраняя и укрепляя монополию на литературную печать в руках угодных ему групп. Попытка удушить в Ленинграде едва начавшую оживать после многолетних гонений открытую литературную жизнь, стремление отнять у абсолютного большинства писателей Ленинграда журнал, который принадлежит им по праву, готовность идти на раскол, когда это абсолютное большинство становится неудобным, - самая наглядная демонстрация практической программы нынешнего руководства СП РСФСР, избранного в годы застоя без прямого участия подавляющего большинства писателей Российской Федерации.

Мы выражаем недоверие этому руководству. Настала пора перейти к прямым, а не многоступенчатым выборам правления Союза писателей РСФСР. Пришло время для широкой самостоятельности национальных автономий, крупных русских городов и литературных регионов России, способных к свободному развитию литературного дела и готовых в демократическом духе, в духе гласности и перестройки решать свои насущные и большие проблемы. Мы призываем всех честных литераторов, сохранивших в наши сложные времена здравый смысл и способность к диалогу, остановить самоуправство, оградить отечественную литературу от

произвола, в чем бы он ни проявлялся.

Дмитрий Лихачев, Даниил Гранин, Анатолий Горелов, Анатолий Чепуров, Вадим Шефнер, Адриан Македонов, Лидия Гинзбург, Михаил Дудин, Дмитрий Хренков.

20 ноября 1989 г.
г. Ленинград

"Ленинградский литератор",
8 декабря 1989 г.

ПИСАТЕЛЯМ РОССИИ

Письмо писателей
Ленинграда

В начале марта с. г. в газетах "Советская Россия", "Литературная Россия", "Московский литератор" было опубликовано "Письмо писателей России" к Верховным Советам СССР и РСФСР и в ЦК КПСС. В печати появились также заявления Секретариата правления СП РСФСР, тоже сделанные от имени писателей России. Может показаться, что эти громкие обращения к высшим органам власти и к миллиону читателей выражают мнение ВСЕХ писателей России или, по крайней мере, их большинства. На деле это не так: сотни, а может быть, и тысячи писателей России думают иначе.

Мы, иначе думающие писатели России, живущие и работающие в Ленинграде, решительно не согласны с основными положениями упомянутых писем и заявлений. Мы против истеричного тона, нетерпимости к неугодным, запугивания инкомыслящих, дезинформации адресатов и претензий на владение истиной в последней инстанции.

Мы против превращения Союза писателей в политическую партию. Против подмены общих профессиональных интересов и ценностей литературного дела групповыми политическими пристрастиями и амбициями. Против начальственного пренебрежения нуждами местных организаций, не только малых, но даже таких, как ленинградская, по отношению к которой были нарушены и нарушаются нормы писательского Устава и элементарные нравственные нормы вообще.

Мы против превращения Союза российских писателей в националистическую организацию, наследующую худшие традиции великодержавной заносчивости, столь откровенно себя обнаружившие во многих речах на VI и VII пленумах правления СП РСФСР и сопутствующих пресс-конференциях.

Монополия на патриотизм, заявленная в ряде писем и обращений "писателей России", солидарных со своим литературным начальством, претензии выступать от имени русского народа явно противоречат воле русского народа, в ходе недавних выборов почти всюду отказавшего в доверии так называемому "блоку национально-патриотических сил", в поддержку которого секретариат правления СП РСФСР вел открытую и организованную пропаганду.

Все признают, что Россия, как и вся страна, переживает тяжелые времена и нуждается в сочувствии и помощи. Блок национально-патриотических сил объясняет причины бедствий России старыми стереотипами: во всем, дескать, виновата будто бы некая злобная организованная сила, вредители, неформалы, кооператоры, масоны или евреи.

Мы видим причины и прежних и нынешних бедствий совсем в другом. Они в застарелых болезнях нашего общества, в упорстве командно-административной системы, в неизжитых общественных предрассудках, рождающих равнодушие, своекорыстие и злобу. Пороки нашего общества, особенно его привилегированной части, как в зеркале видны в централизованной и недемократичной структуре Союза писателей РСФСР.

Опыт последних пленумов, официальных писем и заявлений нынешнего руководства союза показывает, что в СП РСФСР остается все меньше места для реальных дискуссий, для открытой критики руководителей, десятилетиями занимающих свои посты, и почти совсем не остается места для литературы. Секретариат правления СП РСФСР фактически уже начал кампанию по консервации нынешней структуры и упрочению несменяемой власти на следующий избирательный срок. "Литературная Россия" предоставляет свои страницы для призывов к изгнанию из союза неугодных и созыву "чрезвычайного" республиканского съезда, на котором советуется российским писателям выйти из Союза писателей СССР.

Мы отвергаем эти призывы и считаем, что съезд необходим для того, чтобы трезво оценить реальность, чтобы освободиться

от потерявшего доверие руководства, исчерпавшего свой моральный ресурс, для перестройки и демократизации самого Союза писателей. Нам необходимо позаботиться о том, чтобы не оттолкнуть от себя писателей других республик и национальностей, а сохранить Союз писателей СССР и быть в дальнейшем его равноправной и самостоятельной частью.

А для этого придется структуру российского писательского союза обновить снизу доверху и вместо иерархии литературных начальников создать федерацию равноправных литературных организаций свободных автономных республик, краев, областей, крупных русских регионов и городов. Сообразно с этим необходима последовательная децентрализация издательского дела, предоставление членам демократической республиканской федерации всей полноты прав в создании журналов и издательств, ликвидация монопольных привилегий центра в этих вопросах и зависимости писателей на местах от засилья административных начальников в Москве.

Мы призываем членов Союза писателей, живущих и работающих в Российской Федерации, независимо от их национальности и языка, на котором они пишут, объединиться, напомнить о своих правах и вместе с нами предложить очередному съезду резолюцию о недоверии нынешнему руководству СП РСФСР.

Каждого писателя, желающего поддержать эту инициативу, мы просим писать по адресу:
191187, Ленинград,
ул. Воинова, 18,
Ленинградская писательская организация СП РСФСР.

Мнение каждого писателя будет внимательно учтено.

3 апреля 1990 г.
г. Ленинград

Ю. Алянский, Д. Аль, М. Амосин, Ю. Андреев, В. Арро, В. Адмони, В. Бахтин, М. Беккер, Н. Бондаренко, Н. Банк, С. Бушуева, Ж. Браун, Л. Брауде, Н. Белякова, В. Вацуро, Б. Голлер, К. Голованов, Г. Гампер, С. Давыдов, М. Дудин, Н. Жирмунская, З. Журавлева, Д. Золотницкий, М. Золотоносов, И. Инов, М. Ивин, В. Каменская, Н. Катерли, П. Карп, В. Кавторин, К. Куликова, Л. Дмитриев, М. Квятковская, В. Красногоров, В. Красовская, А. Кушнер, М. Кононов, Н. Кононов, Е. Калмановский, Н. Крыцук, В. Кукушкин, С. Лурье, Ю. Левин, С. Ласкин, А. Лядов, О. Лебединская, О. Левитан, Я. Липкович, О. Малевич, В. Мусаханов, А. Мыльников, В. Максимов, И. Михайлов, А. Нинов, Е. Невакин, Н. Неуймина, А. Новиков, Г. Островская, А. Островский, В. Прохвятилов, Е. Путилова, Г. Петров, А. Пикач, А. Пурин,

М. Рольникайте, А. Рубашкин, А. Соснин, М. Смирнова, В. Туниманов, И. Туричин, Г. Усова, И. Фояков, С. Фингарет, Т. Хмельницкая, Б. Хмельницкий, М. Чулаки, В. Чубинский, К. Чистов, И. Шафаренко, А. Щербаков, Э. Шрайбер, М. Яснов.

"Литератор", №13,
20 апреля 1990 г.

Адриан Македонов

Выступление
на VII съезде
писателей РСФСР

Дорогие товарищи делегаты! Я имею одно печальное преимущество в том, что мог попросить это слово. Я единственный человек из делегатов Первого съезда писателей СССР, который еще жив. И это, конечно, обязывает меня напомнить кое о чем существенном на этом съезде и взглянуть с позиций тех лет на то, что сейчас нас волнует в том тяжелом кризисе, который переживает наш народ.

Прежде всего хочу сказать, что я был делегатом и Второго съезда писателей. Так что тут было как бы несколько веков в моей жизни, и вся моя жизнь связана с Союзом советских писателей, связана с утверждением ценности и цельности нашей русской советской литературы. Есть ряд книг, например, книги, которые называются "Поэзия народного подвига", изданных в "Современнике".

На Первый съезд писателей мы были выбраны вместе с молодым Твардовским, ему было 24 года, мне было 25 лет. К сожалению, кто сейчас здесь присутствует в таком возрасте? Надо взять пример с тех времен для настоящего омоложения кадров литературы.

Выборы были от провинциальной Смоленской организации непосредственно, и никаких промежуточных звеньев тогда не существовало.

Чем мы были заняты на съезде? Съезд был, как вы понимаете, полон веры и надежды; были идеал и вера. Конечно, и я нес за это также ответственность, мы имели иллюзии в отношении Сталина, за которые расплачивались потом долго и мучительно. Но в конце концов этот порыв, который нас тогда объединил, имел в себе нечто действительно ценное, потому что он

был основан на вере в будущие силы нашей литературы и нашего народа.

Некоторые вещи, которые были на этом съезде, сейчас заслуживают особого внимания.

За пределами съезда, к сожалению, уже происходили тяжелые события, которые предвещали более тяжелые события в будущем. На съезде не было А.А.Ахматовой, на съезде не мог присутствовать Заболоцкий - один из великих русских поэтов, с чем, я думаю, вы все согласитесь. Его всячески поносили там, в частности Безыменский и т.д.

На съезде не было еще одного поэта, который в это время первым в нашей литературе выступил в защиту русского крестьянства. Я, может быть, вас немножко удивлю, если скажу, что это был этнический еврей Осип Мандельштам. Он в 33-м году написал стихотворение о голодном старом Крыме, которое потом ему предъявили как контрреволюционную клевету на наше сельское хозяйство. Он несколько месяцев спустя написал первое стихотворение о Сталине. В этом стихотворении он заклеймил Сталина двумя характерными словами: "душегубцем" и "мужикоборцем".

Вот за что погиб Мандельштам, - за то, что он заступился, не будучи крестьянином и имея другие корни, за наш русский крестьянский народ.

Это, я думаю, учесть следует, поскольку 15 января предстоит отметить столетие со дня его рождения, которое будет отмечаться широко. И новому правлению я бы посоветовал все-таки отдать этому должное.

Нужно отметить, что тогда, на том съезде, не было разделения, которое возникло потом, к сожалению, среди некоторых людей здесь присутствующих, на русскоязычных и истинно русских.

По принципу крови разделения не было. Ведь Твардовский и я не имели в жилах ни капли еврейской крови, а тем не менее Твардовский также презирал все проявления антисемитизма. Как презирала это и А.А.Ахматова, с которой я не раз встречался и имел разговор на эту тему.

Нужно ясно определиться, что это струя, недостойная русского народа! Русское крестьянство, в частности, смоленское крестьянство, оно этим не грешило и не будет грешить. И я думаю, что об этом и должны задуматься и некоторые из выступавших здесь ораторов.

Кстати сказать, второй содоклад на съезде делал по детской литературе этнический еврей С.Маршак. Который тем не менее, и я надеюсь, что вы все со

мною согласитесь, остался классиком русской литературы для детей.

Вот с этих позиций я бы хотел вернуться к некоторым встревожившим меня ноткам во вчерашних выступлениях.

Мы можем критиковать кого угодно, но зачем говорить, как недавно выступавший здесь, который сравнил Горбачева с Гитлером. Это, товарищи, слово! Которое как воробей: вылетит - не поймашь! Нужно брать на себя чувство ответственности! Какой ни есть у нас Президент, он - Президент! Еще его не сменили. И сравнивать его с Гитлером - это уже не просто пережест, а, я бы сказал, политическое хулиганство!

Я думаю, что мы единодушно это осудим. Я думаю, что мы можем призвать ораторов к тому, чтобы извлечь какие-то уроки из прошлого, и к тому, чтобы наш Союз писателей России был достойным великого русского народа, которому политическое хулиганство и тем более антисемитизм, расизм, всякие расистские синдромы были всегда чужды! Это у нас считалось, у старой интеллигенции, в чьей семье я вырос, чем-то вроде дурной болезни. От этой дурной болезни, товарищи, мы должны быстро излечиться.

И в заключение я хочу сказать. Через всю свою жизнь и работу я сохранил веру в силу России, в силу русского народа, и, как бы нас ни пугали, народ русский не погибнет! Незачем нас запугивать. У него силы огромные, нужно только, чтобы не помешали этим огромным силам некоторые чрезмерно крикливые фразы. Не надо бить себя в грудь, что я патриот, а доказывать делом, что ты - патриот. Как доказывал делом это Александр Твардовский, делом всей своей жизни!

Кстати сказать, мы должны отметить, что сейчас особенно важно подчеркнуть значение Твардовского как великого народного поэта и быть достойными его продолжателями!

"Литературная Россия", №52,
28 декабря 1990 г.

ВЫБОРЫ - НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ!

*Обращение
к оргкомитету СП СССР
по подготовке и проведению
IX Всесоюзного съезда
писателей СССР;
к секретарям правления
и членам ревизионной
комиссии СП СССР*

Мы, делегаты VII съезда писателей РСФСР от Ленинградской писательской организации, заявляем решительный протест против грубых нарушений Устава Союза писателей СССР и попрания общепринятой демократической процедуры при выборах делегатов на IX Всесоюзный съезд писателей СССР от многонациональной Российской Федерации.

Диктат аппарата СП РСФСР и нарушения процедуры на VII республиканском съезде в Москве в помещении Центрального Театра Советской Армии 11-14 декабря 1990 года начались уже с выдвижения кандидатур. Съезд отказался от предложения выбрать делегатов по организациям, на местах, от автономных республик, краев, областей, от писательских организаций Москвы и Ленинграда, что при установленной квоте - один делегат от двенадцати писателей - обеспечило бы наиболее демократическое и пропорциональное представительство писателей федерации на IX Всесоюзном съезде.

Согласительная комиссия съезда, которая при формировании списка кандидатов почти ни с кем ни в чем не соглашалась, перечеркнула права и интересы многих автономий РСФСР, односторонне представила литературные силы Москвы и Ленинграда.

Под общий шум при участии откровенных клакеров, оказавшихся в Большом зале ЦТСА, на VII съезде было фактически осуществлено самовыдвижение определенной группы писателей, близких к таким изданиям, как "Наш современник", "Молодая гвардия", "Москва", "Московский литератор", "Кубань" и некоторые другие, пользующимся режимом наибольшего благоприятствования в руководстве Российского писательского союза.

Не удивительно, что при сложившихся обстоятельствах, в общей атмосфере нетерпимости, царящей в СП РСФСР, писатели Татарии вообще отказались приехать на республиканский съезд,

а писатели от Башкирии, от Ленинградской писательской организации заявили о своем неучастии в голосовании и своем твердом намерении выбрать делегатов на всесоюзный съезд от своих организаций на месте, по установленной квоте. Президиуму и комиссиям VII съезда нечего было ответить на эти заявления, и право ЛПО на выборы от организации по квоте формально было как будто бы признано. Тем не менее в общем списке для голосования остались кандидатуры отколовшейся группы "Содружество" (теперь она называется "Ленинградская областная писательская организация"), которая ввиду своей малочисленности могла бы претендовать не более, чем на три делегатских мандата. Оставлены были в списке и некоторые другие кандидатуры писателей-ленинградцев, не принявших участия в голосовании или же вообще не присутствовавших на съезде.

О масштабах манипуляций фамилиями, голосами и мнениями на VII съезде СП РСФСР можно судить по оглашенным месяца спустя "результатам голосования" в отношении писателей Ленинграда. Имея право по квоте на 34 мандата (численность ЛПО на 10 декабря 1990 года - 406 членов), Ленинградская писательская организация недосчиталась 22 мест, так как из ее состава на съезде избрали с грехом пополам всего 12 делегатов.

В то же время "Областная организация", отколовшаяся от ЛПО (общая численность - 36 человек), получила 7 делегатских мандатов. Иначе говоря, здесь действуют уже не общая для всех писателей квота - 1 делегат от 12 членов организации, и совсем не та пропорция, которая была навязана ЛПО, - 1 делегат от 33 членов организации. Для "своих" работала льготная квота - один от пяти...

Однако главные несправедливости выдвижения кандидатов и тайного голосования на VII съезде СП РСФСР относятся не к ленинградцам, представительство которых по делегациям осуществлялось в обратной пропорции к их реальной численности. Общий сбой голосования произошел в конце съезда, при выборах по спискам. Выбранный первым секретарем правления СП РСФСР делегат от Новгорода Борис Романов не может считаться законно избранным на этот пост. При голосовании на съезде он не получил необходимого по Уставу большинства голосов. Такого большинства не имели и его соперники - А.Проханов и В.Рогов. По всем правилам процедуры, необходим был второй тур голо-

сования, который выяснил бы, кому из двух кандидатов, набравших относительное, но недостаточное для избрания большинство голосов, отдадут предпочтение делегаты съезда. Решение за делегаты принял В.Рогов, который "передал" Б.Романову свои голоса, самочинно отменив процедуру повторного тайного голосования. Таким образом, Борис Романов у нас теперь первый секретарь, избранный не большинством, а меньшинством съезда.

Результаты голосования по самому длинному списку - кандидатов в делегаты IX Всесоюзного съезда на VII съезде СП РСФСР - вообще не были объявлены.

Делегаты республиканского российского съезда разъехались по местам, так и не узнав, кого они, собственно, выбрали своими полномочными представителями.

Счетная комиссия VII съезда СП РСФСР оказалась несостоятельной. Она не смогла своевременно подсчитать, кто же из выдвинутых кандидатов получил при альтернативных выборах необходимое число голосов. Оно и не мудрено, так как голосовать пришлось общим списком, включившим по алфавиту несколько сот фамилий. Понять в таком списке, кто есть кто, не было никакой возможности. Нелепая процедура закончилась общим конфузом.

Съезд не узнал своих избранных и не утвердил результатов тайного голосования, как это предусмотрено элементарными правилами демократической процедуры.

Делегаты съезда не смогли задать председателю счетной комиссии ни одного вопроса по результатам голосования, не смогли опротестовать ни одной нелепости, которых в организации выборов было более чем достаточно...

Только месяц спустя после завершения работы VII съезда СП РСФСР мы в Ленинграде узнали из сообщения по телефону (!?!), кого, собственно, счетная комиссия изволил считать делегатами очередного Всесоюзного съезда от Ленинграда. И поразились объявленным результатам...

Надо ли говорить, что такая организация голосования и такой способ подсчета результатов тайного голосования полностью противоречат действующему Уставу Союза писателей СССР и являются абсолютно незаконными, не имеющими действительной силы.

Только съезд имеет право утвердить результаты проведенного на нем тайного голосования, и никакое другое собрание.

Намерение секретариата правления СП РСФСР утвердить результаты съездовского голосования на своем очередном пленуме и довести их до сведения делегатов через печать - точно так же незаконно, как и все остальные манипуляции. Такая практика должна быть решительно отвергнута, как грубейшее процедурное нарушение.

Если бы подобный прецедент хотя бы однажды был принят, мы получили бы систему выборов, идеально приспособленную для фальсификаций, ибо никто ни за что не отвечает, когда голосуют одни - полномочные делегаты республиканского съезда, а утверждают результаты голосования иные лица.

Пленум правления СП РСФСР не имеет полномочий подменять собой съезд и узурпировать те права, которые принадлежат только его делегатам. Тем более что члены пленума в своем подавляющем большинстве как раз и есть те самые кандидаты, законность избрания которых делегатами всесоюзного съезда может быть удостоверена и утверждена только республиканским съездом.

Процедуре "самовыдвижения", а затем и "самоутверждения" руководящей верхушки СП РСФСР мы, делегаты VII республиканского съезда от Ленинграда, говорим свое однозначное "нет"!

При сложившихся обстоятельствах мы обращаемся к Оргкомитету по подготовке и проведению IX Всесоюзного съезда СП СССР со следующими предложениями:

1. Ввиду грубых нарушений Устава СП СССР при избрании делегатов IX Всесоюзного съезда писателей, признать результаты выборов, проведенных на VII съезде СП РСФСР, недействительными.

2. Признать право всех организаций, входящих в состав СП РСФСР, провести до 30 апреля 1991 года прямые выборы делегатов на IX Всесоюзный съезд СП СССР по квоте - один делегат с решающим голосом от двенадцати членов СП СССР.

3. Признать, что малочисленные организации, насчитывающие менее двенадцати членов СП СССР, могут быть представлены на IX Всесоюзном съезде писателей одним делегатом с правом решающего голоса.

4. Признать право за национальными объединениями писателей, не имеющих своих территориальных организаций (немцев Поволжья, крымских татар и др.), избрать и направить своих делегатов на IX Всесоюзный съезд писателей по общей

квоте: один делегат от двенадцати членов СП СССР.

Что же касается делегации писателей-ленинградцев, входящих в состав ЛПО, то мы подтверждаем свое решение, открыто объявленное на VII съезде российских писателей, - выбрать своих делегатов на IX Всесоюзный съезд прямым тайным голосованием на общем собрании организации и представить полный состав делегации, соответствующий ленинградской квоте, на утверждение мандатной комиссии съезда.

Делегаты VII съезда СП РСФСР:

Д. Аль, Ю. Андреев, И. Бабанов, В. Бахтин, С. Ботвинник, А. Векслер, В. Воскобойников, Л. Гаврилов, М. Глинка, Г. Горбовский, Я. Гордин, М. Дудин, Б. Егоров, В. Кавторин, П. Карп, Н. Катерли, К. Курбатов, Д. Лихачев, С. Лурье, А. Македонов, С. Махотин, И. Метгер, В. Мусаханов, Е. Невякин, А. Нинов, Е. Путилова, Н. Рахманова, М. Скрябин, Б. Стругацкий, И. Сухих, И. Фоянков, В. Халупович, М. Шерешевская, А. Щербяков.

"Литератор", №7, февраль 1991 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция "Всемирного слова" предлагает вниманию читателей несколько документов, опубликованных в разное время на страницах газеты "Литератор" и в других литературных изданиях. Документы характеризуют позицию большинства ленинградских писателей по отношению к руководству Союза писателей РСФСР за последние полтора-два года.

Воинственные декларации и заявления Секретариата правления СП РСФСР, принятые за последние годы, равно как и практические действия республиканского союза по сплочению "национал-патриотического" движения, альтернативного и враждебного демократии, достаточно широко прокомментированы серьезной прессой в СССР и за рубежом. Мы воздержимся от подробного комментария, полагая, что документы и факты литературной жизни говорят сами за себя.

Пока остается фактом, что либеральное решение Секретариата ЦК КПСС о восстановлении задушенного в 1946 году руками партии литературного журнала "Ленинград" до сих пор не выполнено. Это благое решение было торпедировано сначала Секретариатом правления СП РСФСР и Ленинградским обкомом КПСС во главе с Б.В. Гидасповым, продолжившим слабые ждановские традиции распоряжения чужой собствен-

ностью. Еще более тяжелой преградой для возобновления писательского журнала стала начавшаяся экономическая разруха, в условиях которой ни резервов бумаги, ни полиграфических мощностей, необходимых для выпуска в городе журнала "Ленинград", как раз и не оказалось...

Политический эксперимент по разделению писателей Ленинграда на "русских" и "русскоязычных", возбудивший столько страстей на VI и VII пленумах правления СП РСФСР, тоже пока не привел к практическим результатам, на которые надеялись его организаторы. Избавившись от общения со своими "русскоязычными" коллегами, три десятка писателей, которые под бурные аплодисменты VI пленума правления СП РСФСР "решили выйти из состава Ленинградской писательской организации и создать ассоциацию "Содружество", за год-полтора успели насмерть перессориться друг с другом, при том что кознями "со стороны литераторов еврейской национальности" эту распрю между единомышленниками теперь уже невозможно объяснить...

Пока остается фактом, что главный шаман "Содружества" Юван Шесталов, принявший на себя обязанности ответственного секретаря новоявленного "областного" писательского объединения, покинул своих "содружников" и тихо попросился обратно в ЛПО. Еще решительнее поступил Борис Иванович Бурсов - один из старейших писателей Ленинграда, подписавший поначалу несколько документов "Содружества" и пополнивший, к изумлению многих, его ряды. Б.И. Бурсов прислал на VII съезд СП РСФСР телеграмму, в которой категорически отмежевался теперь от "областных" и при этом высказался о товарищах по группе в столь резких выражениях, что президиум съезда не решился огласить телеграмму своего старейшего делегата. Очевидная неудача с "Содружеством" в качестве параллельной структуры побуждает руководство СП РСФСР поощрять новые линии раскола в ЛПО и находить более действенные средства давления на неугодную организацию, что и проявилось с полной наглядностью при формировании руководящих органов СП РСФСР и выборах делегатов от республиканского съезда на IX Всесоюзный съезд СП СССР.

Подтвердился прогноз писателей Ленинграда в письме "Писателям России", перепечатанном в нашей подборке: VII съезд

СП РСФСР, проведенный с беспрецедентными нарушениями Устава и демократической процедуры, закрепил консервативные тенденции, преобладавшие в руководстве республиканского союза. Съезд открыто продекларировал и публично поддержал поворот вправо, осуществленный под напором реакционных сил буквально за несколько недель, если считать поворотным пунктом кровавые январские события 1991 года в Литве и в Латвии. Да и сам съезд, а скорее политический спектакль, наспех поставленный и срежиссированный в декорациях Центрального Театра Советской Армии, оказался, как можно теперь понять, составной частью этого широко задуманного, хотя и не вполне удачно проведенного политического поворота. Выступление ветерана ленинградских писателей Адриана Македонова, делегата I Всесоюзного съезда советских писателей (1934), получившего слово на VII съезде СП РСФСР, достаточно точно, на наш взгляд, характеризует существо дела.

Отказом от сотрудничества с демократическим крылом писательского союза России VII съезд СП РСФСР углубил и усугубил общий кризис организации и поставил на грань срыва успешное проведение IX Всесоюзного съезда писателей СССР. Поставленные перед необходимостью защищать свои профессиональные права, писатели Москвы, Ленинграда, автономных республик, краев и областей многонациональной Российской Федерации должны будут найти новые формы творческого объединения. Очень сомнительно, что такое объединение осуществится в традиционных централизованных структурах, сложившихся во времена сталинщины и снова навязанных российским писателям на последнем республиканском съезде.

Судьба Союза писателей СССР сейчас зависит от того, смогут ли писатели страны, несмотря на разногласия между республиками и центром, подойти к делу более конструктивно, чем Юрий Бондарев со своей командой на последнем российском съезде. Если смогут, тогда еще есть надежда последовательно реформировать "большой" Союз на демократических федеративных началах, открывающих необходимый простор для самостоятельного и независимого существования, в котором так нуждаются все писательские организации на местах, да и каждый писатель в отдельности.

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. БЕЗГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Наверное, это было плохо - ругаться с женой в полпервого ночи, но в другое время мы почти и не виделись: то ее не было, то меня - и вот, собрались! Да и накопилось к тому же немало - и за мной, и за ней, - надо было слегка разобраться!

И тут рывкнул звонок. Мы оба застыли. И у меня в голове, и, уверен, у нее в голове сразу закрутились десятки вариантов: ...Кто?! ...Эта? ...Этот? ...Это?! ...Мне этот звонок на руку - или, наоборот, ей?! Для меня этот визит губителен или, наоборот, - для нее?! Или, может, сразу для двоих? Все эти варианты быстро прокрутились у нас в головах - никак, впрочем, не проявившись на бесстрастных лицах, - только наступившая тишина в некоторой степени выдавала шок.

- Открывай... это наверняка к тебе! - надменно-презрительно (но внутренне трепеща) проговорил я.

- Нет уж - своим сам открывай! - грубо (но не без внутреннего трепета!) проговорила жена.

- Ну хорошо, - я недоуменно пожал плечом, не спеша подошел к двери и, внутренне перекрестившись, открыл.

Взгляд мой уперся в пустоту - я увидел лишь раму на площадке, и ощутил колоссальное облегчение: шутка, идиотская шутка детишек, ошивающихся на лестнице!.. Но тут я услышал горестный вскрик снизу - испуганно перевел взгляд вниз - и увидел буквально у себя в ногах три плотно набитых элегантных тюка, явно заграничного производства и набитых чем-то заграничным! - не станут же столь элегантные тюки набивать всякой ерундой?!

- Подарки от благодарных читателей! - ударила в голову счастливая волна. Но тут один из тюков поднял голову и хрипло произнес:

- Прости, если можешь, - и прими раба божьего!

У среднего тюка оказалась голова Гриня - стало быть, и остальные тюки его! Жестокое разочарование пронзило меня! Я стоял, не в силах пошевелиться. Гриня, не вставая с колен, снова склонился, превратившись в тюк.

Но жена-то, жена! - для нее это был звездный час. Выпрямившись и словно став еще на два метра выше, она горделиво прошла через прихожую, брезгливо перешагнула через павшего ниц Гришку, поднялась по лесенке и вызвала лифт. Да - это ей крупно повезло! Ее взяла, на сегодняшний момент! Я даже не пытался за ней гнаться: нечего сказать.

Гриня есть Гриня! Тут трудно что-либо возразить! И хотя я особо вроде не виноват, что он именно такой вырос и возмужал, - вся вина за его затейливое поведение, конечно, на мне, во всяком случае - в глазах моей жены... Надо признать, он немало наломал дров - этот, как звали его в вузе, - Безглавый Орел.

Причем дров он наломал в основном наших - свои дрова он, несмотря на свою якобы безголовость, аккуратно берег.

Но сначала он казался идиотом - это и расслабляло. Ходы его часто были непредсказуемы и, с точки зрения здоровой логики, абсолютно необъяснимы.

Помню, как в день его бракосочетания родственники невесты (о невесте будет еще особый разговор) обнаружили обман - оказалось, что Гриня живет почему-то не под своим именем, а под именем и по документам брата-близнеца... Зачем это было нужно ему - абсолютно неизвестно, вроде бы брат-близнец ничем особенно хорошим или плохим не отличался... но это стремление все запутывать, пока что непонятное даже ему самому, - впоследствии не раз оказывалось ценным. В тот раз, правда, все окончилось неуютно - братьями невесты, возмущенные обманом - и главное: обманом, не понятным никому, - разгорячившись, проломили жениху череп, - а советская медицина, внезапно расщедрившись, впаяла на место пробоя платиновую пластинку - всю оставшуюся жизнь жених ею немало гордился.

И такой невнятный туман окружал все его поступки. Лишь сначала это казалось безумием - но потом!..

Тесно общаясь с ним во время учебы, я все больше и больше боялся его, - думаю, он и сам себя все больше боялся.

На последнем курсе мы проходили с ним практику на флагмане отечественной электроники - производственном объединении "Светлана". Название ласковое, и действительно - сплошные белоснежные девушки, стройными рядами склонившиеся с лупами в глазу над крохотными изделиями. Думаю, именно крохотность изделий ввела Гриню в neodолимый соблазн, - в конце рабочего дня, когда мы с ним в раздевалке меняли стерильную одежду на нестерильную, Гриня вдруг, оглянувшись, вытащил из кармана халата сцепленную между собой горсть крохотных металлических паучков-транзисторов.

- Давай... в носки запихивай! - горячо прошептал он.

...Потом я оправдывался перед ним: вовсе не из-за гордости и чистоплюйства - в чем обвинял меня он - отказался я выносить транзисторы в носках, а просто из-за щекотки и дикого смеха, которые неудержимо овладели мной, как только я сделал шаг с транзисторами в носках. Хохочущего бы явно остановили в проходной - поэтому мне пришлось разгрузиться. Гриня же, сжав стальные челюсти, пошел, и был грубо схвачен - оказывается, носочный вариант неоднократно применялся и до него. Виноват я, виноват - что не разделил его трагическую участь с ним! Но вовсе не из-за презрения к нему,

как он пытался потом представить, - а из-за щекотки, исключительно из-за нее!

Последствия были самые зверские - тогда именно зверскость считалась главным спутником советской принципиальности: Гришка был исключен из института - с последнего курса! - причём, как многие с упоением уточняли, - с волчьим билетом! Что это такое - волчий билет - никто конкретно не знал, никто на самом деле в глаза его не видал - но все самое худшее, несомненно, сосредоточилось в нем. Без права когда-либо получать высшее образование? Да уж конечно уж - какое там высшее! Без права - на всю жизнь - занимать руководящие должности? Ну конечно же! А ты что хотел!

В общем, схлопотал на полную катушку, и вскоре глубокой ночью прибег ко мне, как к главному виновнику его несчастий... Да и действительно - не прояви я пижонскую брезгливость, не откажись запустить транзисторы в носки, да

БЕЗГЛАВЫЙ

и согласишься пойти первым, как предлагал Гриня, да еще и попадись! - судьба моего друга была бы спасена!

Виноват, виноват! Полночи Гриня пил, потом начал крушить мою посуду: что посуда по сравнению с поломанной жизнью! Потом поставил мою пластинку и рыдал. Потом вдруг затих, и я смежил веки... Очнувшись, я увидел, что Гриня, прямой, подтянутый, выходит из моей квартиры навстречу жизни, - я порадовался за него: не сломался старик, понял, что жизнь вовсе не кончена! Правда, причина необыкновенной его прямизны вскоре выяснилась: как я и предполагал, он вынес под рубашкой мой диск-гигант с цыганскими песнями о загубленной жизни... ну, пусть!

Потом оказалось, что он взял с собой и мой паспорт... это уже сильно насторожило: зачем? Хочет где-то что-то получить вместо меня - или вообще хочет похитить мою жизнь и мою судьбу? Я хотел было разыскивать его, но удержался... ну, ладно - человек хочет начать все по-чистому, отбросив все ужасное, что было до того... не надо лишать его последней надежды - пусть попробует!

Пробовал он весьма бурно - квитанции из милиции, во всяком случае, шли на мое имя косяком... но, может, выправится? Он выправился - но в неожиданную сторону! Еще в те глухие времена, когда о выдвижении демократических сил не было речи, - я увидел вдруг бюллетень кандидата в депутаты - с Гришкиной физиономией, но моими именем и фамилией, и, в общем-то, с моей биографией (...научный сотрудник). Земля закачалась подо мной. А я кто теперь? И есть ли я?! Единственное, о чем я молил, чтобы он (то есть фактически я) не натворил бы чего-нибудь сверхужасного!

Но теперь он был корректен и строг: в нашем возрасте пора уже братья за ум! - говорил весь его облик, когда я появился в его важном кабинете.

Он меня принял сухо и, отдавая старый денежный долг, брюзгливо упрекал меня в излишнем чревоугодничестве и щегольстве.

Ушел я от него пристыженным, решив вести скромную жизнь (ибо все высокие посты уже были заняты им).

Таким странным образом история с транзисторами пошла ему на пользу, да еще как! Так что не стоит решать слишком поспешно - кто дурак.

Паспорт мне удалось восстановить (бывают же тетки и у великих людей!) - но некоторое время я еще боялся, что меня прикончат, - зачем такому великому человеку двойник? Но обошлось - он знал меня и был уверен, что я никогда по этому поводу не возникну, - и был прав.

Возник неожиданно он - зачем-то я был ему нужен. Пришло вдруг письмо от него (уже, естественно, из Москвы): почему я порвал с ним отношения, загордился (?!), совершенно не пишу и не звоню (незнание адреса и телефона не может, естественно, остановить настоящего друга!). Неужели же, взывал он, те дурацкие мелкие недоразумения, которые и вспомнить-то трудно, могут поссорить двух могучих друзей? Видимо, он наладил службу, и его внезапно снова

бросило на дружбу. Мы с женой, тронутые, поехали к ним. Но оказалось, что внезапный приступ дружбы (может быть, вызванный тяжким похмельем) так же резко прошел, и закадычные наши друзья встретили нас надменно-недоуменно.

Особенно поразило нас то, что они за ужин, состоящий из каши и яиц, слупили с нас деньги по ценам отелей класса "люкс"!

- В Европе (нас явно лажали за то, что мы не бывали в Европе) давно уже приняты подобные расчеты - это помогает сохранить деловые отношения и не таить друг на друга зла! - отчеканила нам Света, жена моего бывшего друга, бывшего Грини... или она тоже сменила имя - черт их разберет!

Потрясенные, мы с женой не сомкнули глаз, хотя нам предоставлена была отдельная комната (неизвестно, правда, по какой цене).

И что характерно, во время этого так называемого ужина Гринька разговаривал со мной таким тоном, будто это не он мне, а я ему бешено должен - за то, что он взял мое имя и так возвысил его! Работал он уже в Америке (непонятно кем), потом в Северной Индии, еще где-то... и за это я тоже должен быть благодарен ему!

Всю ночь я объяснял жене, откуда Гринька взялся и почему.

- Ну пойми же ты, - глухо говорил я (ночь!), - что именно с помощью отвратительности только и можно чего-то добиться! А кто ею обладает в большей степени, чем он? Если человек нравится тебе - ты его ни за что от себя не отпустишь, - а если непереносим... - куда бы его подальше? В Америку?!. Да ради бога - лишь бы он тут не курочил тебя! Так что - отвратительность - первое дело!

- Можно подумать, что тебя погубили совершенства! - фыркнула жена.

- Ну почему - погубили? - скромно проговорил я.

Утром был голый чай.

- Может - какого легкого варенья? - пробормотал я.

- Светлана! У нас есть варенье?

Она гордо прошествовала к холодильнику.

- У нас нет варенья!

Красиво!.. Потом, правда, сжалились, вынули корочку сыра из мышеловки, угостили...

Но, честно, я и не ожидал, что моя теория отвратительности такой точной окажется - а может, Гриня подслушивал нас, на ус наматывал? Во всяком случае, сразу после нас, вдохновившись, такой фонтан отвратительности выдал, что он пронес его, словно комету, через колоссальные дали и выси: Индонезия, снова Америка, Красноярский край, Нижний Бандустан, Верхний Бандустан, Арабские эмираты - и, наконец, он снова врзался в нашу атмосферу - но на такой скорости, что искры летели!

Стал местную власть осуществлять. И тут как раз я ему подвернулся! Кого же жакнуть, как не лучшего друга, на ком свою отвратительность показать? Ну, ясное дело - на мне!

Дома у нас как раз потолок обвалился - дай, думаю, пойду, поваляюсь в ногах. К предыдущему богу я уже ходил по этому делу, минут сорок перед ним на коленях стоял, потом неожиданно почесался, сразу: "Вон отсюда!" Может, думаю, хоть друг не прогонит - все ж таки как-никак под моим именем карьеру сделал. Честно говоря, это потрясение было: после строгого коридора увидеть на солидной двери свою фамилию и инициалы. Слезы счастья хлынули - долго утирал. Наконец вошел... Он меня вроде как не признал.

- Слушаю, - тухлым взглядом обдал. Выслушал. - ...А у Оборотнева были? А страшном утвердил?

- А как же! - воскликнул я.

- Ваше заявление, пожалуйста! - сухо проговорил. Пробежал фамилию-имя-отчество - Как?! - возмущенно закричал. - Ведь вы же месяц назад трехкомнатную получили на Невском, после капремонта, - чего же вам еще?!

- ...Я получил? - безвольно пробормотал.

- Ну а кто же? - гневно привстал. - Вот книга выдачи ордеров: ваша фамилия?!

А-а-а... ну ясно... моя... то есть - бывшая моя, теперешняя его, - так что, согласно документации, это я теперь на Невском живу! Он - я! Я - он! Великолепно!

Пока что я дыхание переводил, в кабинет к нему врачаха в белом халате вошла, принесла на выбор ему раздвигающийся веер зубов, разных оттенков - дабы точный оттенок к его пасти подобрать. Смотрел я, смотрел, потом как жажну по этим зубам!

- Извините! - проговорил. И выбежал.

Потом вдруг на вокзале обнаружил себя: вместо двушки в автомат таблетку валидола пытался всунуть. Взял себя в руки, аккуратно позвонил.

- Ну, чего звонишь? - весело жена в трубку говорит. - У идиота этого был?

Молча я кивнул, но она почувствовала.

- И как?

- ...По зубам врезал ему!

- Пр-равильно! - проговорила жена.

После этого он снова унесся неизвестно куда... перед этим, правда, совершил изящный маневр - пристроил любимую свою Свету в сумасшедший дом, - видно, для новой его должности большая лихость требовалась, нежели прежде!

- Есть ли предел? - думал я. - ...Нет предела!

Вот почему моя жена перешагнула его, когда он в виде куля явился на нашем пороге. Но я, считаю, не вправе перешагивать никого, - я втащил сначала его, потом его кули к себе в прихожую... внизу хлопнула дверь... ну что ж - потерял жену, зато друга нашел!.. Что делать?!

- Да хватит тебе на колених ходить!

Он снова звонко стукнулся лбом... Еще и внизу потолок провалит!

- Ну ладно... вставай! - мы крепко, по-медвежьи, обнялись.

Потом он ушел в ванну.

Минут через сорок позвонила жена.

- И что ... он еще у нас?

- Ну, а куда же ему деться? Ведь он же нас принимал?

- А-а-а... ну да. Ну - и что же он делает?

- Да в ванной что-то... вроде стирает.

- Ну - если он остался совсем один - может, будет стирать заодно и нам? - проговорила жена.

- Как ты жестока! - воскликнул я.

- А кто твою жизнь украл?

- Ну почему - мою? Думаешь, я смог бы жену свою в сумдом засадить? То-то и оно! А он - смог! Его это жизнь!

- Ты все вообще отдашь! - воскликнула она. - Ну и живи с ним, и жди - что он еще украдет у тебя!

- Да вроде больше нечего... - задумался я.

- Не говори! - усмехнулась жена. - Хитрому вору все впроу! Прощай!

- ...Прощай, - сказал я в теплую трубку, уже полную гудков.

Я понимал уже, что она будет права, хотя не знал еще конкретно - как?!

Распаренный, разомлевший Гриня вышел из ванной, тыльной стороной ладони убирая потные волосы со лба.

Я заглянул в ванну - все веревки были завешаны капаящим бельем... но наши вещички он так и не выстирал - напрасно надеялись!

Впрочем, и так все хорошо: развесил вещички свои, оказал доверие! Правда - одна из вещичек была моя, - да уж ладно! Помню, в один из давних своих визитов ко мне Гриня вдруг устался на вышитый коврик на стене, рыдая, стал говорить, что именно такой висел у него над колыбелькой, - пришлось отдать. И вот надо же - не утерял его, провез через все страны! Ужасно трогательно.

Ударяемый каплями, я вычистил зубы, вышел к гостю.

У него ли я просил дать мне крышу над головой (пол, правда, был) - и получил грубый отказ?

Нет - то был другой человек, а сейчас передо мной сидел старый друг, который в трудную минуту (свою) пришел на помощь (мою).

Как любит писать советская литература: "Путь к счастью был нелегким". "Трудная дружба". "Трудная любовь". А как же ты думал - все будет легко?!

- ...А что я со Светкой сделал?! - прорыдал он.

Да - тут конечно. Тут действительно трудно сказать что-либо положительное. Это конечно. Засадить собственными руками свою жену в сумасшедший дом - это не каждому дано суметь!

- Да-а... со Светкой действительно... - прокряхтел я.

Мы скорбно помолчали... Ну все? С ней, видимо, покончено? Я встал, чтобы идти на службу, - но Гриня, по-прежнему скорбно опустив голову, взял меня за рукав. Так! Значит - попытки продолжаются!

- Ты... не заходил к ней? - хрипло выговорил он.

- А ты? - хотел было сказать я, но не сказал.

- Она жива?

Вопросы просто валят с ног! При этом тут явно прозвучало - что если с ней что-то нехорошо, то виноват я - был ведь буквально в двух шагах, пока Гриня сражался в далекой Америке за наши общие интересы.

- Да жена вроде была у нее... - проговорил я, - ...но чего-то поругались...

- Я негодай! - (коклетливый взгляд его в зеркало). - Да - я негодай!

... Кто спорит?

- ...Я погряз в роскоши и суете!

...Ну это так бы хотелось ему!

- Ну... все? - я рванулся к выходу.

- ...Я должен... ее забрать! - глухо проговорил он.

Куда?!

- ... Пока побудет у тебя...

Что у меня - сумасшедший дом?!

- А ты-то хоть... побудешь у меня? - с надеждой (и ужасом) произнес я.

- Как получится, - глухо произнес он.

Это "как получится" сильно встревожило меня. Что значит - "как получится"? Как он сам захочет - так и получится, уж я-то знал.

- Сам понимаешь - первое время я не смогу... смотреть ей в глаза! - прорыдал он.

Ясно! Значит - это время собирается смотреть в глаза кому-то другому...

Обычно такие люди под предлогом угрызений совести начинают пить - причем пьют очень много и вкусно, - без угрызений такая пьянка просто-таки невозможна: какой повод?! А тут повод ядреный!

Видно, эти ужасы необходимы ему - как Иванушке-дурачку занурнуть в кипяток.

- ...Ну... примешь Светку?

- ...Навсегда, что ли?

- А если навсегда - так уже и не можешь?!

Голос совести - в его устах! Оригинальное сочетание!

- ...Предлагаешь ей в дурдоме до конца гнить?!

...Я "предлагаю"?!!

- ...Наконец-то березушку вижу родную! - резко меняя тему, он всхлипнул в окно.

- Это ольха.

- Утя? Где моя Утя? - снова меняя тему, зарыдал он.

Надеюсь - Утя и Света - это одно и то же лицо, надеюсь, что их не две?

- ...Где моя Утя?!

Откуда я знаю? В сумдоме, видно, как и положено быть.

- Где моя Утя?!

Я уже серьезно стал опасаться, что Утя - это другое лицо, а мне вполне хватало и этих лиц!

Я вспомнил вдруг, как в одну из своих побывок Гриня гулял тут, с упорством командировочного.

- Гляди, какая блондинка!

- Да то не блондинка! То старушка в платочке!

Все же ушел тогда за ней?.. Может, это и есть теперь Утя? Новое дело!

- ...Ну что... ты примешь ее?

- ...Кого? - испуганно проговорил я.

- Кого! Светку! - слегка обиженно выговорил он.



*Южнее, чем прежде:
Повести и рассказы. -
Л., "Советский
писатель", 1969*

*Все мы не красавцы:
Рассказы и повести. -
Л., "Детская
литература", 1970*

*Нормальный ход:
Повести и рассказы. -
Л., "Советский
писатель", 1976*

*Жизнь удалась:
Повести и рассказы. -
Л., "Советский
писатель", 1981*

*Новая Шехерезада:
Повести и рассказы. -
Л., "Советский
писатель", 1985*

ОРЁЛ

РАССКАЗ

А, Светку! Это все-таки легче! Все-таки я ее знаю - хоть и не с очень хорошей стороны.

- А может - тебе ее взять? - робко предложил я.

- Со мной она не пойдет! - играя желваками, произнес он. - Ты же знаешь, как я обидел ее!

- Ну что ж такого... подумай? Может, простит? - забормотал я.

- Никогда! - с пафосом проговорил он.

Замечательно устроился!

- ...За ошибки надо платить!

Я-то согласен, но вопрос - кому?

- Конечно, когда она меня простит - я заберу ее! - скорбно проговорил он.

...Но, конечно, он будет вести себя так, что она его никогда не простит! Все ясно.

Снова начались выкрики: "Я негодай!", косые восхищенные взгляды в зеркало.

Но самое жуткое в этом то, что я как бы уже был к этому кошмару готов. Жизнь в последнее время шла так, что этот бред казался почти естественным ее продолжением.

Недавно, примерно месяц назад, разволновался из-за телевизионной передачи - в результате ночь не спал. Попытался валидолом усиленно сосать, говорили - помогает от бессонницы, успокаивает сердце - ни хрена подобного!

Утром встал совершенно разбитый, пошел на работу, сел за свой стол и моментально уснул. Отлично за день выспался - пришел домой, лег - великолепная бодрость, сна ни в одном глазу! Опять всю ночь глаз не сомкнул, только добрался до рабочего места - тут же вырубился. День - это ночь, ночь - это день! В результате начальник не выдержал, вышвырнул меня.

Ну и что? - пытался взбодриться. Теперь зато дома целые дни! Сам себе командир! Стал бодро сам собою командовать: "Лечь!.. Встать!.. Лечь!.. Встать!" В результате жена плюнула, ушла, - и когда вернулась недели через две - я уже был совершенно изможденный, лишь хрипел еле слышно: "Лечь... встать". Ложился, вставал - причем был почти голый, но на плечах зато были приклеены шикарные эпoletы из газеты, с мелко нарезанной, свисающей вниз бумажной "лапшой"... так что ко встрече с идиотом Гриней я был морально готов, умственно и физически.

Так что естественно вполне, что жена моя вспыхнула, как спичка, только он появился.

Мы уже, надо понимать, друг другу гораздо больше соответствовали, чем ей!

Гринька мне рассказывать стал, как он свою жизнь поломал (в очередной раз), я - как свою...

Последней каплей в моих отношениях с начальником были не сон в рабочее время, а блестящие остроумия. Проснулся я однажды, оглядываюсь: "Где я?" Начальник, слышу, по телефону говорит: "Собрание должно состояться непременно, и кворум мы обеспечим, чего бы это ни стоило. Если кто заболел - машины тем подошлем, на машинах больных приведем!" "Самое трудное будет - здоровых привести!" - подумал я, но подумал, как оказалось, вслух!

Этого мне начальник и не простил! Спящий человек, в сущности, не опасен, но пробудившийся - весьма!

- ...А я после всего этого, естественно, нажрался - и в аэропорт! - Гриня заговорил. - Хорошо хоть - не из Дели, а из Бомбея летел - стража там вся схвачена у меня! В самолете еще врезал. Заснул. А мысль одна башку сверлит - как меня без документов вообще родная граница встретит? В поту, честно, спал! К счастью - удачно получилось: Шереметьево не принимало, в Быково сели, где вообще пограничной проверки нет!

Я смотрел на его отечное лицо... какой же властью обладает этот человек, способный поворачивать в воздухе самолеты, даже во сне?!

- ...Все... сгорела жизнь! - скорбно произнес он.

Мы зарыдали.

-...Ну... примешь Светку? - вдруг глянул на меня абсолютно трезвый его глаз. - Очиститься хочу! Старую шкуру сбросить!

...И отдать, значит, мне?

- ...Пойми - не могу я спокойно по земле ходить, когда знаю, что она... там! - произнес он.

- ...А сам ты куда?

- ...В монастырь, - еле слышно произнес он.

- Куда-а?!

- В монастырь, - еще тише проговорил он.

- ...В мужской, женский?

- Разумеется, в мужской!

- ...А может - вам в совместный какой, вместе со Светкой?

- Хватит грязи! - вскричал он.

- Ну все! Давай называть вещи своими именами! - сказал я.

- Давай... Стол.

- Стул!

- Шкаф!

- Муха!

Вскоре назвали все, мало вещей! - в унынии затихли.

- Ну давай - поглядим друг другу в глаза!

Долго пытались это сделать, но не смогли. Стали рыдать. Вошла жена, плюнула и снова ушла.

Снова пели песни, о загубленной жизни, потом я вдруг встрепенулся, подумал: "А моя-то жизнь почему же загублена? С чего это я взял?" - но после глянул на него, сообразил: ну ясно, если он здесь - тогда точно загублена, можно не сумлеваться!.. Снова запел.

Так, продолжая петь, он поднялся, оба тюка на плечи взвалил, постиранное в пакет запихал, и с затихающим пением удалился.

Но тревога осталась... Теперь, стало быть, Светку ждать? И есть ли она та самая Утя - или забота о той еще впереди? Вот проблема.

Ясным солнечным утром из медицинской машины вышла Светка, вошла в парадную, раздался звонок.

- ...А эта сволочь где?

Я молча пожал плечами.

- С тобой, что ли, прикажешь куковать?!

- Ну... со мной... и с моей, наверное, женой.

"...Если она, конечно, вернется", - подумал я.

- Если она, конечно, вернется! - язвительно усмехнувшись, проговорила гостья.

С ходу узнал ее: только-только приоткрыла свою пасть, как сразу же оттуда высунулась ядовитая змея!

Я смотрел на нее и думал: может, и правильно распался их союз? Ведь никогда особо светлого впечатления он и не производил - всегда какой-то фальшью отдавал! Помню - в период их наибольшей, как бы романтической, любви она называла Гриньку возвышенно - Грин! "Слушай, Грин, а ты помнишь?.." "Скажи, как ты думаешь, Грин?" Уже тогда меня этой фальшью как вонюю с ног сшибало: какой он, к чертовой матери, Грин?

Но оказалось - это я с ходу понял - общего у них много больше, чем разного.

И тут - сунулась в ванну, и моментально увидела Гринькину забытую на сушильной веревке рваную портянку, и с ходу:

- Почему это у тебя висит? Присвоить хотел?

...Ну просто каждое слово ее - шедевр! Конечно, долгими зимними вечерами мечтал лишь об одном - завладеть его портянкою!

Да - похожи друг на друга!

Тут же злобную историю стала рассказывать - как в их палату (от чего их там лечили, забыла сказать) администрация больницы пыталась постороннюю всунуть - большую гепатитом.

- ...Так... ну и что же? - устало говорю.

- А ты не понимаешь? - губы поджав, с достоинством говорит. - Разобрались с этой самозванкой - добились у главврача, что ее не только из нашей палаты - вообще из больницы вытурили!

Поинтересовался: куда?

- А это уж не наше дело!

Из гордых ее рассказов я понял, что она, оказывается, не в обычном сумдоме была, а в привилегированном!.. Большая удача!

"Так, - думаю я, - и меня постепенно вытурит: для чего я ей?"

Но пока еще, для первого дня, прямую лобовую атаку не решила еще вести - пока что косвенный выбрала путь - ласкать вдруг начала нашего кобелечка:

- Бедный, бедный песик! С тобой не занимаются, с тобой никто не разговаривает... какие они нехорошие, да?! Я поняла, что ты шепнул мне на ушко!

Это уже ближе к ее программе: песик прелесть, а остальные все сволочи. Ну что ж - может, хоть песика помилует, когда нас со света начнет сживать?! Ей, видите ли, песик шепчет на ушко то, чего не решается сказать нам!

Суровое существование!

А Гринькин следующий ход я уже с точностью до копейки заранее предвидел: показать, что его адские муки в миллион раз превышают мои!

...Глубокой ночью, естественно, задремал телефон.

- ...Алле... - еле слышное хрипение.

- ...Слушаю, - проговорил я, - ...чего тебе?

- ...Приходи.

- ...Ты где?

Я еще надеялся, что он не знает, где он, удастся отмучиться по телефону и все, - но он назвал адрес четко: Христопродовский переулок, дом два, флигель во дворе. Тьфу, черт! Выходит, надо ехать! Выходит - вместо моральных страданий предстоят физические!

Разобрался кое-как в ночи, добрался до его флигеля... вонючая лестница... чья-то запущенная, но отдельная квартира... я пока еще к нему ехал, твердо решил: займу у него сто рублей, чтобы он знал, что такое настоящая дружба!

Но оказалось - не до того, - он первым делом должен был доказать, что ему значительно хуже, чем мне!

- Я негодай!.. Негодяй!

Это мы уже слышали.

- Я у первого был!

Вот как?.. Это уже считается как бы интересным...

- Ну и что?

- Он меня лично оскорбил!

...Причем это было сказано с оттенком гордости: "Лично оскорбил!"

- Ну и что?

Он изумленно посмотрел на меня: как "ну и что"?

Я посмотрел на него... Помню, когда-то мечтал я в его лице иметь приличного врага: причесывал, опохмелял. Все напрасно!

- Я негодай, негодай!

Я молчал. Он вдруг как бы с отчаянием распахнул холодильник, выхватил банку красной икры, долгое время со слезами на глазах смотрел на нее, потом воскликнул:

- Миллионы загубленных жизней!.. Нет, ты не будешь есть икру!.. Нет, будешь!

Сам с собой подрался у холодильника. Я не выдержал, сказал:

- Советскую власть позоришь собой!

- Советская власть позору не боится! - надменно вымолвил, гордо застыл. Потом вдруг внезапно сорвался: - Утя! Где моя Утя?!

Я молчал. Та Утя, про которую я предполагал, вряд ли интересовала его, - была другая!

Потом вдруг ударами - ых! ых! - начал молотить воздух, кого-то ненавидя. Видимо, это каратэ?

- Ты один только у меня!

...Это, видимо, я.

Потом вдруг ласково меня отшвырнул, вскочил на подоконник и рухнул со второго этажа вниз, на землю. Я испуганно высунул язык вслед за ним: лежит абсолютно плашмя! Я еще надеялся, что это такое каратэ, но он не шевелился.

Я сбегал по гулкой лестнице вниз, подскочил к нему, перевернул. Внешне все вроде нормально - только в грязи.

- Уйди! - булькая, прохрипел.

Ну, хорошо. Сумел-таки доказать, что он страдает невыносимо и все за это ему что-то должны. Ясно!

Я повернулся и пошел. Когда я еще собирался к нему, в портфель бросил полкруга колбасы, но после, увидев его разносолы, решил не давать. Но он таки почуял и, приподнявшись с земли, укусил колбасу через портфель. Я вырвался, ушел.

...Вспомнил - в начале моих литературных опытов он снова на моем пути оказался! Помню - зашел я в заведение, управляющее литературой... кто стоит во главе этого мрачного убожества? Разумеется, он! Но поскольку уже тогда я кое-что из себя представлял, он поднялся из-за стола, трое-

кратно, по-русски, расцеловал. После того с любимыми своими подопечными, двумя писателями-земляками свел. Вернее, они были не совсем земляки: граница их сюжетов шла по реке, и если кто у кого воровал - рубились топорами нещадно на мосту. Дикие люди! Но Гриня почему-то с ними дружил. Потом, правда, обоих посадил, свидетелем выступил. Странная история... как, впрочем, все у него. Но получил повышение.

Меня он тоже курировал, отбрасывал мои страницы: "Бред, старик!" Примерно лет только через пять я оправился, понял вдруг: а зачем он мне? Лишнее препятствие - которых и так хватает! Давно пора это потерять!

Ну он и сволочью тогда был! Помню, шли мы по улице с ним, и вдруг я встретил друга, только вышедшего из тюрьмы. Пока я говорил с ним, Гриня, как слепая лошадь, метался, даже воротник его поседел от ужаса! Ну, тип!

Но, ясное дело, я ошибался, считая, что жизнь закончена его. Это же Феникс! И история со Светкой это так, лишь увертюрой была.

Мои друзья по институту вдруг предложили отметить годовщину выпуска. Примерно через месяц после этого. В Доме журналиста. Вот ужас. Известно, что нас годы не красят, - но все же! Я самый первый уселся за стол, и потом только наблюдал ужас на лице вахтерши, как она пятилась, пока очередной мой друг в помещении заходил. Да-а-а...

Потом вдруг военные пошли толпой - но те в отдельный зал, банкетный, потом снова наши. Да-а-а...

Потом запоздавший военный подошел с лихими усами:

- Где тут саранча гуляет?

- Саранча?.. А! - понял я. - В том зале.

- Заходи! - лихо подмигнул.

Посидел я со своими, пошел к нему. Усатый поднял бокал: - Полезно встретиться в бою, друг друга защищая, но лучше встретиться в пивной, друг друга угощая!

Я засмеялся. И среди военных, оказывается, веселые люди есть - зря их ругают! И тут я вдруг поперхнулся: справа от меня сидел Гриня - и при погонах уже, и при звездах! Я обомлел. Непонятно - то ли он так быстро этого достиг, то ли всегда имел форму, но не носил? Сухо кивнул. Но звезды - ерунда, главное, что рядом с ним сидела синеглазая прапорщица, прижавшись плечом!

- Богиня внутренних дел? - на ухо Грине шепнул.

Он сразу окаменел.

- Она Афган прошла! - было произнесено так, словно это он сам прошел Афган.

- ...Поганенький ты мой! - растрепав его жидкую шевелюру, пропела она.

Как пояснил мне веселый усач, пропивались "калошные" - деньги, что ежегодно выдаются на обмундирование... Но можно ведь и в старом походить. Умно?

- Ты эту... мегеру старую... прописал? - сухо осведомился Гриня.

Я ошалел.

- А надо? - чуть слышно пролепетал я.

- Пора избавляться от лжи! - он гордо выпрямился.

Я смотрел на нашего Гриню... Силен! Говорят - кошка, падая с крыши, приземляется на четыре лапы, но Гриня, судя по прапорщице, приземлился на все восемь, а если считать Светку, забытую у меня, - на все двенадцать!

- Утя? - с надеждой обратился я к прапорщице.

- Яся! - ответила она.

- Нет в жизни счастья! - вдруг всхлипнул Гриня, быстро налил стакан и еще быстрее выпил.

"А зачем тебе Оно? Хаос удобней!" - подумал я и вышел из зала...

В тюрьме, во время допросов, следователь КГБ подполковник Пахомов не раз предлагал мне полушутя-полусерьезно: "Ну, а теперь расскажите, как вы дошли до жизни такой". Имелся в виду преступный путь, на который я вступил, что и выразилось в моем писательстве. Имелась в виду эволюция взглядов, которые и привели меня к искусству в моем криминальном понимании. На вопрос этот: "Как дошли вы до жизни такой?" - я и даю ответ в романе "Спокойной ночи".

Это автобиографический роман, подводя-

писательскому существованию, веселье, интерес. "Бессмертья, может быть, залог", - говорил Пушкин.

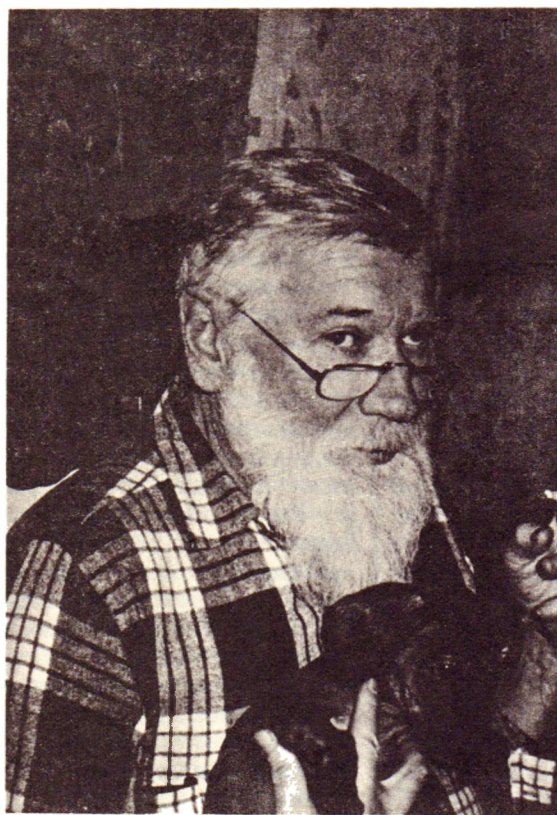
Когда все спят, писатель ведет другую, призрачную, жизнь, более полную для него, нежели обычное человеческое бытие. Писатель - это немного вампир, не причиняющий, правда, никому особого вреда, но ведущий тайный, двойной, загробный образ существования. Пока все люди живут как люди, он пишет, и это уже подозрительно. Жизнь для него - это ожидание написанного. Само писательство - это преступление, это инакомыслие по отношению к действительности. В особенности в стандартизированном обществе, которое живет и мыслит по государственным

ПИСАТЕЛЕЙ НАДО УБИВАТЬ

щий итоги моей писательской жизни. Но опыт повседневной, мирной жизни меня мало занимает. Куда важнее, мне показалось, представить события и факты, сыгравшие поворотную роль в моей судьбе на пути к писательству. В результате сам литературный процесс в таком повороте приобретает напряженную фабулу. И ты пишешь о себе, словно о каком-нибудь Робин Гуде, о каком-нибудь Робинзоне Крузо...

Эти поворотные события, играющие роль психологических ударов, в результате которых я отщепился от общества, порой граничат с фантастикой. Но они не придуманы. Фантастичен мир, в котором приходится жить. Фантастична эпоха - эпоха позднего сталинизма, - которая представляется мне в виде большой исторической фрески или в образе ночи, на фоне которой развивается действие. Это ночь, откуда я пришел и которая тянется за мною...

В итоге, "Спокойной ночи" - это роман неожиданностей. Это авантурный и даже детективный роман, хотя я не любитель детективов и как человек совсем не склонен к авантюрам. Но что поделаешь, если нет иного выхода и сама литература, в поисках свободных путей для своего развития, становится авантюрой. То есть она становится предприятным запретным, предосудительным в глазах моего государства и опасным для автора. Литература сопровождается побегам и погонями, розысками и арестами, и писатель, сам того не желая, оказывается преступником. Тут приходится выбирать между собой человеком и собой писателем. И как на человеке, хочешь не хочешь, надо поставить крест. С человеком покончено. Начинается писатель. Зато приходит сознание, что литература - это вообще, при любых обстоятельствах, занятие довольно рискованное. Литературный процесс принимает образ обоюдоострой игры. Ты ощущаешь на губах горьковатый привкус интриги, которая может плохо кончиться. Но это придает смысл



предписаниям. Писатель - это отщепенец, это выродок, это не вполне законный на земле человек. Может быть, писателя в принципе надо убивать - просто за то, что он писатель. Действительность такими убийствами сплошь и рядом занимается.

Действительность антагонистична, чужда и враждебна искусству. И в споре с действительностью мы, как люди искусства, опираемся не на себя. Как люди мы вообще, можем быть, ничего не стоим. Но, простите за нескромность, нас подпирает, нас подталкивает, нас обязывает к работе всемирная история искусства. Мы не сами по себе существуем, а в продолжение тех, которые пришли раньше

Андрей Синявский

нас. И мы должны как-то им соответствовать сколько можем, выбиваясь из сил...

В поединке с действительностью, который приходится вести, я заранее отступаю. Ибо вся сила на стороне действительности. И надо признать, что человек и все человечество прекрасно обошлись бы и обходятся без искусства. Без еды мы не проживем. И без промышленности, и без полиции. Среди этих институтов искусство, вероятно, является занятием самым праздным и самым необязательным. Как говорил мне в тюрьме один специалист по социализму, вообще всех писателей следует посадить в сумасшедший дом, чтобы они не мешали человечеству жить спокойно и нормально. И с этим предложением нам, писателям, надо считаться. То есть понимать, насколько мы не у дел, насколько неприятны и неприемлемы действительно-

сти. Но представим себе на минуту, что было бы с историей человеческого рода, если бы не было искусства. Не было бы тогда Древнего Египта. Не было бы - без искусства - Греции и Рима. И вообще ничего бы не было.

Человечество слиняло бы с лица земли, человечество прошло бы сквозь историю, как гунны или как обры, ничего после себя не оставив. В древнерусской летописи встречается такой языковой оборот - "сгибли, как обры". А кто такие обры - мы не знаем. По-видимому, это был многочисленный и жестокий народ, правивший славянскими племенами в начале нашей эры. А потом этот народ исчез, и от него ничего не сохранилось - ни письменности, ни культуры, ни искусства. То есть этого народа как бы и не было на земле. К сожалению, современная советская Россия, великолепная страна, богатая талантами и периодически извергающая из себя культуру и уничтожающая культуру, сама того не понимая, уподобляется обрам.

И, споря с обрами, я склоняюсь к мысли, что искусство - это соль жизни. Искусство первично и заложено в основу вселенной. Само сотворение мира было актом художественного творчества. И потому мир так прекрасен и интересен, что о нем хочется писать. Я бы сказал, что в начале было искусство, а потом уже наступила действительность. Может быть, искусство - это вообще единственная реальность. И без искусства, вне искусства действительность сама по себе ничего не значит и ничего не стоит. Действительность, если угодно, это надстройка над искусством. И не было бы никакой действительности, если бы не было искусства. И потому в виде реликтов или, как это определяет советская юстиция, в виде диверсий, идеологических диверсий, противозаконно и преступно, искусство время от времени проявляется и дает себя знать. Как языки пламени из-под земли. Или как зеленые побеги на выжженной тоталитарной земле. Как напоминание о том, что такое на самом деле история и что такое природа.

Все это делает искусство - самое жалкое, ничтожное и ненужное, что есть на свете.

ФРАНЦИЯ,
Lettre internationale,
Гл. редактор
АНТОНИН ЛИМ
14-16 rue des Petits-Hotels. 75010 Paris

ИТАЛИЯ,
Lettera internazionale,
Гл. редакторы:
ФЕДЕРИКО КОЭН,
ВИТТОРИО СТРАДА,
АНТОНИН ЛИМ
Via Emanuele Gianturco 4, 00192 Roma

ЗАРУБЕЖНЫЕ РЕДАКЦИИ

ИСПАНИЯ,
Letra internacional,
Гл. редакторы:
ЛУИС ГОЙТИСОЛО
АНТОНИН ЛИМ,
Monte Esquinza 30, 28010 Madrid

ГЕРМАНИЯ,
Lettre international,
Гл. редакторы:
ФРАНК БЕРБЕРИХ,
АНТОНИН ЛИМ
Dominicusstr., 3, 1000 Berlin 62

ВЕНГРИЯ,
Magyar Lettre internationale,
Гл. редакторы:
ГАБОР МИХАЛИ
МИКЛОШ ЭРНАДИ
АНТОНИН ЛИМ,
Columbus u. 39, 1145 Budapest

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ,
Lettre internationale
(на чешском и словацком)
Гл. редакторы:
ТОМАШ ВРБА
АНТОНИН ЛИМ,
Hellichova 5, 11000 Prague 1

ЮГОСЛАВИЯ, СЕРВИЯ,
Международно писмо
в журнале Книжевност
(на сербо-хорватском)
Гл. редакторы:
ЙОВАН ХРИСТИЧ,
АНТОНИН ЛИМ
Чика Љубина 1/V, 11000 Београд

ЮГОСЛАВИЯ, ХОРВАТИЯ,
Lettre internationale, Hrvatsko izdanje.
Гл. редакторы:
СЛОБОДАН НОВАК,
АНА ПРПИЧ
АНТОНИН ЛИМ
"Most", Trg Bana Jelacica 7, 41000 Zagreb

Услуги по международной рекламе в журналах
принимаются фирмой:

INTERNATIONAL ADVERTISING SALES
B 2 B Communication

Brigitte Borel
18 Rue Saint Fiacre
75002 Paris
Tel: 33 (1) 42 36 95 59
Fax: 33 (1) 42 33 83 24

Или в СССР по адресу:
191187, Ленинград, ул. Воинова, 18, комн. 11

Авторы

ВАЛЬМАР АДАМС -
эстонский поэт
НИНА АЛЬ -
искусствовед (Ленинград)
ИОСИФ БРОДСКИЙ -
поэт, лауреат Нобелевской премии, выехал
из СССР в 1972 году, живет в США
ЭРНЕСТ БРЫЛЛЬ -
польский поэт, драматург, прозаик
МИХАИЛ БУЛГАКОВ
(1891-1940) - прозаик и драматург
ЮХАН ВИЙДИНГ -
эстонский поэт, актер
ВАЦЛАВ ГАВЕЛ
чешский драматург и правозащитник
ТАМАРА ГОЛОВАНОВА -
кандидат филологических наук (Ленинград)

АВТОРЫ

МАРИОН ДЕНХОФ -
немецкий публицист, издатель
ЗОЯ ЖУРАВЛЕВА -
прозаик, публицист (Ленинград)
ТАТЬЯНА ЗАЖИЦКАЯ -
сотрудник эстонского радио
ЯАК ИЫЭРЮЮТ -
эстонский прозаик
ПОЭЛЬ КАРП -
поэт, переводчик, критик (Ленинград)
ТАТЬЯНА КАШНЕВА -
автор воспоминаний (Таллинн)
БЕРНАРД КРИК -
английский литературовед, исследователь
творчества Оруэлла
ЕЛЕНА КУХТА -
театральный критик (Ленинград)
ИЛЬМАР ЛААБАН -
эстонский поэт, критик, живет в Стокгольме
ЭВАЛЬД ЛААСИ -
эстонский историк
МАЙ ЛЕВИН -
искусствовед (Таллинн)
АНТОНИН ЛИМ -
публицист, главный редактор
"Lettre internationale"
ТОМАШ ЛУБЕНСКИЙ -
польский поэт
АДРИАН МАКЕДОНОВ -
критик, литературовед (Ленинград)
ВИКТОР НЕКРАСОВ
(1911-1987) - прозаик, жил в Киеве,
потом в Париже
ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ
(1903-1950) - английский прозаик, эссеист
МАРТА ПЕССАРРОДОНА -
каталонский поэт
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ -
прозаик (Ленинград)
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ
(1875-1926) - австрийский поэт
КЛОД РУА -
французский поэт, романист, эссеист, критик
АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ -
писатель, публицист, литературовед, жил в Москве,
сейчас в Париже
НОННА СЛЕПАКОВА -
поэт, драматург (Ленинград)
ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ
(1886-1951) - русский философ и публицист
ЕФИМ ЭТКИНД -
литературовед, переводчик, до 1974 г. жил в
Ленинграде, в настоящее время - в Париже

Позиция редакции не обязательно совпадает с точ-
кой зрения авторов публикуемых материалов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ПЕРЕВОДЧИКИ

НЭЛЛИ АБАШИНА
ЕЛЕНА БАЕВСКАЯ
ГЕННАДИЙ КАГАН
ВИКТОРИЯ КАМЕНСКАЯ
МАРИЯ КАРП
АЛЕКСАНДРА КОСС
ОЛЕГ МАЛЕВИЧ
ИРИНА НИНОВА
СВЯТОСЛАВ СВЯЦКИЙ
СВЕТЛАН СЕМЕНЕНКО
ЛЕОНИД ЦЫВЬЯН
МИХАИЛ ЯСНОВ

Художники:

ЭДУАРД ВИЙРАЛЬТ
ГЕОРГИЙ КОВЕНЧУК
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ВИКТОР НЕКРАСОВ
ЕЛЕНА НОВИКОВА
ДАВИД ПЛАКСИН

Фотографы:

ДМИТРИЙ ПРАНЦ
БОРИС СТУКАЛОВ
ДМИТРИЙ ШНЕЕРСОН

Сдано в набор 10.04.91. Подписано в печать 31.07.91.
Формат 70x108 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура
Таймс. Печать офсетная. Печ.л. 10.0. Тираж 50 000.
Заказ № 6752 Цена 8 руб.

Журнал издан при техническом содействии
Информационно-просветительского центра
"Тайны здоровья".
197061, Ленинград, ул. Льва Толстого, 10,
тел. 232-38-77

Отпечатано в Ленинградском производственном
объединении "Типография имени Ивана Федорова"
191126, Ленинград, Звенигородская ул., 11.

